

ЗМЕЙ-СОБЛАЗНИТЕЛЬ

авантюрный детектив

Annotation

Не ходи в темный лес... Эти слова повторяла себе Алла Новикова, которой чудом удалось вырваться из дома, куда они с приятельницей Иркой забрели, сбившись с дороги в лесу. А в доме том творились жуткие дела... Побег под покровом ночи удался. Но после страшного приключения Алла никак не может прийти в себя. Ведь Ирка так и не выбралась из чертова дома. Именно в этот сложный момент в жизни Аллы как по мановению волшебной палочки появляются трое мужчин: Илья – красавец и первая любовь, Олег – сосед-инвалид, готовый всегда помочь. И третий, Сергей Львович Берсенев, – о нем не известно почти ничего. Однако именно он притягивает Аллу точно магнит...

-
- [Татьяна Полякова](#)

- -
-

Татьяна Полякова

Змей-соблазнитель

© Полякова Т.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Под солнцем ничего нет больше,
чем любовь.*

«Джанго»

Я сидел на открытой веранде ресторана, пил кофе и приглядывался к девицам за столиком неподалеку, пытаюсь решить, с кем из них отправлюсь сегодня в постель. Нелегкий выбор, девчонки были похожи, точно сестры-близнецы. Крашенные блондинки с волосами до плеч. Пухлые губы с яркой помадой и солнцезащитные очки. А еще лабутены. Куда же без них! Приходилось признать: мои подружки становились все моложе и, как следствие, глупее. Тревожный признак. Утешало только одно: дольше одной ночи все равно никто не задержится, утром я буду искать благовидный предлог поскорее избавиться от гостыи, наплету с три короба про командировку и необходимость срочно быть на другом конце вселенной. Так что напрягаться с выбором довольно глупо.

Если честно, я обошелся бы и без этого знакомства, да вот беда: занять себя совершенно нечем. Приходилось в очередной раз с прискорбием констатировать: сытая жизнь – не для меня. Когда-то я мечтал о такой жизни, а теперь от скуки клеюсь к девкам. Может, жениться? Работать в поте лица, приумножая доходы. Растить детей... Идея не особо вдохновляет. Подобные мне мечтают выйти на пенсию с баблом в швейцарском банке и умирают молодыми, так и не успев открыть там счет. А я возьми да и доживи. Бабло, свобода, девки... и смертная скука. Подобные мысли я не жалею, до добра они точно не доведут. Жизни следует радоваться.

В этот момент одна из девчонок взглянула на меня, и я широко

улыбнулся. «Привет, дуреха, я твой принц из сказки. Правда, ненадолго». Девушка нерешительно улыбнулась в ответ, а я кивнул, точно здороваясь, чтобы она не сомневалась: счастье сегодня привалило ей, а не кому-то другому. Минут через двадцать можно подойти и завязать разговор.

Девчонка зашептала с подругой, поглядывая на меня, а я, усмехнувшись, отвернулся, и тут... И тут рейтинг близняшек резко пошел вниз: на веранде появилась шатенка прямо-таки ослепительной красоты: высокая, с отличной фигурой, бледно-розовое платье с узкой юбкой демонстрировало все ее достоинства. Загорелое, сильное тело, а вот личико было нежным и по-детски невинным, явный диссонанс. Засмотревшись на ее фигуру, я было решил, что ей лет двадцать семь, не меньше, но мордаха сбивала с толку. Выходило, она минимум на пять лет моложе. Глупышка. Впрочем, это хорошо. Умные бабы мне точно ни к чему – лишние проблемы. А проблемы я не жалею. Скорее по старой памяти. Сейчас, к сожалению, у меня очень много времени и совсем никаких проблем.

Она сняла солнцезащитные очки, и блондинки были окончательно забыты. Глаза у девушки отливали синевой, большущие, с длинными ресницами. Она обходилась без косметики, и правильно, такая красота ни в какой коррекции не нуждалась. А вот взгляд поразил. Взгляд человека, увидевшего мир разбитым вдребезги. Такой взгляд бывает у солдат после первого боя, когда толком не знаешь, радоваться, что цел остался, или сожалеть, что разом все не кончилось и придется пережить это снова и снова. В общем, у нее был взгляд человека, которого жизнь двинула под дых, а отдышаться он так и не сумел. Что ж такого могло случиться с красавицей? Несчастливая любовь не годилась, после нее девушки либо впадают в меланхолию, либо торопятся укрепиться в крайней стервозности. Потеряла близких? Родителей? Если да, то это смерть не от болезни, и даже не несчастный случай... Убийство? Возможно. Мужика у нее точно нет, уж очень беззащитно выглядит. Может, жениха и похоронила? Если так, то уже довольно давно, полгода, не меньше. Боль стала тупой, ноющей, к которой успеваешь привыкнуть и временами вовсе забываешь о ней. Есть и есть.

Девочка собирает себя по крохам... А тут я... Не жалко девчонку? Еще есть время вернуться к блондинкам... Ей не помешает немного встряхнуться... Мне-то уж точно не помешает. И все-таки я еще не решил, нужно ли мне это счастье. Хотя девчонка зацепила. Не помню, когда это случалось в последний раз. Наш роман будет недолгим, но кто сказал, что ей придется страдать после расставания? Я могу быть

редким гадом, и, избавившись от меня, девушка вздохнет с облегчением.

Она сделала заказ и в ожидании, когда его принесут, достала из сумочки книжку и принялась читать. Девять девиц из десяти уткнулись бы в телефон. Но она, понятное дело, не такая, как все. Святые угодники... Она читает Спинозу! Помнится, был такой еврей в дремучем Средневековье. Только не подумайте, что я его тоже читал. Надеюсь, это просто невинное желание выпендриться... «Отлично, милая, ты умна и волшебна красива...»

И тут в голову полезли совсем другие мысли, весьма далекие от ее предполагаемого выпендрежа и моих опасений ненароком нарваться на зануду-интеллектуалку. В самом конце веранды устроился тип в бейсболке, надвинутой на самые глаза. Мне хватило пяти минут, чтобы убедиться: он следит за девушкой. И это не дурень-поклонник – сел так, чтобы видеть не только красотку, но и всю площадь перед нами. Если девчонка решит уйти, он сможет наблюдать за ней, не покидая ресторана. То есть, не привлекая к себе внимания, отправится за ней без лишней суеты и нервов. Я бы выбрал ту же позицию. «Во что же ты вляпалась, милая?» Допустим, на этот вопрос мы еще ответим. Сейчас следует решить главное: нужно мне это счастье? Красавица с проблемами и явно не дура... Горе обостряет интуицию... Очень может быть, она быстренько сообразит, что с принцем на «Мерседесе» что-то не так... Да и те, кто за ней топтуна послал, новым знакомым заинтересуются.

Здравый смысл настойчиво советовал вернуться к блондинкам. Но что значит здравый смысл, когда распирает от любопытства, лихо сдобренного скукой и затяжным бездельем? «Привет, красотка! Считай, я в деле».

Полгода назад

Спалился Вовка по-глупому. На выходные он собирался на дачу к приятелю. Дача – в семидесяти километрах от города, в жуткой глухомани. Деревня с милым названием Кощеево. Я очень сомневалась, что туда есть дорога. Еще больше сомневалась в целесообразности своего там присутствия. Бурный роман с Вовкой доживал последние дни. То есть к тому моменту от него остались воспоминания разной степени приятности да головная боль вкупе с настойчивым вопросом: как поскорее прекратить все это?

Познакомились мы на дне рождения у подруги. Вовка – двоюродный брат ее мужа. Красив, как греческий бог, из тех, что на иллюстрациях в учебнике истории. Раз взглянув, я повелась. Не очень умно, согласна, но

кто из женщин не наступал на те же грабли? В общем, я взглянула на него, он на меня, и понеслось.

В первый месяц, встретившись, мы через пять минут оказывались в постели и выбирались из нее, чтобы бегом мчаться на работу. К концу четвертой недели меня начали посещать мысли, что досуг не худо бы разнообразить. Вот с этим вышла незадача. Наши интересы трагически не совпадали. Он любил футбол, шумные застолья, фитнес-клуб и ненавидел свою работу. Но ничего менять не хотел. Мне моя работа нравилась, а вот шумные застолья, футбол и в особенности фитнес-клубы я ненавидела. Тащиться в душный зал, чтобы в компании таких же придурков, обливаясь потом, тягать железо? Мне вполне хватало неспешных прогулок. Максимум, на что я была согласна: зимой – лыжи, летом – велосипед. Бадминтон и пляжный волейбол. И никаких спортивных программ по телевизору. Спортом надо заниматься, а не глазеть, как им занимаются другие. В общем, однажды, выбравшись из постели, мы поняли, что с общим досугом у нас проблемы.

Уже на третьем свидании Вовка предложил жить вместе. И он, и я были счастливыми обладателями отдельного от родителей жилья, однако мой внутренний голос советовал не торопиться. И оказался прав.

В Новый год, под бой курантов, я загадала желание вновь стать свободной. И искренне надеялась: Господь поймет мою просьбу правильно, и мы с Вовкой расстанемся без обид и лишних объяснений. Однако все выходило с точностью до наоборот: обиды множились, а Вовка все еще был рядом. Цапались мы по малейшему пустяку и так увлекались, что дело доходило едва ли не до драки. Скандал плавно перетекал в секс, пока до меня не дошло: этот гад нарочно меня провоцирует, потому что интерес к постельному времяпрепровождению во мне заметно угасал, и я начала под любым предлогом от него отлынивать.

Когда я, поняв, что меня попросту разводят, скандалить прекратила, сделалось совсем невмоготу, и стало ясно: пора разбежаться. Я была уверена: Вовка это тоже понял. Может, в самом деле понял, не мог не понять, но согласиться с этим ему мешало упрямство. Мы вяло переругивались, встречались все реже, а при первой возможности с готовностью перечисляли свои обиды.

Спрашивается, что мне мешало просто сказать Вовке: мол, любовь прошла, а помидоры, как водится, завяли? Вообще-то ничего. Но делать этого я по непонятной причине не спешила. Хотя, если честно, о причине догадывалась. Вовка, при всей его бестолковости, относился ко мне куда серьезнее, чем я к нему, и во время наших ссор справедливо указывал на то,

что повелась я исключительно на его внешние данные и вовсе никогда его не любила. Чистая правда. Но сознаваться в этом упорно не хотелось. Девушка с богатым внутренним миром спешит с парнем в постель просто потому, что он может похвастать кубиками на прессе? Как-то это... не комильфо, одним словом.

Безумная страсть звучит куда лучше, но страсть, как известно, недолговечна. Я жаждала отделаться от Вовки, но убедила себя, что инициатором разрыва должен стать он. Мол, была безумная любовь, растоптанная ветреным Вовкой, который в отличие от меня не хранил ее и не ценил. Буду томно вздыхать и сидеть, потупившись. Все лучше, чем смириться с собственной неразборчивостью. Дело было за малым: застукать Вовку с поличным. Кстати, ветреным он не был, на девчонок не засматривался, ему и меня хватало. Задумка могла приказать долго жить – данное обстоятельство очень меня расстраивало. Оттого ругались мы чаще. А встречались все реже. И тут Вовка придумал эту дурацкую поездку в Кошечеево. Само собой, я отказалась. Со вторника по пятницу мы умудрились поругаться, по Вовкиным подсчетам, восемнадцать раз и теперь, понятное дело, стояли насмерть. Я ехать наотрез отказывалась, он заявил, что непременно поедет, со мной или без меня. Альтернатива – фортепианный концерт в нашей филармонии – Вовку откровенно пугала, и я не сомневалась, что он готов упорхнуть значительно дальше Кошечеева, лишь бы избавиться от соприкосновения с прекрасным. В пятницу мы окончательно определились: выходные проводим врозь. Впервые за все время. В последнюю минуту Вовка обычно уступал, но не в этот раз, и я вздохнула с облегчением.

С утра позвонила Ленка, подруга Вовкиного приятеля. Мы с ней не то чтобы подружились, скорее, испытывали друг к другу симпатию.

– Алла, привет, – услышала я и отметила в голосе Ленки некое напряжение.

– Привет.

– Я чего звоню... Андрей сказал, ты с нами сегодня не едешь?

– В Кошечеево?

– Дурацкое название...

– Это точно. Нет, не еду. Не очень понимаю, что вы там собираетесь делать.

– Парни на рыбалку хотели.

– А мы там зачем?

– Отдохнем на природе... шашлыки, свежий воздух.

– И за этим тащиться в Кошечеево?

– Ну, в общем, да... Слушай, на самом деле я хотела сказать... Пойми меня правильно... Я думаю, на моем месте ты бы тоже сказала... – Ленке потребовалась еще пара минут, чтобы наконец добраться до главного. – Андрюха просил меня подругу пригласить, Вику. Помнишь, с рыжими кудрями? На моем дне рождения песни под гитару пела? – «Еще бы я не помнила, ее пение явилось для меня серьезным испытанием». – Типа, чтобы я не скучала, пока он на рыбалке. Но на самом деле, думаю, для Вовки, чтобы он без тебя не скучал. – Тут последовала пауза, Ленка тяжело дышала в трубку, а я прикидывала, чего полезного можно выжать из сложившейся ситуации.

Пауза затянулась, и я поспешила заговорить:

– Не вижу ничего особенного в том, чтобы пригласить подругу...

– Твой Вовка уже не раз говорил, что ты его достала своими капризами. Обзывал фифой, а еще сказал, что ему нужна девушка попроще.

– Ну да. Вика в этом смысле очень подходит, проще просто некуда.

– Мне-то что делать?

– Приглашать Вику, разумеется. Проверим Вовку на вшивость, – сказала я.

– Ты это серьезно?

– Конечно. Я за него замуж собралась. О том, на что он способен, лучше узнать до, а не после.

– О господи... Может, ты с нами поедешь? Как-то мне не по себе от всего этого...

– Тогда поезжай в Кощеево без подруги. Я-то точно не поеду.

Мы ничего толком не решили, но вечером Ленка опять позвонила. По дороге в Кощеево они остановились на заправке, вот она и улучила момент.

– Алла, Вика с нами. Сидит с Вовкой в машине на заднем сиденье, это он так решил. Я хотела с ней сесть. Всю дорогу скалит зубы, но вполне дружески.

– Пусть развлекается, – демонстративно зевнула я.

– Ага... а если... ты потом скажешь, что я виновата... моя подруга все-таки.

– Не скажу. Мы проверяем Вовкину стойкость, и ты тут совершенно ни при чем.

В следующий раз Ленка позвонила в субботу утром, но, кроме слов «связь здесь хреновая», разобрать ничего не удалось, должно быть, связь действительно никуда не годилась. Дважды попытавшись перезвонить, я задумалась, сидя на своей кухне с телефоном в руке. Судя по возбужденному голосу Ленки, события развиваются. Вопрос – что делать

мне? Закатить Вовке в понедельник скандал? Он, скорее всего, начнет отпираться. Скажет, что Ленка все выдумала. Я поставлю ее в дурацкое положение, но сама мало что выгадаю. По идее, надо ехать в это Кощеево, устраивать сцену ревности и посылать Вовку к черту, даже если они тихо-мирно будут сидеть с рыжей на почтительном расстоянии друг от друга. Главное, чтобы количество мужчин и женщин на даче совпадало, тогда любимому не отвертеться. У меня будет минимум три свидетеля его подлого поведения, и я смогу во всеуслышание заявить о разбитом сердце и невозможности его простить.

Я вздохнула и стала набирать номер такси. Водительское удостоверение я получила два года назад и считала себя опытным водителем, но уже неделю обходилась без машины – старую успела продать, новую ждала со дня на день.

Набирая номер, я подумала: грядут сразу два счастливых события: новенькая «Ауди» и избавление от Вовки.

Такси подъехало через пятнадцать минут, я спустилась во двор, прихватив сумку, в которую побросала кое-что из одежды. Легенде стоило соответствовать, а легенда у нас такая: я одумалась и решила присоединиться к любимому. На всякий случай я трижды позвонила Вовке, если вдруг ответит, пробормочу невнятное, сославшись на плохую связь. На счастье, Вовка не ответил.

Таксист, мужчина лет сорока, смотрел сурово. Вздохнул, завел мотор и сказал:

– Сомневаюсь, что мы в ваше Кощеево проедем.

– Оно не мое.

– Вот-вот. Вы, поди, не знаете, там от Журбино не дорога, а направление.

– Я и про Журбино ничего не знаю. Но в Кощеево мне очень надо попасть.

– Ну, если надо... надеюсь, попадем... – вторично вздохнул водитель.

Уже через сорок минут я вынуждена была признать безусловную правоту таксиста. И это еще мягко сказано. Миновав Журбино, довольно большую деревню, мы увидели на обочине щит «Добро пожаловать в заповедник», после чего асфальт внезапно кончился. Правда, некоторое время дорога оставалась вполне сносной, до тех пор пока мы не углубились в лес. Между деревьев кое-где еще лежал снег, а под колесами была каша из грязи, которая вызывала все больше опасений, а с ними – уверенность, что до Кощеева мы не доедем.

Проселочных дорог здесь, кстати, было множество, они сходились,

расходились, исчезали за деревьями и вновь появлялись.

– Далеко еще? – робко спросила я, наблюдая за усилиями водителя не угодить в колею, из которой нам однозначно не выбраться.

– Километров десять, – ответил он.

– Боже, – простонала я и в тот момент была не прочь вернуться в город. Идея неосуществимая, развернуться возможным не представлялось. – Рейсовые автобусы здесь не ходят?

– До Тихвина ходят, оттуда до вашего Кощеева километра три, но только пешком.

– Как же там люди живут?

– Да никто там не живет. В это время уж точно. Летом дачники приезжают, но тогда и дороги лучше, трактором колею сравнивают – и вперед. Вроде даже автобус с мая по сентябрь пускают. Тихвинский маршрут продлевают, так сказать. А сейчас, в распутицу, только псих сюда сунется, – зло добавил он, неизвестно на кого злясь – на меня или на себя.

– Говорят, там рыбалка хорошая, – брякнула я, он фыркнул и покачал головой.

– Так вы на рыбалку?

– Нет, я за любовью всей моей жизни, а вот он – на рыбалку.

– Скажите ему, у нас есть места и получше, – заметил таксист, а через пять минут мы встали перед ямой, заполненной водой. Объехать ее не представлялось возможным.

– Черт! – дружно выдохнули мы, водитель, косясь на меня, вышел из машины, подойдя вплотную к яме, огляделся и чертыхнулся вторично.

– Кажется, приехали, – возвратившись в машину, сказал он.

– Далеко еще до Кощеева?

– Километра полтора-два. Эту яму нам не преодолеть, можем так нырнуть... – Тут он был, безусловно, прав. – Выход один: попробовать здесь развернуться. Второго шанса может и не представиться. Извините, дорогая девушка, но вы ничего не выиграете, если мы здесь завязнем...

Я вздохнула и полезла в сумку за кошельком.

– Никаких указателей здесь нет? – спросила я, гадая, стоит ли продолжать путешествие, теперь уже на своих двоих, или разумнее вернуться в город.

– Указателей нет, но дорога все время прямо... если это можно назвать дорогой. Пойдете? – спросил он с сомнением.

– А что делать?

Я расплатилась, вышла из машины и заскакала по обочине с кочки на кочку, а он попытался развернуться. Оглянувшись через некоторое время, я

увидела, что машина стоит поперек дороги, а водитель бегают вокруг нее, отчаянно матерясь. Неизвестно, как скоро он сможет выбраться. Первоначальный план летел к чертям. Я-то намеревалась попросить таксиста подождать полчаса на окраине деревни, чтобы Вовка машину не увидел и не заподозрил подвоха. Как я теперь буду выбираться отсюда, виделось с трудом. Такси точно не проедет. Пешком, до этого самого... Тихвина, кажется? Может, автобус туда от Кощеева все-таки ходит?

Я продолжала скакать вдоль обочины, с печалью поглядывая на свои сапоги, за которые выложила кругленькую сумму. Боюсь, этого путешествия они могут и не пережить. Где-то за спиной, скрытый соснами, надсадно ревел мотором «Хёндай», должно быть, в грязь он погружался все больше и больше. Дядьку было жаль, сапоги тоже, про себя и говорить нечего. Вся моя затея показалась глупой, а главное, подлой, что особенно неприятно. Вот будет забавно, если Вовка мне обрадуется! И вместо скандала с последующим разрывом придется сливаться с ним в объятиях до самого понедельника!

«Так тебе и надо!» – зло подумала я, хотела зареветь с досады, но тут заметила, что лес начал редеть. А минут через пять он и вовсе кончился.

Со своего места я разглядела с десятков домов и остатки церкви на пригорке. Возле импровизированной пристани из нескольких досок красовались четыре лодки, две с моторами. Где-то звучала музыка.

«Наши гуляют», – машинально подумала я, направляясь к домам.

По мере приближения музыка становилась все громче, теперь к ней прибавились голоса, кто-то, стараясь перекричать музыку, то ли подпевал, то ли ругался, сразу и не поймешь. Похоже, гуляет большая компания. Вовка об этом ничего не говорил. Сюрприз малоприятный. Чем больше народа, тем проще Вовке отпереться. Тут стало ясно: гуляют возле последнего дома, ближе к реке, значит, Вовку следует искать там. Однако около третьего по счету дома я увидела джип Андрея, он стоял вплотную к крыльцу. Так в этом доме их следует искать или все-таки у реки?

Я поднялась на крыльцо и толкнула дверь. Она распахнулась с натужным скрипом, в доме тишина. Я заглянула в кухню. На столе, возле окна, тарелки с остатками еды, недопитая водка и самовар, самый настоящий, а не электрический. Похоже, все отправились на прогулку. Или продолжили пьянку, переместившись поближе к пристани.

Я уже собралась покинуть дом, когда услышала Вовкин голос:

– Андрюха, это ты? – крикнул возлюбленный, а я, не торопясь отвечать, прошла через кухню и заглянула в соседнюю комнату.

На разобранном диване сидел Вовка и обшаривал карманы джинсов,

которые держал в руках, должно быть, сигареты искал. У него просто мания оставлять их в самых неожиданных местах.

– Где сигареты, мать твою?! – неизвестно к кому обращаясь, пробормотал он, поднял голову и замер с открытым ртом, уставившись на меня.

Согласна, мое появление неожиданно, но я же не с того света вернулась, чтобы вот так реагировать. Впрочем, причина Вовкиной оторопи стала понятна очень быстро. Из-под допотопного ватного одеяла торчала пара ног, судя по педикюру – женских, а Вова на диване сидел полностью обнаженным и джинсами в настоящий момент прикрывался совершенно напрасно.

– Алла... – простонал он и попытался натянуть одеяло на чужие ноги. Ноги он прикрыл, но обнажилась рыжая макушка. Мы вместе на нее уставились, после чего я сказала:

– Идиот. – Не придумав ничего более подходящего, я поспешила к выходу. Затевать скандал не хотелось, а Вовку, вопреки всякой логике, было жаль.

– Алла! – заголосил он. Я ускорила.

Вовке требовалось одеться, поэтому догнал он меня в тот момент, когда деревню я уже покинула. Стало ясно: выяснения отношений все же не избежать, что было особенно некстати. Я подумала, у меня есть еще шанс застать таксиста возле ямы, прервавшей наше путешествие, и с божьей помощью вернуться домой без лишних приключений.

– Ты зачем приехала? – догнав меня, первым делом спросил Вовка.

– Соскучилась.

– Могла бы предупредить.

– Я звонила раз пять.

– Здесь связь ни к черту. Я тебя люблю, – заявил он.

– Ага, я поняла.

– Что ты поняла? – Он схватил меня за рукав пальто, а я продолжала упрямо двигаться, торопясь к машине, и тащила Вовку за собой. – Что ты поняла?! Это все... короче, меня все достало... я выпил лишнего... не знаю, как все получилось... Алка, это не имеет никакого значения.

– Для тебя? Не сомневаюсь.

– Только не надо делать вид, что я разбил тебе сердце...

«В самую точку», – чуть не ляпнула я.

– Уверен, ты рада от меня избавиться... Я вообще ничего для тебя не значу.

– Вообще-то это была моя реплика, – вздохнула я. – Ну да ладно. Ты

уже все сказал? Пока.

– Куда ты несешься? На чем ты сюда приехала?

– На такси. Ждет меня возле лужи неподалеку.

– Предусмотрительно, – фыркнул он. – Ленка звонила?

– Ты же знаешь, здесь плохая связь. Таксист основательно застрял, но, может, уже выбрался.

– Послушай, – Вовка вновь схватил меня за руку, – давай вернемся в дом, спокойно поговорим...

– Не получится спокойно, ты забыл – там рыжая...

– Хорошо, я вернусь, дождусь Андрюху, возьму у него ключи от машины и отвезу тебя.

– Вова, я не хочу никуда с тобой ехать, – не догадываясь о том, что судьба дает мне последний шанс, сказала я. – Я вообще тебя видеть не хочу – ни сейчас, ни завтра, никогда.

– Да ради бога... Ты как до города доберешься, дура? На такси? А если этой тачки уже след простыл? Или она вообще из грязи не вылезет? В лесу ночевать будешь?

– К тебе вернусь.

Он выругался сквозь зубы и сказал в досаде:

– Знаешь, что я сейчас думаю? Ты все нарочно подстроила.

– Я тебя в постель с рыжей уложила?

– Да ты меня просто достала! Сроду не видел такой стервы... Кто тебя в лесу ждет? Давно его подцепила?!

Короче, без скандала не обошлось, орали мы отчаянно и оттого быстро выдохлись. Я рявкнула:

– По крайней мере, я не тащу в свою постель кого попало...

– Откуда мне знать?

– Пошел ты!.. – Я бросилась в лес, он крикнул вдогонку:

– Катись куда хочешь! – и побрел к деревне.

Теперь все мои мысли были о такси, точнее, о том, как выбраться отсюда. Я слышала рев мотора, который то стихал, то вновь нарастал. Вылезет из ямы или нет? Неужто придется к Вовке возвращаться? Надо было спросить, есть ли в деревне трактор. Никакого трактора я не видела, но – как знать... Звук мотора вскоре стих, а я, достигнув той самой лужи, едва не заревела с досады. На том месте, где я в последний раз видела такси, разбросанный лапник и свежий след на обочине. Выбрался-таки. И уехал.

Привалившись спиной к дереву, я достала мобильный. Связи нет. Отлично. У меня два варианта. Вернуться в деревню, дождаться Андрея и

попросить его отвезти меня в такое место, куда такси гарантированно доедет. Возвращаться не хочется, точнее, нет желания вновь увидеть Вовку и его рыжую. Второй вариант, менее затратный в плане нервов, но проблемный: топать до Тихвина пешком. Три километра по грязи. Это если таксист не напутал с расстоянием.

Я уныло направилась к деревне, дорогу в Тихвино следует искать где-то там, будет время решить, что делать. Прошла я не больше сотни метров, когда услышала шум двигателя.

«Должно быть, Вовка», – успела подумать я и, торопливо развернувшись, зашагала все к той же яме.

Машина и впрямь вскоре появилась, но не Андрюхин джип, а серебристый «Рендровер», вызвав у меня легкую оторопь: откуда он здесь взялся? Особенно размышлять я над этим не стала и отчаянно замахала руками, призывая водителя остановиться. Машина замерла, дверь со стороны пассажира распахнулась. За рулем сидела девица лет двадцати пяти с растекшимся по лицу макияжем.

– Садись! – крикнула она, и я поспешно села. – Ты откуда? – с любопытством взглянув на меня, проявила она интерес.

– Из Кошчеева.

– А-а... Из третьего дома, что ли? Там тачка стояла...

– Да, из третьего.

– А чего пешком?

– С парнем поссорилась.

– Дела... – Она громко рассмеялась. – Я со своим тоже поссорилась. Такой урод, блин...

– Там впереди яма, – кивнув на дорогу, сообщила я.

– Да видела я эту яму... моя тачка где угодно пройдет. Красавица моя, – девица смачно поцеловала руль. – Тебя как звать?

– Алла.

– А меня Ира. Будем знакомы. А чего с парнем не поделили?

Я зажмурилась, потому что в этот момент мы влетели в яму, я ожидала самого худшего, но джип, как ни странно, ее преодолел.

– Я ж говорила, – хмыкнула Ира. – Чего с парнем-то, спрашиваю? Кстати, тебе в город?

– Да. Конечно.

– Ага. Рассказывай, дорога дальняя.

– Нечего особенно рассказывать... просто поругались... ни с того ни с сего...

– Ага. Блин, что за мужики пошли, а? Одни придурки, мать их...

Тут до меня дошло, что девица, мягко говоря, не трезва. Мутный взор, запах, и некоторые проблемы с речью прозрачно на это намекали.

– Вот мой... приволок меня сюда на рыбалку. Оно мне надо? Конечно, нет. Но я поехала. Декабристка, блин... Он с утра отправился на речку... я не возражала. Выспалась до обеда. У него своя программа, у меня – своя. Пришел, я ему говорю, как человеку: иди ко мне, милый. И что? Неудобно, говорит. Типа его друзья не знают, чем парень со своей девчонкой занимается. Не-у-доб-но, – по слогам повторила она. – У меня такое чувство, что они трахаться вообще разучились. Вроде как без надобности. Я ему говорю: ты, идиот, зачем меня сюда привез?.. Знаешь, что я думаю? Ему просто тачка моя понадобилась. На своей колыхаге он бы сюда точно не проехал.

Я ее не особенно слушала, тем более что мое участие в беседе вроде бы не предполагалось, зато всерьез переживала, как мы доберемся до ближайшего населенного пункта. Мало того что девица нетрезвая, я вовсе не была уверена, верной ли дорогой мы едем. Вполне могли взять левее или правее. Дорог, как я уже говорила, здесь множество.

– Ира, – не выдержав, позвала я, – ты дорогу знаешь?

– А где ты здесь дорогу видишь? – засмеялась она.

– Я серьезно. Помню, на обочине сосна лежала, вырвало с корнем...

Мы уже должны были ее проехать.

– Да ладно, дорога есть, значит, куда-нибудь выедем... Главное, чтоб бензин не кончился.

Тут я обратила внимание на сигнальную лампочку.

– Давно горит?

– Километров на пятьдесят хватит... На шоссе заправок полно.

«На шоссе еще выбраться надо», – подумала я.

Через десять минут я уже не сомневалась: не туда мы едем. Деревья стояли сплошной стеной и слишком близко, ветви то и дело стучали по лобовому стеклу. Дорога становилась все уже, колея все глубже. Ирка на это наконец тоже обратила внимание.

– Глянь навигатор, может, чего покажет.

Я достала смартфон и очень быстро убедилась: связи нет.

– Вот блин... Здесь, на хрен, и не развернешься. Будем надеяться, что эта дорога нас к жилью приведет.

– Здесь заповедник, – сказала я.

К разговорам Ирка охладела, и я тоже. Минут через пятнадцать мы выехали на поляну, и я вздохнула с облегчением, но длилось оно недолго. Дорога здесь расходилась на две. И куда сворачивать? Направо, налево?

– Что скажешь? – спросила Ирина, глядя на меня.

Я вновь достала смартфон, связи по-прежнему нет.

– Ты здесь раньше бывала? – задала я вопрос. – Хотя бы представляешь, где мы?

– Понятия не имею. Я ж со своим парнем ездила. Он говорил, куда... Чего было напрягаться и что-то там запоминать?

– Сейчас бы пригодилось.

– Бросай монетку, – предложила Ирка.

– Глупости...

– Бросай, чтоб потом не думалось.

Монетку бросили, выпало сворачивать направо. Перед тем как Ирка завела мотор, я вышла из машины и прислушалась. Была надежда уловить звук работающих двигателей, тогда был бы шанс определить, в какой стороне шоссе. Тишина. Только ветер качал верхушки сосен, да поскрипывал сухостой.

Страх подкрался внезапно и плотненько так накрыл. Лес таил угрозу. Точно в фильме ужасов, когда музыка за кадром тревожная, напряженная, готовит к тому, что вот сейчас произойдет что-то жуткое...

Я торопливо огляделась и полезла в машину, но недавний страх не прошел бесследно.

– Может, нам лучше вернуться? – неуверенно спросила я.

– Может, – пожала Ирка плечами. – Ты дорогу назад найдешь? Я – вряд ли. Здесь же, блин, все изъезжено...

– Но... ведь следы от машины остались?

– Отличишь старый след от нового?

– Не знаю. Хотя... наверное, отличу.

– Наверное, – передразнила она. – А если не отличишь? И будем плутать до скончания века? Есть дорога, она куда-то выведет... Лишь бы бензину хватило...

Дорога становилась все хуже, через десять минут я уже жалела, что мы сюда свернули. Но выбора не было, из колеи уже не выбраться.

– Это след грузовой машины, – брякнула я, чтоб не сидеть в молчании.

– Да мне по хрену, куда-то она ехала...

Еще через десять минут мы вновь оказались на лесной поляне. Дорога здесь неожиданно оборвалась. Вокруг пеньки и гора веток.

– Отсюда лес вывозили, – вздохнула я. – Скорее всего несанкционированная вырубка...

– Нам-то что с того? – разозлилась Ирка, пытаясь развернуться.

– Это значит, мы далеко от жилья и от дороги.

В следующий момент данное открытие перестало особо волновать – появился повод похуже. Задние колеса теперь вращались вхолостую, мотор ревел, машина оседала все глубже.

– Давай, милая! – орала Ирка, но вскоре и до нее дошло: без посторонней помощи нам не выбраться.

Ирка вывалилась из салона, взглянула на машину, обляпанную грязью по самую крышу, и матерно выругалась.

– Все, приехали. Правду говорят: чем круче джип, тем дальше бежать за трактором.

– Сбежать я не против, – вздохнула я, – знать бы куда.

– Да не бойсь, прорвемся, – подходя ко мне, сказала Ирка. – У меня в багажнике пузырь коньяка, со стола прихватила, чтоб не скучно было. Согреемся...

– У тебя бензин на нуле, ночью будет холодно, мы в твоей тачке замерзнем. Выбираться надо сейчас, пока светло.

– Как выбираться-то?

– Ножками.

– А машина? Ее что, тут бросить?

– Давай так, – предложила я. – Сиди здесь, а я вернусь к развилке и попробую пройти в другую сторону... Либо вернусь назад в Кощеево. У Андрея джип, он тебя вытащит. Или трактор найдем...

– Ты меня-то как найдешь, умница?

– Отмечать дорогу буду... ветками. У тебя, случайно, ножа нет?

– Нет.

– Жаль. Ну что, идем вместе или мне одной?

– Иди. Я сигналить буду, может, кто услышит. Блин, глухомань, какого черта я сюда потащилась?! В городе мне не пилося...

– Я пойду. Времени в обрез...

– Давай... – кивнула Ирка, садясь в машину. И принялась сигналить, а я торопливо зашагала по обочине, ноги то и дело соскальзывали в грязь.

«Далеко я так не уйду», – решила я с беспокойством, в сотый раз, наверное, взглянув на мобильный. Если темнота застанет меня в лесу, придется идти по колее, пока сил хватит... Думать о таком не хотелось. Автомобильный сигнал вдруг стих, я замерла, прислушиваясь, а потом услышала Иркин голос:

– Алла, подожди!

Вскоре она появилась в просвете между деревьями, бежала бегом, длинный шарф волочился по грязи.

– Чего-то жутко одной, – сказала она, поравнявшись со мной. – Может,

зря мы от тачки уходим?

– Знать бы, что кто-то тут появится... – вздохнула я. – А так... можем неделю здесь просидеть.

– Ну, пошли. Пузырь я с собой прихватила, – засмеялась она, бутылка торчала из кармана длинного пальто.

– Жаль, что воды нет.

– Да ладно, коньяк отлично утоляет жажду.

Когда мы подошли к развилке, пошел снег. Небо потемнело, сырые хлопья оседали на землю и тут же таяли. Ветер усилился и пробирал до костей. Ирка плелась сзади, без конца болтала, и это успокаивало. Я не особо вслушивалась, но была ей благодарна, рассказы о ее любовных похождениях отвлекали. Она вряд ли понимала всю серьезность нашего положения, верно говорят: пьяному море по колено. К моему облегчению, на свежем воздухе она малость протрезвела, по крайней мере не падала. Бутылку я у нее на всякий случай отобрала, жутко было подумать, что мне Ирку придется на себе тащить, если она решит «принять успокоительного». Через каждые метров четыреста-пятьсот я обламывала ветку и бросала ее на дорогу, чтобы по ним можно было найти Иркину машину.

Время от времени я поглядывала на мобильный. Связи не было. Один раз показалось, что где-то рядом проезжает машина. Мы дружно замерли, а потом принялись орать. Выдохлись быстро, стояли, подняв головы к серому небу, и вновь вслушивались в тишину.

– Идем, – вздохнула я.

Судя по времени, мы прошли никак не меньше шести километров, человек за час проходит примерно пять, дорога ни к черту, но мы идем уже почти полтора. Пока я размышляла над этим, мы вновь оказались на распутье, перед дилеммой: дорога вывела нас к другой дороге, перпендикулярной той, по которой мы шли. Куда сворачивать – налево, направо?

– Черт, – пробормотала я.

– Да уж, – кивнула Ирка. – Давай по глотку, я замерзла.

– Лучше подумай, куда идти.

– Место проклятое... ага... бабка так говорила. Леший водит.

– Вот только лешего нам не хватало. – Я открыла бутылку, сделала глоток и протянула Ире. Зубы ее стучали по горлышку бутылки, так несчастную трясло от холода.

– Опять монетку бросим? – спросила она.

– Шоссе должно быть в той стороне... – начала я рассуждать вслух, – мы все время идем прямо... Значит, надо держаться правее.

– Надо, так подержимся, – кивнула Ирка.

Мы свернули, а минут через двадцать я увидела первую ветку. Сосновую, прямо посредине дороги.

– Черт! – заорала я, почувствовав настоящую панику, и из последних сил припустилась бегом.

Вторая найденная ветка подтвердила худшие подозрения: мы шли по кругу и вернулись на ту же дорогу. Как это могло произойти? Я-то была уверена: мы все время шли прямо.

– Хреновый из меня следопыт, – вздохнула я, привалившись к дереву.

– Чего делать-то? – потирая плечи, спросила Ирка.

– Возвращаться.

– Куда?

– К машине. Получается, это та самая развилка... Поворачиваем и идем прямо.

Все вроде бы так, но кое-что настораживало: в грязи следов протектора я не заметила... Мы вернулись к развилке и теперь почти бежали, торопясь увидеть поляну и Иркину машину. Через полчаса стало ясно: она не могла быть так далеко. Но мы шли еще с час, прежде чем стало понятно: мы окончательно заблудились. Дорога впереди делала поворот, а я никакого поворота не помнила. Связи нет, через полчаса стемнеет.

– Ты куришь? – спросила я.

– Курю, – кивнула Ирка, – в пачке штук пять осталось...

– Зажигалка есть?

Она пошарила в карманах и протянула мне зажигалку.

– Надо веток набрать, сухих, пока еще светло. Как можно больше. Чтоб до утра хватило костер жечь.

– Ты че, серьезно? Будем в пионеров играть?

– В бойскаутов, иначе замерзнем.

– Может, лучше попробовать еще раз? Куда-то эта дорога ведет?

– В темноте мы даже своих веток не увидим и будем ходить по кругу.

Дотянем до утра, тогда и попробуем еще раз.

Мы стали собирать ветки, складывая их возле поваленного дерева, на вид сухого. Я понятия не имела, как буду разжигать костер. В сумке из бумаги – лишь завалывшийся рецепт и квитанция на оплату электричества. Раньше люди с записными книжками ходили, вот были времена... Черт, у меня же с собой книжка! Как я могла забыть! Любовный роман, взятый на всякий случай. Только бы веток побольше собрать...

Стемнело очень быстро, небо в просвете между деревьями еще серело,

а внизу уже мгла.

– Не уходи далеко! – крикнула мне Ирка, в голосе страх. Себе я бояться запретила. У нас один враг – холод. Не сможем развести костер и поддерживать огонь – замерзнем. Господи, что за хрень! Двадцать первый век, люди на Марс лететь собираются, а мы загнемся в семидесяти километрах от губернского центра, вполне возможно, всего в нескольких метрах от шоссе...

И тут, точно в ответ на мои мысли, Ирка закричала:

– Смотри!

Она тыкала пальцем в темноту и повторяла:

– Смотри, смотри, свет!

Мне показалось или между деревьями в самом деле мелькнул огонек? Свет фар? Не сговариваясь, мы бросились вперед, отчаянно вопя. Ирка упала, я помогла ей подняться, и мы, взявшись за руки, побежали дальше. Ветви били по лицу, я то и дело спотыкалась, Ирка, отпустив мою руку, согнулась, пытаясь отдышаться, я в отчаянии оглядывалась. Никаких огней. А вот найдем ли мы теперь набранные нами ветки для костра, большой вопрос.

– Да что ж это такое! – пробормотала я.

И тут поняла, что мы вышли к дороге. Просвет между деревьев позволял на это надеяться. Так и есть, пройдя еще с десятков метров, я оказалась в колее, по щиколотку в грязи, но со вспыхнувшей вновь надеждой. Значит, здесь действительно проехала машина? Почему же мы не слышали звука мотора? Из-за ветра?

– Идем, – сказала я Ирке.

Плутать в лесу в поисках запасенных веток смысла не было. Если повезет, эта дорога выведет нас к жилью или к шоссе.

Я настроилась на то, что идти придется долго, оттого все последующее явилось полной неожиданностью. Впереди вновь мелькнул свет. Но вовсе не свет фар. Это больше походило на фонарь. Непонятно только, почему он то появлялся, то исчезал. Буквально через пять минут мы уперлись в забор. Добротный, металлический, с кирпичными столбами.

– Чего это такое?

– Все равно, лишь бы люди здесь были. Любой сарайчик вполне сгодится.

Мы пошли вдоль забора, он казался бесконечным, но через некоторое время мы уже стояли возле ворот. Рядом была калитка. Незапертая. Я толкнула ее и в нескольких метрах от себя увидела дом. В окнах первого этажа горел свет. Прямо напротив – крыльцо, сбоку – какая-то постройка.

Под окнами стояла машина. Джип.

– Ура! Люди! – завопила Ирка, взбегая на крыльцо. Под козырьком вспыхнула лампочка. Должно быть, ее мы и увидели, находясь в лесу. Автоматически включается, когда кто-то поднимается по ступеням.

Ирка подергала входную дверь. Заперто. Дверного звонка не оказалось, и она принялась стучать. Щелкнул замок, а потом послышался голос:

– Кто?

– Откройте, пожалуйста! – заголосила я. – У нас машина застряла, мы в лесу заблудились.

Дверь после довольно продолжительной паузы приоткрылась. На пороге стоял молодой мужчина. В свете лампы я хорошо видела его лицо, курносое, с аккуратной бородкой, близко посаженные глаза смотрели настороженно. Он неспеша нас разглядывал, чуть отведя руку назад.

«Что у него там? – подумала я. – Мы незваные гости, а здесь место глухое...»

– Миленький, – запричитала Ирка, – пусти в дом, замерзли, жуть...

Она то ли смеялась, то ли плакала, сразу и не понять.

– Ну, заходите, – сделав шаг в сторону, парень пропустил нас и запер за нами дверь. Ключ убрал в карман, что от меня не укрылось. Впрочем, с его стороны это разумная предосторожность, ведь мы могли быть не одни. В руках у него, кстати, ничего не было. Хотя кто знает, что он прячет под широкой рубашкой навыпуск? Обут он был в армейские ботинки, подошвы грязные, странно, что он в них ходит дома. Может, только перед нами вошел?

Я быстро огляделась. Внутри, как, впрочем, и снаружи, дом вовсе не походил на лесную хижину, отделка недешевая. Небольшой холл плавно перетекал в кухню-гостиную. Мягкая мебель, плазма, ковер на полу.

Возле стены, отделявшей зону кухни, стоял еще один парень. На вид лет тридцать. Те же армейские ботинки, толстовка с капюшоном. Сложив на груди руки, он насмешливо на нас поглядывал. Третий парень появился из-за ближайшей двери, его физиономия мне особенно не понравилась. Подлая физиономия. И улыбка тоже.

Я почувствовала беспокойство: неизвестно, что хуже – замерзнуть ночью в лесу или оказаться в этом богом забытом месте в компании троих мужиков.

Ирка, усевшись на диван, трещала о том, что они наши спасители. Стащила промокшие сапоги и пальто. Я жалась ближе к камину. Поленья в нем успели прогореть, не похоже, что парни только что приехали. Ирка

бухнула на журнальный столик початую бутылку коньяка, радостно возвестив:

– Только этим и спаслись.

Я раздеваться не спешила, встала спиной к камину, надеясь согреться.

– Чего у вас случилось? – вполне по-человечески улыбнулся тот, что стоял возле кухни, и направился ко мне. – Куртку на спинку кресла повесь, – кивнул он мне, – она вся промокла.

Я сняла куртку, он повесил ее и кивнул мне на диван.

– Садись, плед возьми... Рассказывайте...

Я рассказала о нашем приключении, Ирка то и дело лезла с комментариями.

– Подружка у тебя всегда бухая ездит? Или это ты за рулем?

– Мы выпили после того, как застряли, – начала оправдываться я. – Хорошо, что в машине нашлась бутылка...

– Это да. Ночью мороз обещают.

– Здесь связь есть? – задала я вопрос.

– Шутишь? Это ж дурий угол.

– А домашний телефон?

Парни дружно усмехнулись, один из них покачал головой:

– Нет.

– Что здесь? Деревня?

– Бывший приют охотников, – ответил он. – До ближайшей деревни километров двадцать.

– Вы не могли бы нас отвезти? У меня дежурство, до десяти надо в город вернуться...

– Что-нибудь придумаем... Тебя как звать, красавица?

– Алла.

– А меня Дима, это Костя, – кивнул он на парня в рубаше, – а это Кирилл.

– Очень приятно, – заявила Ирка и представилась.

– Может, мы сразу поедem? – предложила я.

– А куда спешить? – усмехнулся Кирилл, опускаясь на диван рядом с Иркой.

– Родители беспокоятся, – продолжила я врать. – Я уже дома должна быть...

– Придется подождать. Тачка у нас сломалась. Вот сидим, кумекаем, что можно сделать. Утром пехом собирались в деревню... Может, на буксир кто возьмет.

Он даже не особо старался, чтобы его слова звучали правдиво.

– Ясно, – кивнула я. – Значит, и нам придется пешком... – Я потянулась за курткой.

– Да ладно, ладно, – усмехнулся Дима, он из этой троицы представлялся самым внятным. – Кирюха у нас мастер, репу почешет и починит тачку, дождется, когда снег малость стихнет... не то вымокнет весь.

– Тогда, может, выпьем? – предложила Ирка, с пьяных глаз все происходящее видевшая совсем не так, как я. Беспокойства в ней не чувствовалось.

– Точно. За знакомство. Костя, неси какую-нибудь посуду!

Костя нехотя отправился в кухню, откуда вернулся с чашками. Кирилл разлил коньяк и произнес:

– За знакомство.

– Наверное, за рулем пить не стоит, – пробормотала я.

– Думаешь, здесь есть шанс на ментов нарваться? – засмеялся Костя. – Ты хоть одного встретила? Пей, красotka. Не бойся.

При слове «менты» они хмыкнули, и на физиономиях появились малоприятные ухмылки. Сделав глоток, я поставила чашку.

– Что так слабо? За знакомство грех не выпить, – заметил Кирилл.

– Есть чем закусить? – спросила я.

– Пошарь на кухне. – Он пожал плечами.

Я поспешно отправилась в кухню, Дима шел за мной. Распахнул дверцу холодильника. Тот был буквально забит продуктами. Парень присвистнул.

– Глянь, какая красота!

«Он что, раньше в холодильник не заглядывал?» – подумала я, а вслух спросила:

– Чей это дом?

– Дружка.

– Кости или Кирилла?

– Нет... он собирался позже подъехать. Ну что, готовь закусь, а мы с Кирюхой глянем, что там с тачкой. Костик пока твою подружку развлечет...

Он направился к выходу, а я к мойке – и испуганно замерла. В мойке лежал нож с окровавленным лезвием.

– Шашлык готовили, – услышала я над самым ухом и вздрогнула от неожиданности. Дима стоял за моей спиной. – Вы малость опоздали. Отличный получился шашлык.

Он весело подмигнул, а я попробовала улыбнуться. Осторожно взяла нож, открыла воду. Вода, смешавшись с кровью, уходила в водосток, Дима

наконец ушел, а я смогла перевести дух.

«Господи, чего я так испугалась?»

Но страх не уходил. Я напряженно прислушивалась к тому, что происходит в гостиной. Там остались лишь Ирка с Костей. Ирку то ли в тепле разморило, то ли она еще успела выпить, язык у нее заплетался.

– Видал, как я могу? – хихикала она.

– А что ты еще можешь?

Вновь хихиканье и невнятное бормотание.

«Дура, мать ее», – в досаде думала я, нарезаю салат. Жалюзи на окне прямо передо мной были приподняты. Я попыталась разглядеть двор. Навес, и под навесом машина. Здоровенный джип. Такой по любой грязи проедет. Разговоры про сломанную машину – не более чем уловка. О намерениях парней догадаться нетрудно. Вот уроды... Главное, не поддаваться панике. И их не провоцировать.

Тут я заметила возле джипа мужчину. Он открыл багажник и что-то достал оттуда, а через мгновение уже скрылся за углом. В темноте я не могла разглядеть ни его лица, ни того, что он держит в руках. Но это совершенно точно не Кирилл и не Дима. Мужчина выше ростом и крупнее. Выходит, их четверо? Я торопливо достала мобильный, набрала номер Вовки, один гудок... Я едва не задохнулась от радости, но теперь в трубке стояла тишина. Я подняла руку с зажатым в ней мобильным, надеясь, что связь появится.

Рядом – лестница на второй этаж. Я поднялась на несколько ступенек, проверяя связь. Может, на втором этаже она лучше? Я бегом припустилась наверх. Из гостиной доносились совсем уж невнятные звуки, значит, Косте не до меня. В том, что его оставили за нами приглядывать, я не сомневалась.

Я вновь набрала номер, и тут взгляд мой с дисплея мобильного переместился на пятно на полу. Даже в полумраке на светлых досках пола оно было отчетливо видно.

«Что это?» – испуганно подумала я, уже зная ответ, но разум не хотел с ним соглашаться. Забыв про телефон, я огляделась. След тянулся по коридору от самой дальней двери к той, перед которой я сейчас стояла. Я толкнула дверь. За ней царил темнота. Тяжело дыша, я торопливо нащупала выключатель, свет вспыхнул, и я пораженно замерла.

Увиденное словно распадалось на фрагменты, не желая собираться в целое, настолько чудовищным оно было. Запах... Этот ужасный запах... До меня не сразу дошло: так пахнет кровь. Жуткий запах бойни... На белой плитке пола она растеклась огромным пятном, свет ламп отражался в ней

как в зеркале. Ванна тоже в потеках крови, с одного края свисала мужская рука с отрезанным пальцем. Мужчина лежал лицом вниз, светлая футболка потемнела от крови. Под ним был еще труп, судя по длинным волосам, женский. А под ним... под ним еще один. Их свалили в ванну, точно ненужный хлам. Согнувшись, как от удара в живот, я попятилась, испугавшись, что закричу. Ужас бился во мне, не находя выхода. Я выключила свет, закрыла дверь и с минуту стояла, упираясь лбом в стену. Внизу слышались голоса, и это привело меня в чувство. Очень быстро я спустилась с лестницы, практически бесшумно и почти не дыша. Меня хватило на то, чтобы еще раз набрать номер. Связи по-прежнему нет. Спрятав мобильный в карман, я принялась нарезать салат с удвоенным рвением. Самое главное – не паниковать. Если я выдам себя, нам конец.

Там, в ванной, скорее всего хозяева дома. Убийство произошло незадолго до нашего появления. Господи... Эти парни – бандиты. Чего они хотели? Ограбить хозяев? Те оказали сопротивление? У Кости под рубашкой был пистолет, я почти уверена в этом. Он держал его в руке, когда открывал входную дверь... Нам не выбраться отсюда. Мы видели их лица, они назвали имена, может, не свои, но это ничего не меняет. Попытаться выпрыгнуть в окно? Перелезть через забор, бежать в лес. В темноте есть шанс где-то укрыться. А Ирка? Я не могу ее оставить. Надо что-то придумать... Главное – ничем себя не выдать.

Я слышала голоса Димы и Кирилла, которые над чем-то весело смеялись в гостиной. Дима заглянул в кухню.

– Все трудишься? – спросил весело.

– Ты не против, если я мясо пожарю? Есть очень хочется...

– Да ради бога... А твоя подруга нашла занятие поинтереснее.

– Да? – Голос слегка дрожал, с этим ничего не поделать. Руки тоже ходили ходуном. Надеюсь, он решит, что я никак не могу согреться, вот голос и дрожит.

Я поставила сковородку на огонь, стараясь держаться к Диме спиной, чтобы он не видел моего лица. Успокоиться, сейчас главное успокоиться...

– Где у вас лук? – спросила я.

– Понятия не имею.

Он ушел, я вздохнула с облегчением. Но оно длилось недолго. Думай, думай, что делать. Оглянувшись, я взяла нож, сунула его за ремень джинсов. Я смогу им воспользоваться? Черт знает, но лучше, если будет хотя бы это. Усмиряя дрожь, я выглянула в гостиную. Ирка, развалясь на диванных подушках, пьяно смеялась, глядя на Костю, сидевшего рядом.

– Где у вас можно умыться? – громко спросила я.

– Вон там, – кивнул Дима на одну из дверей первого этажа.
– Идем-ка, подруга, – подойдя к Ирке, я схватила ее за руку и потащила за собой.

– Куда? – возмутилась она.

– Сейчас увидишь.

Я впихнула ее в туалет, закрыла дверь и, прижав Ирку к стене, перешла на шепот:

– Надо сматываться. – Сказать ей о трупах? Не сделать бы хуже... Во-первых, не поверит, во-вторых, запросто может проболтаться. – Ты что, не видишь, что происходит? Нельзя здесь оставаться.

– Я помню, тебе на работу... На хрена тебе работа, а? Сегодня суббота, между прочим.

– Здесь четверо мужиков, а ты пьяная в хлам.

– Ну и что? Я не возражаю против веселенькой групповухи.

– Это сейчас, а когда проспийся? Ты их знать не знаешь. Что им взбредет в голову?

– Да ладно, нормальные ребята.

Я тряхнула ее так, что она ударилась головой о стену.

– Слушай меня. Сейчас я скажу, что тебе пора отдохнуть. Если тебя отправят спать, запирай дверь и сразу же выбирайся в окно. Беги в лес и спрячься.

Ирка, как ни странно, смотрела вполне осмысленно и даже кивнула.

– Если не получится... старайся держаться рядом. При первой возможности бежим. Поняла?

– Ладно, чего ты?.. Если тебе надо на работу, хорошо, поехали. Я здесь одна не останусь. Слушай, а мы тачку мою найдем?

– Для начала нам надо оказаться в населенном пункте. Любом. И сразу сообщить в полицию.

– Зачем?

– Затем, чтобы твою машину нашли.

Я еще раз объяснила ей, что она должна делать, Ирка согласно кивала, потом умылась, и мы покинули гостевой туалет.

Теперь парни сидели так, что перекрывали проход к входной двери, на лестницу и к окнам. В другое время я бы не обратила на это внимание, а сейчас с ужасом отмечала каждую деталь.

– Алка говорит, я пьяная дура, – заявила Ирка. – У вас есть место, где я могла бы малость покемарить? Вернуть себе этот... человеческий облик? – хмыкнула она.

Я мысленно вздохнула с облегчением, Ирка молодец, получилось

вполне естественно, а главное, она поняла, что надо делать.

– Серьезная у тебя подруга, – сказал Кирилл, из троицы он представлялся самым опасным.

– Зануда, – кивнула Ирка. – Вообще-то она права, чего-то я сегодня разошлась.

– Вон там комната, – сказал Дима, – располагайся.

– Я тебя позову, когда все готово будет, – сказала я, возвращаясь в кухню.

Дверь за Иркой закрылась. Моя задача – как можно дольше оставаться возле плиты, поближе к окну, возвращаться в гостиную нельзя, там у меня никаких шансов, входную дверь наверняка опять заперли.

Надеюсь, Ирка уже из комнаты выбралась, только бы эта пьяная дура не подняла шум. Тут я вспомнила о человеке, которого видела возле навеса. Если четвертый ходит вокруг дома, нас непременно поймают. Понадобится время, чтобы перелезть через забор, да и не ясно, справлюсь ли я с этим. Значит, надо незаметно пробраться к калитке. Косясь на парней в гостиной, которые тихо переговаривались, потягивая коньяк, я приоткрыла окно. Если спросят, скажу, что здесь душно.

Я нарезала хлеб, когда в кухне появился Дима.

– Ты тут не заработалась?

– У меня почти все готово, – улыбнулась я. – Можно на стол накрывать.

Он попытался улыбнуться в ответ, и тут взгляд его замер. Он смотрел на лестницу, я тоже взглянула и похолодела от ужаса: на ступеньке виднелся кровавый отпечаток. Я умудрилась задеть подошвой кровавый кисель в ванной. У меня не было времени оценить ситуацию, и действовала я на автомате. Схватила сковородку с плиты и швырнула в лицо Димке. Он взвыл, отшатнувшись, а я бросилась к окну, не прыгнула, а вывалилась на землю, с ужасом думая, что путь к калитке отрезан. Те, кто в гостиной, окажутся там гораздо раньше, чем я.

До забора оставалось несколько метров, когда я увидела, что рядом с навесом есть еще калитка, и сейчас она чуть приоткрыта. Будь у меня время подумать, я бы решила, что это может быть ловушкой, но времени ни на что не было, я не оборачивалась, но по тяжелому дыханию за спиной знала: преследователи совсем рядом. То, что они бежали молча, пугало еще больше.

Я в панике гадала, что меня ждет по ту сторону калитки. Если поблизости укрыться негде, мой побег продлится недолго. Лес стоял за забором сплошной стеной, темнота обступила мгновенно, спасительная

темнота. Но и опасная. В темноте они меня не увидят, если не обзаведутся фонариками, но и я ничего не вижу, и если не сверну себе шею, то запросто наткнусь на своих преследователей. Вдруг я поняла, что за спиной все стихло. И замерла на месте. Эти гады пытаются понять, где я.

Осторожно опустилась на корточки, прислушиваясь. Тишина такая страшная, нереальная тишина. Мне казалось, это тянулось вечность.

– Слышишь что-нибудь? – спросил Костя совсем рядом со мной.

– Нет.

– Эта сучка где-то здесь.

– Само собой здесь, только где?

– Надо тачку подогнать. Фары мощные... прочешем здесь все... пойдём.

Я услышала шаги, а потом хлопнула калитка. Вскочила и бросилась бежать. У меня всего несколько минут...

Послышался шум мотора, а потом вспыхнул свет, очень яркий в темноте, но за секунду до этого я оступилась и полетела в канаву прямо на сложенный здесь лапник. У меня еще хватило сил укрыться ветками, прежде чем я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, вокруг была темнота. Меня трясло от холода, зубы стучали так, что их просто не могли не слышать за десяток метров. Надо двигаться, иначе замерзну. Я выбралась из своего укрытия, в отчаянии поняв, что не знаю, в какую сторону идти. Я не помню, где дом, и пока, чего доброго, не упрусь в забор, так этого и не узнаю.

Обхватив себя за плечи, я беспомощно оглядывалась. Небо без звезд, деревья со всех сторон... Хватаясь за стволы сосен, я шла вперед. Кое-где еще лежал снег, я растерла им лицо, жадно хватала его ртом, дыхание с хрипом вырывалось из горла. Я подумала об Ирке. Где она? Бредет, как и я, в лесу? Мне хотелось ее позвать, вдруг услышит? Но услышать могли и эти гады. Надеюсь, она сбежала от них. Точно сбежала. И оставила калитку открытой, иначе бы я не выбралась.

Нож я потеряла, умудрившись порезаться, нащупав мобильный, едва не завопила от радости. Однако связи по-прежнему не было. Можно использовать его как фонарик, но, во-первых, опасно, свет могут заметить, а, во-вторых, лучше побережь зарядку. Главное – не нарваться на этих упырей, а еще двигаться, двигаться, чтобы не замерзнуть.

Около двенадцати ночи я вышла на дорогу и даже не сразу поняла это в кромешной тьме. Я в очередной раз проверила, не появилась ли связь, посмотрела, который час. До утра еще слишком долго, а сил у меня

попросту не осталось. Лучик света плясал возле моих ног, и до меня дошло, что стою я в колее.

– Господи, – простонала я, не веря в свое счастье. Надеяться на местные дороги не приходится, но это лучше, чем плутать среди деревьев. Конечно, дорогой могут воспользоваться и мои преследователи, но звук мотора я услышу и успею спрятаться. По крайней мере я в это верила. И почти сразу услышала шум двигателя. Бросилась в сторону и опустилась на колени, стоять сил уже не было. Я не сомневалась, что увижу джип этих психов, кому еще взбредет в голову ездить в такое время, но вскоре на дороге появился грузовик, огромный лесовоз. Я выскочила чуть ли не под колеса, отчаянно размахивая руками и, наверное, представляя собой дикое зрелище: девица в джинсах и свитере в середине марта, с головы до ног перемазанная грязью. Машина остановилась, дверь приоткрылась, и мужской голос спросил:

– Ты откуда здесь?

– Помогите, – по слогам произнесла я, точнее, прошептала, заваливаясь на высокую подножку.

– Чего делать-то, Петрович? – как будто сквозь толщу воды услышала я голос.

– В кабину ее давай, вот чего...

Дверь распахнулась шире, чьи-то руки втянули меня в кабину. Двое пожилых мужчин разглядывали меня, словно диковинного зверя.

– Мне срочно надо позвонить, срочно...

– Чего делать-то, Петрович?

– Возвращаться, ешкин кот... Девка замерзла, еще и не довезем...

Уже после я узнала, что в ту ночь Господь послал мне мужичков, воровавших лес для постройки бани. Вырубка в заповеднике запрещена, вот они и трудились по ночам.

Через полчаса мы были в деревне. Все это время я отчаянно таращила глаза, боясь отключиться. Мужикам ничего не рассказывала, зная не зная, кто они такие и как отреагируют. Очень может быть, что попросту выкинут из кабины.

С мобильной связью и в деревне оказалось не лучше, зато был телефон-автомат. Прямо возле дороги, рядом с единственным магазином. Я набрала телефон службы спасения и по возможности толково сообщила, где нахожусь в настоящее время и что со мной случилось до этого. Была почти уверена, что моему рассказу не поверят, а если и поверят, то далеко не сразу. Еще вопрос, что произойдет раньше: они примут мой рассказ к сведению, или я лишусь сознания.

В действительности это произошло одновременно: я свалилась, не успев договорить, но к звонку отнеслись более чем серьезно, и этим я была обязана Вовке.

Он таки нашел Андрея (тот с подругой отправился вдоль берега реки в поисках места для рыбалки), взял ключи от машины и поехал за мной. И, не обнаружив на лесной дороге, начал беспокоиться. Звонил мне, я не отвечала. Между делом выяснилось, что девушка, то есть Ирка, отдохавшая с компанией тут же в Кошечее, отправилась на машине в город. Она, скорее всего, меня и подобрала. Это Вовку отнюдь не успокоило, так как соседи сказали, что та была навеселе.

Кончилось тем, что Вовка на джипе Андрея поехал в город, стараясь придерживаться нашего маршрута и ориентируясь на свежий след. Это ему удалось куда лучше, чем нам, вскоре он обнаружил Иркину машину и понял, что далее мы отправились пешком. До шоссе было совсем недалеко. Вовка, выехав на трассу, начал звонить мне на мобильный, как только появилась связь. Ни я, ни Ирка (номер телефона он на всякий случай взял у ее приятеля) не отвечали, и Вовка предположил самое худшее: мы заблудились. Само собой, не догадываясь, что в реальности все обстоит куда страшнее. Он здорово испугался и принялся обзванивать всех знакомых, у одного из них в родственниках оказался начальник местной полиции. Тот попытался Вовку успокоить, заверив, что дорога нас к жилью непременно выведет, а если нет, поиски надо начинать утром, в темноте это все равно невозможно. Необходимые звонки он сделал, и во вверенном ему районе сотрудники знали, что по лесу бродят две девицы, в общем, диспетчер была уже в курсе, хотя рассказ о трупах и списала поначалу на разыгравшееся воображение.

Силы меня оставили, и я, не успев повесить трубку, рухнула в грязь. Все остальное я помню смутно, точнее, вовсе не помню, знаю по чужим рассказам.

«Скорая» и полиция приехали одновременно, я в тот момент находилась в доме у сердобольного водителя лесовоза и успела до смерти перепугать его семейство, потому что в бреду повторяла: «Трупы, трупы, там Ирка...» Граждане бог знает что успели напридумывать, но к истине не приблизились.

Описание места, где все произошло, данное мною диспетчеру, было весьма приблизительным, что неудивительно. Но Вовка точно указал, где нашел Иркину машину, и это помогло, на своих двоих по грязи особо далеко мы уйти не могли, а в округе лишь одно бывшее охотничье хозяйство подпадало под описание. Еще пятнадцать лет назад его выкупило

частное лицо, и что там теперь, толком никто не знал. Но на всякий случай, запросив подмогу, отправились проверить.

Еще не доехав до места, полицейские были вынуждены вызывать пожарных – над лесом поднималось зарево, так что сомнений не осталось: бандиты заматают следы. Я же в тот момент уже находилась в реанимации, сильный стресс и переохлаждение дали себя знать. Однако через сутки меня перевели в отдельную палату. Возле двери дежурил полицейский, о чем мне сообщила медсестра, желая придать уверенности в абсолютной безопасности.

Если мое физическое состояние шло на поправку, то с остальным дела обстояли скверно. Вместо того чтобы радоваться своему безусловному везению – побывать в лапах маньяков и благополучно сбежать, – я впала в ступор. И радоваться уж точно не спешила. Мир оказался на удивление хрупким. И это пугало до такой степени, что я не желала иметь с ним ничего общего. Все могло измениться в любой момент, и ничего в этом смысле от меня не зависело. Обычный дом вдруг превращался в логово психопатов, а вроде бы нормальные с виду парни – в упырей. Я пялилась в потолок и с ужасом ждала того дня, когда мне придется покинуть больницу.

Уже на вторые сутки в палате появился мужчина, представился Валентином Георгиевичем. Кто такой, не сказал, но и так было ясно. Ласково улыбнулся, устраиваясь на стуле рядом со мной, и спросил голосом Деда Мороза:

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – ответила я, потому что определить свое душевное состояние затруднялась.

– Вот и хорошо. У меня к вам несколько вопросов.

– У меня к вам тоже, – не стала церемониться я. – Что с Ирой?

Он замаялся, точно прикидывая, как следует ответить, а я сжала кулаки, уже зная ответ.

– Они убили ее?

– Алла, когда подъехала полиция, в доме был пожар... В общем, там обнаружили несколько трупов. Среди них женские.

– Иру не опознали? Значит, возможно, она все-таки жива? Калитка была открыта, ее могла открыть только она. Ира мне жизнь спасла.

– Алла... нам очень важно восстановить картину событий. Я буду с вами откровенен, труп вашей подруги лежал возле входной двери. Пожар начался наверху, и та часть дома, где она находилась, пострадала меньше. В общем, это, безусловно, она. Нет никаких сомнений.

Я задумалась. Валентин Георгиевич терпеливо ждал.

– Как она там оказалась? Она должна была сбежать раньше, чем я. И открытая калитка это подтверждает.

– Расскажите подробно, – попросил он.

И я рассказала. Валентин Георгиевич вздохнул и задал вопрос:

– Значит, после того как она ушла в комнату, вы ее больше не видели?

– Нет. Но у нее было время... Мы договорились.

Тут я беспомощно заревела. Я знать не знала, что произошло с Ирой. Смогла она выбраться в окно или нет. А вдруг она просто уснула, наплевав на мои слова? Открытая калитка – вот что позволяло мне надеяться, когда, блуждая в лесу, я думала о ней. Вряд ли кто-то из упырей оставил калитку открытой... Иру обнаружили в лесу и вернули в дом? Я спаслась, а она нет? И никто никогда не узнает, что там произошло.

– Все хорошо, – бормотал Валентин Георгиевич. – Сейчас вы в безопасности.

«Нет никакой безопасности! – хотелось заорать мне. – Ты едешь в свой выходной к друзьям, строишь планы, а потом бац – и все летит к чертям».

Но орать я себе отсоветовала, запросто можно оказаться в психушке. Впрочем, не факт, что я действительно там не окажусь в ближайшее время.

– Их найдут? Скажите честно? – задала я вопрос, который очень меня интересовал. Хотелось, чтобы нашли, и вместе с тем я с беспокойством думала: в сущности, это ничего не решает. На смену одним упырям явятся другие.

Он долго не отвечал. Я начала думать, что и вовсе не ответит, но тут он произнес:

– Собственно, их, скорее всего, уже нашли.

Теперь я надолго замолчала, с сомнением глядя на него.

– Нашли? – спросила растерянно.

– Рядом с вашей подругой – трупы троих мужчин. Никаких документов при них не оказалось. Их личности устанавливаются. Вы могли бы описать предполагаемых убийц максимально подробно?

– Предполагаемых? – не поняла я.

– Не обращайтесь внимания, – поспешно отмахнулся он. – Привычка. Вину устанавливает суд... Но до суда они не дожили. Вряд ли стоит переживать по этому поводу.

То, что он сообщил, в голове укладывалось плохо, однако это не удивило: я была в таком состоянии, что и менее затейливые вещи воспринимала с трудом. Он включил диктофон, а я, прикрыв глаза, монотонным голосом начала описывать внешность парней. Троица возникала передо мной с такой отчетливой ясностью, словно они стояли

напротив. Оказывается, я запомнила и родинку на шее у Димы, прямо за мочкой левого уха, и татуировку на руке Кирилла – «666» в языках пламени, адского, надо полагать. Это было удивительно и даже тревожно, как будто я обрела некие способности, которыми раньше не обладала.

Валентин Георгиевич вроде бы тоже слегка удивился, но был доволен. Уточнял, переспрашивал и наконец заявил:

– Это, безусловно, они.

– И они найдены мертвыми? – растерялась я.

– Да. Все трое. Судя по вашим описаниям.

– Но... Они задохнулись угарным газом? – дурацкое предположение, но другого не было.

– Их убили, – ответил он.

– Как?

Валентин Георгиевич замешкался, наверное, опасался нанести урон моей психике, однако в конце концов произнес:

– Двое застрелены, третьему, как и вашей подруге, перерезали горло, – тут он досадливо поморщился, наверное, сожалея, что упомянул Ирку.

– Но... кто их убил?

Судя по всему, Валентин Георгиевич ответа на этот вопрос не знал. Не могла же это быть Ира. Ей в руки каким-то образом попал пистолет, и она застрелила двоих парней?.. Уже после того, как я оказалась в лесу, ведь, находясь рядом с домом, никаких выстрелов я не слышала. И что дальше? Третий тип перерезал ей горло, а потом сам зарезался в большой тоске по друзьям? Бред.

– Чей это дом? Вы выяснили?

– По документам он принадлежит человеку, который в настоящее время находится в Испании. Нам удалось с ним связаться. Он собирался по возвращении в Россию продать дом, потому что намерен жить за границей постоянно. Собственность здесь ему не нужна. Ключи от дома он никому не передавал и не имеет понятия, кто там находился.

– То есть кто-то поселился там без его ведома?

– Выходит, так, – пожал плечами Валентин Георгиевич.

Картина, которую я худо-бедно успела себе нарисовать, теперь грешила серьезными нестыковками.

– Подождите, я думала, там, в ванной, трупы хозяев...

– В ванной действительно обнаружили три трупа. Два женских и один мужской. Еще один труп – в спальне на втором этаже... он сильно обгорел. Пожар как раз и начался в той комнате...

– Двое мужчин и две женщины? И хозяин ничего о них не знал?

– Именно это он утверждает.

– Когда я... увидела их в ванной... я подумала... Бандиты, какие-нибудь беглые уголовники, наткнулись на этот дом в лесу и убили хозяев, чтобы те не донесли на них в полицию.

– Да, именно это вы сказали диспетчеру, принявшему вызов, – кивнул Валентин Георгиевич.

– Но если хозяин говорит правду, получается, что одни люди без спроса поселились там, а потом пришли другие...

– Я бы не стал особенно доверять словам хозяина дома, – заметил мой собеседник. – Предположим, он просто не хочет неприятностей.

– Но ведь возможно установить, знаком он с убитыми или нет.

– Для начала надо установить, кто все эти люди. Но если он кого-то там прятал... Вполне вероятно, они даже не были знакомы лично.

– Прятал? – переспросила я. «Кто-то прячется в доме, там появляются трое упырей... Случайно появляются? Или все-таки нет?»

– А машины? – спросила я.

– Сильно обгоревший джип обнаружили возле крыльца.

– А второй джип? Он стоял под навесом.

– Вы видели еще одну машину?

– Да. Видела. Здоровенный джип. Было темно, марку машины не назову. И номер я не разглядела. Я думала, это машина хозяев. Стояла под навесом. Куда же она делась?

И тут я еще кое-что вспомнила, перевела взгляд на Валентина Георгиевича, а он спросил:

– Вы уверены, что видели еще одну машину?

– Я уверена, что видела там еще одного типа, – выдохнула я.

– Не понял...

– Когда я выглянула в кухонное окно, он стоял возле джипа. Сначала я подумала, это кто-то из парней. Но он был выше и шире в плечах любого из них. Это точно. Я еще здорово испугалась, поняв, что их не трое даже, а четверо.

– И больше вы его не видели?

– Нет.

– Вам не показалось, что он прячется?

Я попыталась припомнить увиденное во всех деталях. Вот он стоит под навесом, заглядывает в багажник, в руках у него что-то есть... Что? В темноте не разобрать. Он двигался уверенно и точно ничего не боялся, поэтому я решила поначалу, это кто-то из парней – либо Костя, либо Кирилл.

– Вы делаете очень важное заявление, Алла, – заволновался Валентин Георгиевич. – Вы уверены в своих словах? Вы же сами сказали: было темно, ни марку, ни номер машины не разобрать, следовательно, лица мужчины вы тоже не видели.

– Не видела. Но он совершенно точно не был похож ни на кого из тех парней. По крайней мере, я так подумала, когда смотрела на него.

– Что ж, если вы уверены... это многое меняет.

– Что меняет? – нахмурилась я.

– По крайней мере, можно предположить, что на второй машине уехал он, оттого мы ее и не обнаружили, хотя на следы протектора внимание обратили.

Я вздохнула с облегчением: машина мне не привиделась, и, не успев додумать свою мысль до конца, буркнула:

– Упырей тоже он убил?

– Кого?

– Этих типов. Беглых уголовников или кто они там?

Он пожал плечами:

– Такое предположение вполне допустимо.

– Они что-то не поделили?

– Поводом расправиться с ними могло стать ваше бегство. Он убрал сообщников, чтобы замести следы, вы их видели, а его нет.

– И этот тип где-то здесь...

– В каком смысле?

– В том смысле, что он может быть где угодно. Поэтому возле моей палаты дежурит полицейский?

– Алла Олеговна, уверяю вас, вы находитесь в полной безопасности.

– Я тоже так думала до той субботы. У него ведь нет абсолютной уверенности, что я его не видела?

– Мы предпримем все меры...

– Лучше найдите его и отправьте в тюрьму. А еще лучше пристрелите к чертям собачьим!

Валентин Георгиевич отпрянул, потому что последние слова я проорала.

– Я позову врача, – поспешно вскакивая, сказал он и покинул палату.

Врач вскоре явился, посоветовал не волноваться, и чтобы я гарантированно этого не делала, сделал укол, после которого я почти мгновенно уснула.

Сны были жуткие. Я вновь брела по лесу, видела Ирку с перерезанной шеей, из темноты то и дело выступала злобная фигура мужчины в куртке

с капюшоном, он держался ко мне спиной, и больше всего на свете я боялась, что он вдруг повернется и увидит меня.

В больнице я пробыла неделю. Держать меня там и дальше не было никакого смысла. Мне выписали успокоительное, советовали поменьше находиться в одиночестве и настоятельно рекомендовали обратиться к психологу, даже снабдили визиткой. К тому моменту из Германии приехали мама с отчимом, Вовка тоже забегал каждый день, оттого одиночество мне не грозило, а в том, что мир стараниями психолога вдруг встанет на место, я сильно сомневалась.

Валентин Георгиевич навестил меня еще раз в компании мужчины помоложе и дал мне подписать бумаги, в которых содержался мой подробный рассказ. Полицейский, дежуривший возле двери, на третий день исчез, означать это могло что угодно, но меня скорее порадовало – не хватало только и маме до смерти перепугаться.

Неделю после выписки я жила в легком обалдении, которое перетекло в затяжную депрессию. Покидать квартиру я боялась, любой шорох вызывал скачок давления, любой звук – панический страх. Работа, друзья и Вовка, которого я сама же записала в герои, в одночасье перестали иметь хоть какое-то значение. Я старалась побольше спать, в чем и преуспела при помощи снотворного. Вот и все мои достижения.

На семейном совете решено было спешно покинуть страну, где людей режут ни за что ни про что. И я отправилась в благополучную Германию, но за три месяца, проведенных там, существенных сдвигов в моем сближении с новой реальностью не произошло. Европейское благополучие вовсе таковым не казалось. Особенно после новостных программ. Телевизор при мне старались не включать – труд напрасный, ведь у меня был планшет. Я пыталась узнать, продвинулось ли следствие в раскрытии убийства аж восьми человек – именно столько трупов обнаружили в доме. Но не смогла найти в СМИ ни малейших сведений. Об этих убийствах не написали ни строчки, словно их и вовсе не было и все мне попросту привиделось. Я даже позвонила Валентину Георгиевичу. Он говорил со мной доброжелательно, но новостями поделиться не мог, оказывается, он больше не вел это дело.

– А кто его сейчас ведет? – растерялась я.

– Затрудняюсь ответить. Дело передали в ФСБ, – буркнул он и торопливо простился.

К концу третьего месяца моей германской жизни, которая напоминала зимовку русского медведя, отчим стал поглядывать с неудовольствием.

Близки мы с ним никогда не были. Мама вышла замуж три года назад, виделись мы не то чтобы часто, и теперь его толерантность подверглась серьезному испытанию. Мама и слышать не хотела о том, чтобы я жила одна, но мое тяготение к горизонтальному положению и ее всерьез беспокоило. Я стремительно превращалась в несчастную полнеющую девицу, все интересы которой сосредотачивались вокруг дивана.

Оба честно пытались вернуть мне радость жизни: красоты природы, прекрасное искусство, путешествия и общение с друзьями. Я от всего этого уклонялась и по возможности спешила вернуться на диван. Мамин брак начинал трещать по швам, и я поняла: пора съезжать. О чем и поставила их в известность. Мама заплакала, отчим нахмурился, но оба вздохнули с облегчением.

Я вернулась в родной город, чувствуя себя подкидышем, оставленным в корзинке возле чужих дверей. Все было иным и странно незнакомым. На мое место в фирме уже взяли человека, но это меня не огорчило. Работу я вроде бы искала, но не очень напрягалась. Я не видела в ней смысла, впрочем, как и во всем остальном. Зачем тебе карьера, если в один миг все может кончиться? Кое-какие деньги у меня еще оставались, я надеялась протянуть на них некоторое время, а уж потом нужда заставит зарабатывать на хлеб насущный. Я не хотела ничего «с перспективой», идеальная работа – та, что заканчивается вместе со сменой. Встал, ушел, а твое место легко займет другой. Я знала, мне достаточно совсем небольших денег, потому что я ничего не хотела.

Трудно сказать, осуществила бы я свои намерения (впрочем, все еще впереди – ха-ха, это то самое выражение, которое я ненавижу), но тут объявился папа. Он не принимал никакого участия в моей жизни с тех пор, как перестал платить алименты. Я тоже не особо надоедала, хотя дочерний долг выполняла исправно: звонила на все мало-мальски заметные праздники. Каждый раз папа спрашивал: «деньги нужны?», я поспешно отвечала «нет», и мы скоренько прощались. В конце концов я начала думать, что звоню я папе исключительно для того, чтобы сообщить: деньги мне не нужны. Надеюсь, его это успокаивало, папа из тех, для кого безденежье и великое несчастье – синонимы.

Он свалился как снег на голову, не без участия мамы, я полагаю. Она наверняка, собравшись с силами, ему позвонила и рассказала, что дочка тихо съезжает с катушек, вместо того чтобы радоваться удачному побегу от маньяков.

О маньяках папа заговорил на третий день. Два дня мы таскались с ним по городу, который он покинул много лет назад, и я рассказывала о

достопримечательностях, понятия не имея, о чем еще говорить с папой.

Когда, встретившись на вокзале, мы обнялись, он несколько раз повторил «какая ты красавица», то ли в детстве я была уродиной, то ли папа считал: если повторять эти слова как мантру, я поверю, что это большая удача в жизни. Ирка тоже была красавицей, и что? Какой-то псих располосовал ей горло. Само собой, я помалкивала, и вдруг папа заговорил об этом сам. Вопросов у него оказалось даже больше, чем у следователя. Он спрашивал, слушал, склонив голову набок, и хмурился, наверное, удивляясь тому, как спокойно я обо всем рассказываю.

– Вот что, – кивнул он, когда вопросы у него кончились. – Говорить всякую хрень типа «надо взять себя в руки», как просила твоя мама, я не буду. Потому что очень хорошо знаю, что ты сейчас чувствуешь. У меня был друг, мы с ним вместе начинали бизнес, тебя тогда и на свете не было. Времена суровые, а дружок мой – человек негибкий, оттого у нас возникли проблемы. Однажды мы вышли из офиса, пожали друг другу руки, собираясь разъехаться, и тут рядом с моей щекой что-то просвистело, слегка опалив, а дружок упал на асфальт, так и не выпустив моей руки. Я смотрел на него и ждал, когда меня пристрелят, я даже не пытался укрыться или бежать, стоял и ухмылялся, как последний кретин. Но меня не пристрелили.

Утром ко мне в офис явились сурового вида ребята с определенными требованиями, я их выслушал, сказал, что распоряжусь насчет кофе, и ушел. Просто ушел куда глаза глядят, бросив бизнес и оставив тех ребят в моем кабинете в глубочайшем недоумении. Я ушел не потому, что испугался их, и даже не потому, что не хотел прогибаться. Я не видел смысла. Ни в чем. Та пуля могла войти в мой затылок. Та или любая другая, понимаешь? Я шел от монастыря к монастырю, где просил самой тяжелой работы, шел все дальше и дальше. Не поверишь, я дошел до Камчатки. Я думал, что всю оставшуюся жизнь так и буду скитаться. Но, стоя на берегу океана, я понял: пора возвращаться. Заработал денег на обратный билет и вернулся. Стал работать реставратором, потом встретил твою маму, потом родилась ты, а я вновь занялся бизнесом.

– А мораль? – спросила я, когда он замолчал.

– Мораль? Когда-нибудь все приходит в норму. Хочешь поехать со мной?

– Нет.

– И правильно. Обещай мне одно: никакой наркоты и пьянства, это не спасает – заявляю авторитетно.

– С пьянством ничего не вышло, я уже пробовала, а наркоту и

пробовать не хочу.

– Отлично. Я еще пару дней поживу и отчалию. О деньгах не беспокойся, банковская карта в верхнем ящике секретера. Там полмиллиона, каждый месяц буду переводить по двести тысяч. Сори деньгами, чтобы немного себя развлечь. Год, два, сколько угодно. Я столько бабла спустил на чужих баб, теперь не худо бы потратиться на единственную дочь.

– Я собиралась устроиться на работу, – внезапно застыдилась я.

– Деньги все равно буду переводить. Главное – не суетись и доверься жизни, куда-нибудь она тебя вынесет.

Не знаю, насколько это было мудрым решением, мама точно бы пришла от него в ужас, но мама была далеко. Отец дал еще пару советов: для начала сменить жилье.

– Новое место освежает, – подмигнул он.

И уже на следующий день мы занялись поисками квартиры. Папа намеревался купить пентхаус, но я ограничилась однушкой в доме экономкласса, зато уже с отделкой. Прежнюю квартиру папа предложил сдавать, чтобы не травмировать новшествами маму. А еще он привел меня в тир. Обычный, что находился в парке рядом с французской каруселью.

– Когда хреново на душе, нет ничего лучше тира, – заявил он, беря в руки винтовку. – Представь, что вот там эти уроды... или твои проблемы... Один хороший выстрел – и их нет.

Папа уехал, и, проводив его, я первым делом отправилась в тир. Отец оказался прав: уже после получасовой тренировки дышать стало легче. Возможно, я просто считала, что с винтовкой в руке выжить в этом мире куда больше шансов. Возможно. Возможно, по той же причине я занялась борьбой. Был бы у меня шанс спасти Ирку и спастись самой, знай я пару-тройку приемов? Или умей стрелять? Вряд ли. Хотя кто знает... Благодаря папиным деньгам и бездне свободного времени я могла заниматься чем угодно, но как-то так выходило – интересуют меня вещи весьма специфические. Такое впечатление, что я собиралась участвовать в Третьей мировой.

И тут моя жизнь сделала еще один крутой разворот.

Приняв душ после тренировки, я одевалась, стоя возле шкафчика, когда зазвонил мобильный. Обычно в это время звонил папа, интересовался моими успехами. Однако, взглянув на дисплей, я обнаружила, что это Полина, моя двоюродная сестра и по совместительству близкая подруга. Ее отец – брат моей мамы. Помнится, они не особо ладили, но когда случилось несчастье, мать Полины умерла от рака, мама взяла на себя все

заботы о племяннице. Тогда-то мы с Полиной и подружились. Ее отец загружал себя работой, мотался по командировкам, и она подолгу жила у нас. Иметь старшую сестру оказалось здорово. Мы вместе ходили в музыкальную школу, бегали по утрам в парке и доверяли друг другу свои дурацкие тайны. Отец Полины пережил свою жену всего на семь лет, инфаркт настиг его в одной из поездок, Полина осталась круглой сиротой, наверное, поэтому так мечтала о семье, любимом муже, детях... И замуж вышла очень рано – в девятнадцать лет. Ее Павел мне никогда не нравился. Зануда и жуткий эгоист, больше всего на свете он ценил собственные удобства, о Полининых особо не думая, но она, судя по всему, была своей жизнью довольна.

После ее замужества мы малость отделились друг от друга, что, в общем, неудивительно. Но в больнице Полина появилась вслед за Вовкой, а после моего возвращения из Германии взяла за правило приглашать меня каждый четверг в гости. На счастье, по четвергам ее муж ходил с друзьями в баню, и обычно я успевала покинуть их квартиру до его возвращения, в худшем случае мы сталкивались в дверях, так что навещала я ее охотно.

В общем, мы опять сблизились, а вот с Вовкой, напротив, вскоре расстались. Я была ему очень благодарна, но его присутствие действовало на меня удручающе. Может, потому, что он невольно напоминал о том, что произошло. Вовка тоже маялся, должно быть, считал себя в чем-то виноватым. Мы, не сговариваясь, встречались все реже, а потом и вовсе перестали звонить друг другу. Теперь я иногда думала, что с этим поторопилась. Раньше желающих занять Вовкино место было пруд пруди, а после нашего разрыва – как отрезало.

Звонок сестры слегка удивил. По моим сведениям, накануне они всем семейством отправились в путешествие на речном пароходе, вернуться должны были в воскресенье вечером. Павел Александрович работал в крупной фирме, занимал солидную должность, руководство решило с размахом отметить какой-то юбилей, вот и арендовало судно, чтобы с вечера пятницы наслаждаться жизнью вместе с семьями. Коллективные пьянки, как известно, сплачивают, что способствует дальнейшим свершениям.

– Да, – ответила я.

В трубке раздался странный звук, точно кто-то судорожно хватал ртом воздух, а потом Полина едва слышно позвала:

– Алла...

– Привет, как дела? – сегодня, помнится, они должны быть в Муромцеве, старинном городке, где у них запланирована экскурсия. – Как

тебе Никольский монастырь? Фотки скинешь?

– Алла... – повторила она и вдруг заплакала.

В первое мгновение я решила, что у Павла Александровича служебный роман, а Полина ненароком об этом узнала. В этом большой минус подобных сборищ. Либо подвыпившая дамочка сдаст благоверного с потрохами, либо он сам спалится, приняв лишнего. Я такое не раз наблюдала, будучи трудящимся человеком, и готовилась произнести какую-нибудь глупость типа «каждый может ошибиться» или еще глупее – «не принимай близко к сердцу», хотя хотелось сказать: «Паша твой – редкий засранец и никуда от тебя не денется, потому что знает: далеко не каждая будет с этим мириться».

Но тут она с трудом произнесла:

– Паша... С Пашей несчастье... он, кажется, утонул.

И я на некоторое время замерла с открытым ртом.

– Как утонул? Что значит кажется? – буркнула я, а она зарыдала, больше не сдерживаясь:

– Алла, я не знаю, что делать...

– Где ты? Я сейчас приеду.

Трубку взял кто-то другой, я услышала мужской голос, который деловито сообщил, где я смогу найти Полину. Крикнув «спасибо», я припустилась к выходу, сквозь зубы чертыхаясь. Мне казалось, с такими, как Павел Александрович, ничего в принципе не приключается, отчасти, может, этим и объяснялась моя упорная нелюбовь к нему. И нате вам. Я даже подумала, что каким-то образом накликала на сестру несчастье. Все у меня с некоторых пор наперекосяк, и это как-то отражается на окружающих. Что-то вроде чумы: подхватил эту заразу один – и вот вам эпидемия. Глупость, конечно, но чего только не надумаешь, когда несешься в соседний город, к сестре, которая в отчаянии, знать не знает, как ей жить дальше?

На машине я преодолела сто пятьдесят километров за рекордное время и, увидев указатель «Муромцево», притормозила, чтобы включить навигатор. Мужчина сказал, сестра в гостинице «Пристань», судя по названию, это где-то возле реки.

Городок совсем небольшой, и вскоре я въезжала на парковку перед трехэтажным зданием гостиницы. Здесь стояли два десятка машин с московскими номерами, что неудивительно: пристань могла похвастать не только отличным видом на реку, но и собственным пляжем. Само здание выглядело солидно, а рецепшен даже роскошно: полосатые диваны, витрины с сувенирами, громадная люстра из муранского стекла и

шелковый ковер на полу. Девушка за стойкой, завидев меня, демонстративно передвинула табличку: «Мест нет».

– Простите, – сказала я. – Здесь остановилась моя сестра, Гришина Полина...

– Это у которой... – девушка осеклась и продолжила, слегка нахмурившись: – Двадцать седьмой номер. Второй этаж.

Я бегом поднялась по лестнице. Возле двадцать седьмого номера на минуту замерла, прислушиваясь. Потом осторожно постучала. Полина открыла дверь, и я поразилась тому, как скверно она выглядит, точно разом постарела лет на десять. Впрочем, чему удивляться, мне ли не знать, как она любила своего мужа?

– Алла, – прошептала она, заключая меня в объятия, и мы немного постояли в молчании, Полина тихо всхлипывала, уткнувшись в мое плечо. – Сашка спит, – сказала она, отстраняясь. – Идем на балкон.

Сашка, дочка Полины, спала на безбрежной двуспальный кровати, раскинув руки и сбросив с себя одеяло. Сестра, задержав на ней взгляд, с трудом произнесла:

– Она еще ничего не знает.

Мы вышли на балкон, здесь стояли пластиковый стол и два стула, и вид открывался потрясающий. Но в тот момент мне было не до него. На столе я увидела пепельницу, доверху набитую окурками, рядом лежали две пачки сигарет и зажигалка. После смерти отца Полина начала курить, но, выйдя замуж, бросила.

Она нервно закурила, не глядя на меня, я подумала и тоже взяла сигарету.

– Ты не куришь, – напомнила Полина.

– Ты тоже. Что случилось? – спросила я после паузы.

– Не знаю, – она медленно покачала головой, – ничего не знаю...

– Давай по порядку, – очень мягко попросила я, взяв ее за руку. Она кивнула, посидела немного, точно собираясь с силами, и заговорила:

– Вчера только отплыли, собрались в ресторане на ужин. По идее, праздновать должны были сегодня. Но... за ужином выпили, конечно, и... сама знаешь, как это бывает. Не могли уговориться, одним словом. Мне Сашку надо было укладывать, я после девяти ушла. А она раскапризничалась, то одну сказку просила, то другую... У меня, ко всему прочему, голова разболелась. Я и уснула вместе с Сашкой. Глаза открыла, музыки не слышно, похоже, все разошлись. А Паши в каюте нет. Я пошла его искать. Ресторан уже закрыт, на верхней палубе кто-то разговаривает. Я туда. Мужики там пьют из пластиковых стаканчиков. Самые стойкие. И

Паша там. Ужасно пьяный. Я его никогда таким не видела. Ты же знаешь, он выпивкой не увлекается. А тут... просто ужас какой-то. Я его еле до каюты довела. Он сам раздеться не смог... Пришлось положить его на нижнюю полку, а мы с Сашкой на верхней. Я бутылку воды ему на пол поставила и все боялась, что ему плохо будет... Он уснул, и я уснула, поначалу прислушивалась, как он там. Наверное, часа через два он проснулся, позвал меня. Выпил воды и в туалет ушел. Вернулся минут через двадцать, я уже за ним идти хотела. Сказал, что его вырвало. Неудивительно, если столько выпьешь. Но он сказал, его укачивает. Я его просила говорить потише, чтобы Сашу не разбудить. Он немного повозился и затих. Сквозь сон я слышала, как он поднялся. Хотела спросить, куда он, но не стала, подумала – наверное, ему опять плохо. Закрыла глаза и точно провалилась, так крепко уснула.

Проснулась в половине восьмого. Кто-то мимо окна прошел, я голоса услышала. Смотрю, Паши нет. Я сначала не испугалась. Решила, он в туалете. Или вышел на палубу, чтобы в себя прийти. Он же никогда столько не пил. Подумала, ему бы чаю крепкого, с лимоном, завтрак в девять, но на кухне наверняка кто-то есть... Я пошла в ресторан, налила в термос чаю. Вернулась в каюту, а Паши все нет. Сашка проснулась. Я по палубам пробежалась... Потом вместе с Сашкой пошла его искать. Народ стал из кают выбираться... Пашу никто не видел. Сначала не беспокоились, потом засуетились, но совсем по другому поводу: думали, он спьяну к кому-нибудь из баб в каюту забрел. Как будто Паша такой. Когда выяснилось, что в каютах его нет, подключилась команда. Обыскали весь корабль. Нашли его ботинок. На корме, возле поручней. Сообщили в береговую охрану, или как там это называется. Один парень из команды видел, как в пять утра кто-то мимо прошел как раз в ту сторону. Но внимания не обратил. Причалили в Муромцево, всех собрали в ресторане, спрашивали, кто что видел. Никто, ничего. Меня с Сашей устроили здесь. Остальные на корабле. Вечером назад поплывут. Уже не до праздника. Вот так.

– Подожди... Допустим, он упал за борт. Это вовсе не значит, что утонул. Доплыл до берега... там его кто-то подобрал... рыбаки, к примеру.

– Я тоже на это надеюсь. Но... если бы его кто-то подобрал, об этом уже сообщили бы...

– А если Паша в шоке и просто не может назвать свое имя?

Полина, кивнув, надолго замолчала.

– Ты не думай, – заговорила она вновь, – я то же самое себе твержу. Добрался до берега, лежит беспомощный... Его ищут, Алла, весь день. И если бы рыбаки кого-то подобрали...

– Но ведь надежда есть?

Она кивнула.

– Да, будем надеяться, – а потом отчаянно зарыдала, стискивая рот рукой, чтоб не разбудить Сашку. – Ты понимаешь, он погиб... а я спала в это время. Мне лень было голову поднять. Я же слышала, как он выходил. И если б я пошла за ним...

– Глупости, – бормотала я, – ты ни в чем не виновата.

– Не виновата? Что же мне теперь делать? Как дальше жить?

Прижимая Полину к груди и глядя ее плечи, я думала, как утешить сестру, и не находила слов. Я-то отлично знала: за любым поворотом тебя может ждать сюрприз в виде старухи с косой, от нее не убережешься и не спрячешься. Немного странно, что все это произошло с Павлом, но даже такие, как он, не застрахованы от того, чтобы по глупой случайности не скончаться в расцвете лет.

Полина его любила, и мне было ее жаль. Павла, конечно, тоже. Я вдруг очень ярко представила, как он стоит, свесившись через перила, смотрит на темную воду. Вдруг толчок, ноги скользят, руки невольно разжимаются, и он летит вниз, оставляя на палубе ботинок.

Почему-то картина показалась маловероятной. Ну да, был пьян, на ногах не держался, опасно свесился вниз, боясь запачкать брюки... И все равно что-то не так...

– Этот человек из команды, – спросила я, – он слышал крик или всплеск, что-нибудь слышал?

– Нет. Он просто видел, как Паша прошел мимо. В окно видел.

– И беспокойства не проявил?

Полина пожала плечами.

– Он заметил его в последний момент, когда Паша фактически уже прошел...

– И все же... На борту два десятка пьяных придурков...

– Гораздо больше, – невесело усмехнулась Полина.

– Вот-вот... Кто-то бредет по палубе, а команде нет до этого дела?

– У него своя работа, а здесь взрослые люди... Он за них не отвечает.

– Может, был какой-то толчок? Он не говорил?

– Какой толчок?

– Не знаю... Возможно, пришлось резко повернуть или внезапно затормозить...

– Алла, это же не машина на дороге в час пик. Это корабль.

– Ну... всякое бывает.

– Почему ты вдруг спросила об этом?

– Просто спросила... Что они говорят?

– Люди из береговой охраны? Чудеса случаются. Надо верить. Сказали, если будут новости, сразу сообщат.

Проснулась Сашка, мне она обрадовалась, про отца, конечно, спросила, но удовлетворилась объяснениями, что папа уехал по делам. Мне удалось уговорить Полину прогуляться по городу, от того, что она сидит в номере, нет никакой пользы, звонить все равно будут на мобильный.

Река притягивала ее как магнит. Куда бы мы ни шли, всякий раз оказывались на берегу. Обхватив себя за плечи руками, Полина молча смотрела на воду с белыми барашками волн. Я догадывалась, о чем она думает, и больше всего на свете мне хотелось, чтобы Павел вдруг объявился в какой-нибудь богом забытой деревне, где даже связи нет, да хоть в цыганском таборе или борделе, куда занесла его пьяная удаль, лишь бы объявился.

Но мои молитвы, устремленные по этому поводу к Господу, услышаны не были.

В тот день вестей – ни хороших, ни плохих – не оказалось. Не появились они и на следующий. Теплоход отплыл без нас, а мы прожили в Муромцеве несколько дней, все еще на что-то надеясь. В конце концов нам посоветовали возвращаться домой, как видно, все сроки для чудес уже вышли. Я улучила момент и, оставшись наедине с молодым мужчиной в форме, который до этого примерно час беседовал с Полиной, спросила:

– Надеяться больше не на что?

– Что вам сказать? – Он пожал плечами. – Человек так устроен, что надеется иногда вопреки всему. И оказывается прав. Однако столько времени прошло... Где он может быть?

– Но ведь тело не нашли, значит...

– Здесь течение сильное... Но дело даже не в этом. За день столько судов проходит... Угодил под корабельный винт, к примеру... извините. В общем, тело могут найти не скоро или вовсе не найдут.

– Ясно, – вздохнула я.

Хотя, конечно, никакой ясности не было. И Полина будет винить себя и надеяться – месяц, полгода, год... Может, лучше, если все-таки найдут... не знаю...

Возвращались мы на моей машине, Сашка спала на заднем сиденье, и сестра вдруг сказала:

– Он меня спрашивал, были ли у Паши враги.

– Кто спрашивал? – не поняла я.

– Следователь. Какие враги могут быть у Паши? Он в жизни ни

одному человеку ничего плохого не сделал... А следовательно опять спрашивает: его ведь собирались назначить генеральным?

– Действительно собирались? – удивилась я, сразу почувствовав неловкость из-за этого самого удивления.

– Паша говорил, пока ничего не ясно, – вздохнула Полина, – но он надеялся, конечно. Ты же знаешь, он порядочный человек и исключительно ценный специалист. Руководство не могло не заметить этого.

Я едва не хмыкнула, однако вовремя сдержалась.

– Что ты об этом думаешь? – спросила сестра.

– В смысле его перспектив? По мне главное – чтобы он вернулся живым и здоровым.

– Ты что, не понимаешь? – перебила она. – Они считают, Пашу убили!

– Убили? – бестолково переспросила я.

– Иначе к чему все эти вопросы? Кто-то боялся, что он получит это место... завидовал... ненавидел и воспользовался ситуацией. И от тела поэтому поспешили избавиться. Ведь если найдут тело – сразу станет ясно, что это убийство.

– Это тебе следователь сказал? – засомневалась я.

– Нет, но догадаться нетрудно. Теперь все становится понятно. Я ушла, Паша остался один... Он никогда много не пил, уверена, ему подсыпали какую-то гадость. Или просто настойчиво предлагали выпить еще. Он не смог отказаться. И в результате стал абсолютно беспомощным. Следователь сказал, по мнению коллег, он в тот вечер сам на себя был не похож.

– У меня тоже такое бывает. – Я досадливо чертыхнулась. – Что это ты мужа раньше времени хоронишь?

Полина покачала головой, отвернувшись к окну.

– Как только следователь стал задавать эти вопросы, я поняла, что жду Пашу напрасно. Его убили. Слышишь, Алка?!

Ответить на это было нечего. Я бы предпочла первоначальную версию: выпил лишнего, перегнулся через перила и нырнул, оставив на палубе ботинок. Этот самый ботинок, кстати, не давал покоя. Почему он вдруг слетел? Надет был кое-как? Но ботинок был не стоптан, я специально спрашивала. Значит, надел он его правильно. Если заныриваешь с палубы, с чего вдруг ботинок терять? Допустим, цеплялся за что-то ногой или сопротивлялся...

– Хочешь, я у тебя сегодня останусь? – посидев в молчании, предложила я.

– Спасибо. Сегодня Пашины родственники приезжают.

Полина все тянула со звонком родителям мужа, надеялась, что он

найдется. Но вчера наконец позвонила.

– Я могу их встретить. Они самолетом или поездом?

– Самолетом. Мы с Сашкой встретим. Думаю, так лучше будет. Спасибо тебе.

Возле ее дома мы простились, Сашка к тому моменту успела проснуться. Я достала чемодан из багажника, удивляясь, что Полина не предлагает подняться к ней. И тут она сказала:

– Знаешь, что я подумала? Смерть привязчива. Прицепится к кому-то и... собирает жатву. Как-то уж очень литературно получилось, да? Но я так думаю.

Она кивнула, одной рукой ухватила чемодан, другой Сашку и пошла к подъезду. А я еще пару минут стояла, приходя в себя. Что она имела в виду, черт возьми?! Я накликала смерть на ее мужа?! Полная хрень... или нет? Я ведь и сама так подумала...

Я отправилась домой и до самого вечера бегала из угла в угол, пытаюсь ответить на этот вопрос, как будто на него существовал ответ.

«Так до экстрасенсов дело дойдет», – невесело хмыкнула я, и тут в дверь позвонили. Я никого в тот вечер не ждала, подошла к входной двери и посмотрела в глазок. С той стороны стоял довольно молодой мужчина и досадливо хмурился.

– Кто? – громко спросила я.

– Алла Олеговна, откройте, пожалуйста, – оживился мужчина, выдал сияющую улыбку, но поспешно ее убрал. – Я хотел бы с вами поговорить.

– Вы из полиции? – не торопясь открывать, уточнила я.

– Не совсем.

Он поднес к глазку удостоверение, и я поспешно распахнула дверь. Мужчина оказался сотрудником ФСБ, и я тут же вспомнила слова Валентина Георгиевича, что именно их ведомство теперь занимается моим делом.

– Проходите, – предложила я, толком не зная, как себя вести. – Чаю хотите?

– Кофе, если можно.

Интеллигентно сняв ботинки и отказавшись от тапочек, он вслед за мной прошел в кухню, устроился за столом, и я стала готовить кофе.

Вид удостоверения так на меня подействовал, что я запомнила лишь фамилию его обладателя – Иванов, грех не запомнить такую. Имя и отчество скрывал туман беспамятства.

– Простите, как мне к вам обращаться? – ставя перед ним чашку кофе, задала я вопрос.

– Можно просто Денис, – улыбнулся он.
– Наверное, лучше по отчеству...
– Совсем не обязательно. Мы ведь с вами, можно сказать, встречаемся неофициально, в неформальной обстановке.

– Да?
– Ну да. На вашей кухне, а не в моем кабинете.
«С этим не поспоришь, – подумала я. – Что ж, Денис так Денис».
– Есть новости? Я имею в виду расследование...
– Мы работаем, – заверил он, а я усмехнулась:
– Звучит оптимистично, почти как «у нас еще все впереди», – не сдержалась я.

– Что вы имеете против? – вновь улыбаясь, спросил он.
– Ничего. Только так обычно говорят хронические неудачники.
Ему это не понравилось. Он немного посверлил меня взглядом, но особого впечатления не произвел.

– Как вам живется? – сделав глоток кофе, спросил Денис, подозреваю, уже жалея, что мы в неформальной обстановке. – Мои коллеги вас давно не беспокоили.

– Такое впечатление, что мы теперь навеки связаны.
И вновь я подумала: «Вдруг Полина права?»
– Не понял...
– Извините, это я так... У сестры несчастье, муж утонул.
Дениса это по какой-то причине очень заинтересовало. Он стал расспрашивать, а я отвечать.

– Вы были близки с мужем вашей сестры, я имею в виду, дружили?
– Не особенно. Но сестра его любит. И теперь мучается виной. И эта двусмысленная ситуация все еще больше усложняет.

– Да уж... Иногда надо поставить точку. Больше ни с кем из ваших знакомых в последнее время ничего подобного не происходило?

– Не тонул ли кто еще? – опять не сдержалась я. Может, и этот тип считает меня смертоносным вирусом? Тогда какого хрена приперся?

– Надеюсь, в вашей жизни произошли и приятные события? – не обращая внимания на мой вопрос, продолжил он.

Я попыталась вспомнить приятные события, Денис решил мне помочь.
– Новые знакомства, к примеру.
«Папа объявился, – вдруг подумала я. – И я много чего о нем узнала, вполне можно сказать: познакомилась поближе».

– Мужчины, – не унимался Денис. – Вы ведь красивая девушка, у вас должно быть много знакомых мужчин.

– Почему-то не очень, – ответила я, пытаюсь понять, куда он клонит.
– И за эти месяцы никто не появился?
– Вы имеете в виду, есть ли у меня молодой человек?
– Ну... не обязательно молодой человек... друг... товарищ по интересам.

– Если мы в неформальной обстановке, можно я прямо спрошу? Вы себя в каком-то качестве предлагаете?

Он делано засмеялся и вдруг впервые за все время разговора задумался – то ли досадуя на мою бестолковость, то ли искал пути ее преодоления.

– Вы ведь увлеклись стрельбой? – наконец спросил он.

«Откуда вы знаете?» – чуть не брякнула я, но тут же напонила себе, с кем имею дело. Как в известном анекдоте: звонит мужик в ФСБ и спрашивает: «Это номер для анонимных звонков?», а ему отвечают: «Да, Александр».

– Увлеклась, – насторожилась я, не зная, чего ждать от жизни: то ли тренировки запретят, то ли позовут в агенты. Оказалось, ни то ни другое.

– Ваш тренер по стрельбе... вы его сами выбрали?

Вопрос прозвучал вполне серьезно, и моего ума хватило понять: отвечать тоже нужно без шуточек.

– Я сначала в тир ходила. Гуляли в парке с папой, зашли пострелять. Мне понравилось. Нашла в Интернете стрелковый клуб и позвонила.

– И вам предложили тренера? Или вы выбрали его сами?

– Кого мне было выбирать, если я никого не знала? Главный там Петрович... Игорь Петрович. Мы с ним разговаривали, мимо шел парень. Петрович его спросил: «Возьмешь к себе девушку?» Он ответил: «Возьму». Алексей, это мой тренер, думал, я надолго не задержусь, а я задержалась.

– Понятно, понятно. Вы ведь еще, кажется, боксом занимаетесь или карате?

– Борьбой, – познания Дениса в моей личной жизни удручали. – Заинтересовалась объявлением в фитнес-клубе. Сходила на занятие. Понравилось.

– Сейчас многие девушки занимаются борьбой, – порадовал он. – С тренерами все ясно. Но... наверное, появились и другие знакомые? В том же фитнес-клубе или стрелковой секции? С кем-то не просто перебросились парой фраз, а начали видаться где-то еще... он вас пригласил куда-то... Ничего такого не было?

С минуту мы смотрели друг на друга в ожидании: он – моих откровений, а я – вразумительных объяснений. Не дождались.

– Скажите прямо, чего вам от меня надо? – вздохнула я.

– Алла Олеговна, – как видно, забыв, что мы в неформальной обстановке, торжественно обратился он. – Если вдруг в вашем окружении возникнет человек... мужчина или даже женщина и начнет проявлять к вам интерес... не сочтите за труд сообщить об этом мне. Можете поверить, вам это пойдет только на пользу.

Он положил на стол визитку, из которой я узнала: отчество у него – Викторович.

– Хорошо, – немного подумав, пожала я плечами. – Было бы просто здорово, объясни вы...

Но мне тут же стало ясно: перспектива что-либо объяснять его не вдохновляет. Я мысленно махнула на все рукой и замолчала, а он поспешно встал и направился к двери, расточая улыбки... «Черт бы тебя побрал!» – с неожиданной злостью подумала я.

– Рад был знакомству, – заявил он напоследок и скрылся за дверью, оставив меня наедине с моими мыслями.

Я и до той поры не пылала особым оптимизмом, а после его ухода готова была погрузиться в затяжную депрессию. Самое скверное – вроде бы причин для этого нет. Или уже есть? Часа два я размышляла на эту тему, а потом решила позвонить Валентину Георгиевичу. Судя по голосу, он мне не обрадовался.

– Я ведь вам сказал, что этим делом уже не занимаюсь, – напомнил он, но в интонации слышался отзвук вины, что внушало определенные надежды, и я скороговоркой выпалила:

– Мне очень надо с вами поговорить. Пожалуйста.

– Хорошо, – согласился он, – давайте встретимся... – и на секунду замялся. – На остановке «Театр кукол», возле сквера. Часов в семь. Подходит?

Я-то думала, он пригласит меня в свой кабинет, но поспешно ответила:

– Да, конечно.

На встречу я отправилась за час до назначенного срока, так меня разбирало. Возле входа в сквер две девушки ели мороженое. Я прошлась по аллее, поглядывая на часы. Наконец появился Сазонов.

Он шел в компании симпатичной дворняги, то есть дворняга шныряла по окрестным клумбам, а в руке Сазонова я заметила поводок, что прозрачно намекало: эти двое вместе. Я вдруг заподозрила: Валентин Георгиевич не хотел встречаться со мной в кабинете, чтобы об этой встрече не узнали коллеги.

– Здравствуйте, Алла, – сказал он, подходя ближе, и кивком указал на скамейку.

Мы сели, пес продолжал носиться вокруг, а Валентин Георгиевич – с интересом за ним наблюдать. Меня, напротив, интересом не баловал. Однако все-таки спросил:

– Что случилось?

– Меня навестил тип из ФСБ по фамилии Иванов. – Валентин Георгиевич кивнул, точно соглашаясь. – Задавал дурацкие вопросы.

– Это какие? – спросил он, поворачиваясь, и теперь смотрел в упор.

– Не появился ли у меня новый знакомый или знакомые. Вроде это должен быть мужчина, но и женщина вполне подойдет. Я, конечно, тоже попыталась вопросы задать, но...

– От меня-то вы чего хотите? – нахмурился Сазонов, а я нервно засмеялась, качая головой.

– Валентин Георгиевич, моего ума хватает понять: Иванову плевать на меня. И вам, скорее всего, тоже. Но... мне просто не к кому больше обратиться. Хотелось бы иметь представление, чего следует ждать от жизни... и как-то подготовиться. С некоторых пор я ненавижу сюрпризы. Хотя бы намекайте, что затевается...

– Откуда мне знать? – проворчал он. – Со мной такие, как Иванов, откровенничать не станут.

– Вы с ним знакомы?

– Познакомились, когда ему ваше дело передавал. То есть не ваше, конечно... – Тут он взглянул сурово и выдал: – Зря вы сюда вернулись. Жили бы в Германии. Чем там плохо?

– Всем, – ответила я. – Что за психи убили тех людей и чего от меня хотят типы из ФСБ?

– При всем желании не смогу ответить на ваши вопросы, – покачал головой он и продолжил наблюдать за собакой.

– Может, просто не хотите? За свою шкуру переживаете? Моя, само собой, вас волнует мало. Или совсем не волнует. Если вас вдруг вызовут к очередному труп, и вы в ванной, залитой кровью, обнаружите меня, знайте: в свои последние минуты я с благодарностью думала о вас.

После этих слов надо было гордо удалиться. Но сил на это не оказалось. Сазонов в досаде покачал головой, думаю, его мой уход очень бы даже устроил. Легкий укол совести, если таковая имелаась в наличии, и все. Но я не уходила, а мои слова, видимо, впечатление произвели. Сазонов был либо хорошим человеком, либо не любил быть плохим, потому что вдруг заговорил:

– Давайте взглянем на все чисто гипотетически. Предположим, ФСБ интересуется один человек. Профессия у него не скажу чтобы редкая... возможно, он просто больше преуспел в ней, чем другие. Выполнить заказ и остаться в живых – это ведь тоже искусство.

– Мы ведь с вами сейчас не о разносчике пиццы говорим? – насторожилась я.

– Какое до них дело ФСБ? – удивился Сазонов.

– Ага... понятно, – кивнула я, хотя, сказать по правде, мало что понимала. – Значит, речь о киллере? – Валентин Георгиевич пожал плечами. – И что там с этим парнем? Чисто гипотетически?

– Допустим, – чуть более охотно продолжил Сазонов, – у него возникли проблемы. С конкурентами или бывшими хозяевами. Все равно.

– Да уж, какая нам разница.

– И эти... недруги, назовем их так, решили с ним поквитаться. Он об этом знает и принял меры. Найти его не так просто, но оказалось, что у него есть ахиллесова пята. Знаете, что это такое?

– Я образованная девушка.

– Не сомневаюсь. Так вот, ахиллесова пята нашего теоретического киллера – его близкий друг.

– У киллеров бывают друзья? – не удержалась я. – Не очень-то осмотрительно.

– Согласен. Допустим, это не друг, а родственник. Или человек, который не раз ему помогал. В общем, тот, кому он хотел сохранить жизнь в силу нам неведомых причин. Хотя, само собой, расправиться с ним было бы куда проще...

– Если верить сериалам, он бы так и сделал.

– Наш поступил иначе. Спрятал друга с его семьей в надежном, как ему казалось, месте.

– Черт, – сквозь зубы пробормотала я и повторила: – Черт... – Так мне стало тошно.

– Место, как выяснилось, не было уж столь надежным, – кивнул Сазонов. – Этих людей пытали, а потом убили. Сомневаюсь, что они могли что-то знать о киллере. Я имею в виду – знать, где его следует искать. Но... – Он пожал плечами.

– И что теперь? – понаблюдав за ним, спросила я. – Я-то ему на кой черт сдалась? Ведь психи, что были в доме, уже покойники?

– Вы же сами заявили: там был четвертый.

– Тот самый киллер? Спасти друзей он не успел, но смог разделаться с их убийцами?

– Может, и так... Но в этом случае шансы выйти на киллера через вас у парней из ФСБ нулевые.

– То есть на такое счастье мне рассчитывать не приходится? Извините, что у нас с гипотезами?

Он вновь пожал плечами:

– Допустим, в доме было четверо убийц. И после вашего успешного побега тот, кто все это время был в тени, решил: оставлять дружков в живых – опасно.

– Ну да, я же их распрекрасно запомнила.

– Вот именно. А может, он с самого начала планировал от них избавиться? Вопрос, кого он боялся больше – полиции или того же киллера?

– Я правильно поняла, теперь у нас не один киллер, а уже два?

– Гипотетически. И они друг на друга охотятся. Тоже гипотетически.

– А я здесь в каком качестве?

– Вы же девушка сообразительная, подумайте, – серьезно сказал Сазонов.

– У меня сообразительность внезапно кончилась. Уж очень несведуща в киллерских делах.

– Да ничего тут сложного нет, – порадовал Валентин Георгиевич. – Ему важно знать, кого и что вы видели в доме, и убийцу найти.

– Может, ему лучше затаиться, раз уж на него охотятся?

– Может. Но парни из ФСБ, должно быть, надеются: он захочет с обидчиками разобраться. Начнешь спускать подобное – и быстро лишишься репутации.

– Киллер с репутацией – звучит захватывающе.

Сазонов вздохнул:

– Согласитесь, это все-таки не моя вина.

– Да, звезды так сошлись. Вернемся к киллеру, будь он неладен.

– Ну, уж теперь-то вы без меня обойдетесь, – попытался улыбнуться Валентин Георгиевич.

– Киллер с репутацией постарается встретиться со мной в расчете на информацию, а тот самый тип, который был в доме... если я не ошиблась, конечно... станет за мной приглядывать в надежде на эту самую встречу? Охота на охотника. Плюс ребята из ФСБ. Ну и повезло же мне.

– Насчет четвертого вы не ошиблись, – выслушав меня, заявил Сазонов. – Я даже уверен... гипотетически, что ему вы обязаны своим спасением.

– С чего вдруг? Он рассчитывал, что киллер мною заинтересуется?

– Неплохой шанс подобраться к нему. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы?

– Мне-то что делать?

– Отправляться к маме.

– А если эмиграция мне не подходит?

– Тогда следует всячески помогать господину Иванову.

– Ага, может, переодеться в костюм утки и крякать, сидя в кустах?

– Мой вам совет, если уж так сложилось: будьте внимательны. И обо всех своих новых знакомых незамедлительно сообщайте Иванову. Эти ребята свое дело знают. В конце концов, киллеру нет особого смысла вас убивать, а вот помочь в его поимке – ваша гражданская обязанность.

– Спасибо, что напомнили. А ваша обязанность – защищать меня от этих самых киллеров.

– Не сомневайтесь, ваша безопасность у всех в приоритете...

– Еще как сомневаюсь!

– Вот и поезжайте к маме, – тут он, должно быть, счел, что обязан вдохнуть в меня оптимизм, и продолжил: – Это всего лишь наше предположение. Возможно, Иванов просто решил перестраховаться на тот случай, если киллер в самом деле свяжется с вами, что вовсе не факт. Живите себе спокойно. Сообщайте обо всех своих новых знакомых Иванову и выбросите из головы мысли об убийцах.

– Это вы сейчас серьезно говорите? – нахмурилась я.

– Сказать по правде, я тут много чего наговорил. Вряд ли стоило это делать. Всего доброго. – Он поднялся, подзывая собаку, а я вздохнула.

– Спасибо вам, – произнесла вполне искренне.

Сазонов кивнул и зашагал по аллее, а я попыталась решить, что делать. Ближайшим рейсом к маме? Ее брак может не выдержать очередного испытания. Тогда к папе? Что мешает киллеру объявиться вслед за мной за сотни километров отсюда? Еще и папу под удар подставляю. О родителях не худо бы подумать... А может, Валентин Георгиевич прав, и Иванов особо на успех не рассчитывает? На всякий случай меня на глазах держит? По идее, его коллеги должны за мной следить... Значит, я в безопасности. Или почти в безопасности. Если бы следили, не стал бы он визитку совать с требованием доносить о новых знакомых. Сами бы увидели. Хотя поди разбери, старый это знакомый или новый... Будем верить, что следят, и очень усердно, просто глаз с меня не спускают... И на нашу встречу с Сазоновым внимание обратили? Наживет мужик неприятностей... Ты б о себе думала, а не о Сазонове. Надеюсь, он как-нибудь выкрутится.

Допустим, появится у меня новый знакомый, и что? Не устроит же он мне допрос с пристрастием? В этом нет никакого толку... Поди пойми этих киллеров... Главное – ничем себя не выдать. Не дать повода заподозрить, что я знаю или догадываюсь о его истинном интересе. Сострою из себя сладкую дурочку, авось и прокатит.

Странное дело, я вдруг почувствовала облегчение. Должно быть, мысль о том, что ничего в привычной жизни менять не надо, так подействовала.

Я поднялась со скамьи и побрела к троллейбусной остановке, намереваясь отправиться к сестре.

Выглядела Полина скверно. Глаза красные, взгляд потерянный.

– Пойдем в Сашину комнату, – шепнула она. Из гостиной доносились голоса.

Сбросив туфли, я прошла вслед за сестрой в комнату племянницы. Сашка сидела на полу, строила замок из кубиков.

– Новостей нет? – спросила я, толком не зная, что сказать. Полина покачала головой и отвернулась. – Почему вы с Сашкой здесь, а не в гостиной со всеми? Может, я не вовремя?

– Они меня подозревают, – еле сдерживаясь, сказала Полина.

– В каком смысле? – не поняла я.

– В смысле, это я Пашу убила, чтобы квартиру себе захватить. И деньги.

– Они что, спятили?!

– Наверное, их можно понять, – немного спокойнее продолжила она. – А что? Он был пьян, я подошла и столкнула его в воду.

– Вот так просто, да?

– Мы могли посориться... Господи, я не знаю, что делать. – Она беспомощно заплакала, Сашка испуганно повернулась, и Полина, давась слезами, попыталась улыбнуться.

– Мама, ты чего? – спросила девочка.

– Все нормально, милая.

– А где папа?

После этого вопроса сдерживаться Полина уже не могла и разрыдалась, уткнувшись в мое плечо. Вслед за ней испуганно заголосила Сашка, мне пришлось утешать обеих.

Из гостиной, услышав шум, подтянулась родня. Сашку бабушка взяла на руки, на нас косилась с недовольством.

– Нечего ребенка пугать, – заметила зло. – Твои истерики никому не

нужны.

– Ей сейчас нелегко, – вступилась я за сестру и очень скоро пожалела об этом.

– А мне легко, по-вашему? Это мой сын, милочка, мой! И я даже толком не знаю, что произошло.

– Да уж, – тут же влез ее муженек, отчим Павла. – Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда...

Помнится, с пасынком они не особо ладили. Вполне возможно, битва за квартиру разгорится нешуточная.

– Поехали ко мне, – поднимаясь, сказала я. – Там хоть нареवेशься вдоволь. За квартиру, кстати, ипотека не выплачена, так что, если вы на нее нацелились, придется раскошелиться.

Понятное дело, говорить этого не стоило, но в тот момент собственная беспомощность достигла критической точки, вот меня и понесло.

– Ипотека? – нахмурилась Людмила Ивановна. – Но ведь Павел мне сказал...

– Паша не хотел вас расстраивать, – пролепетала Полина, – и я поэтому молчала...

– Но... он ведь хорошо зарабатывал... Ясно, – скривилась Людмила, – все эти ваши поездки в горы да к морю... А теперь ребенок может без квартиры остаться.

– Я тоже работаю, – попыталась вставить слово Полина.

Но Людмила презрительно фыркнула:

– Много проку от твоей работы!

И между прочим, была не права. Сестра зарабатывала очень прилично, может, не так, как Павел, но и без мужа даже с ипотекой вряд ли пропадет. Тем более что я всегда готова помочь.

На отчима известие об ипотеке произвело самое тягостное впечатление. Он окинул взглядом комнату, точно навеки прощался, и скрылся в кухне, не привлекая к себе внимания.

Сашка ревела все отчаяннее, без конца твердя: «Где папа, я хочу к папе», чем довела обеих женщин до истерики. Кончилось все не так уж плохо: я пообещала племяннице самый большой и красивый воздушный шар, и мы отправились на прогулку с Сашкой и Полиной.

– С родней тебе будет нелегко, – заметила я, когда шар был куплен, а Сашка, сунув мне его в руки, весело носилась на детской площадке.

Мы с сестрой устроились на скамейке.

– Их тоже можно понять...

– Почему он им об ипотеке не сказал?

Собственно, мне до этого было мало дела, но это лучше, чем гадать, где Павел и что с ним. Полина пожала плечами:

– Ты же знаешь, он ужасный выпендрежник. Ему нравилось, чтобы его считали успешным, беспроблемным... Людмила им очень гордилась... и... в общем, ерунда все это. Наверное, это надо просто пережить. Да?

Она смотрела на меня с отчаянием, и стало ясно: оставить сестру я не смогу. Со мной она точно не поедет, у нее работа и эта чертова ипотека. Получается, без вариантов.

– У тебя как дела? – спросила Полина.

– Нормально, – ответила я.

А что еще ответить? Я наживка для киллера? Тут и вовсе скверные мысли явились как по заказу. Кто знает, что взбредет в голову психу? То, что мне придется рисковать, еще куда ни шло, а если возникнет опасность для Полины и Сашки? Неужто этим типам из ФСБ и на ребенка наплевать? Я в замешательстве посмотрела на сестру.

– Слушай, – сказала, с трудом подбирая слова, – давай я вас отправлю отдыхать. К морю. Деньги у меня есть.

– Какой отдых! – покачала головой Полина. – Мы даже не знаем, что с Пашей. Я понимаю, ты хочешь как лучше, но сейчас говоришь ужасную ерунду.

По дороге домой я в который раз вспоминала разговор с Ивановым и задалась вопросом: а ну как Пашкино исчезновение связано с тем самым киллером? Глупость, конечно, а если все же не глупость? Если бы он просто утонул – это одно. А странное исчезновение – совсем другое. Что там за планы у душегуба, поди разберись. Ко всему прочему, есть подозрение, что Павла убили. По мне, так испытаний для одной семьи подозрительно многовато.

Подходя к подъезду, я увидела мужчину в инвалидной коляске. Дом у нас новый и оборудован пандусом. Мужчина точно ждал кого-то. На нем был ярко-синий свитер под горло, кепка, ноги прикрыты темным пледом. Он читал книжку, судя по названию, что-то о Второй мировой войне. Взглянув на меня, сказал:

– Здравствуйте, – улыбнулся краешком губ и вновь уставился в книгу.

А я почувствовала что-то вроде вины: мужчина был молод, лет тридцать с небольшим. Симпатичное лицо, открытый взгляд... Судя по всему, высокий, плечистый. На таких женщины обычно заглядываются. Я на жизнь жалуюсь, но бегаю по крайней мере на своих двоих.

– Здравствуйте, – ответила я, поспешно заходя в подъезд, и подумала при этом: «Может, все не так плохо и он еще встанет на ноги? Медицина

сейчас на многое способна...»

Лифт не работал. Иногда подобные мелочи выводят из себя. Мне-то всего на второй этаж, но я раздраженно потыкала пальцем в кнопку вызова, чертыхнувшись, направилась к лестнице и тут вновь подумала о мужчине в инвалидной коляске. Постояла и вернулась на улицу. Он вновь посмотрел на меня с полным равнодушием, а я, слегка запинаясь, сказала:

– Простите... лифт не работает, и я подумала... Вам нужна помощь?

– Нужна, – весело кивнул он, – но просить молодую девушку неудобно. Я никуда не спешу. Дождя сегодня не обещали... Кто-нибудь из мужчин пойдет...

– Глупости. Я с удовольствием помогу, – закидывая на плечо сумку и подходя ближе, сказала я.

– Боюсь, это будет нелегко, – засмеялся он. – Я тяжелый, а вы девушка хрупкая.

– Внешность обманчива.

Я покатила коляску к двери.

– Утром, когда я выходил, лифт работал, – сказал мужчина. – Друзья сделали в подъезде пандус, но на второй этаж я самостоятельно подняться не могу. Но это временно. Не хочется зависеть от такой ерунды, как лифт.

Мы вошли в подъезд, то есть я вошла, толкая перед собой коляску и уже понимая, что дело это нелегкое, однако признаваться в этом не хотелось.

– Вы на втором этаже живете? – спросила я.

– Да. Пятьдесят вторая квартира. А вы к кому-то в гости?

– Я ваша соседка. Из пятьдесят первой.

– Недавно переехали?

– Месяц назад.

– Теперь понятно, почему мы раньше не виделись, я в санатории был. Может быть, передохнем? – предложил он, когда мы оказались на площадке между этажами.

– Давайте, – согласилась я. – Разговаривать лучше, глядя друг на друга.

– Это точно.

– Ничего, если я спрошу? Вы один живете?

– Один. Друзья забегают. В общем, справляюсь. Искал квартиру пониже, но на первом этаже – одни офисы, в общем, по цене подошла только эта. Я здесь тоже не так давно. – Он протянул руку и представился: – Олег.

– Алла, – ответила я.

Рукопожатие вышло по-мужски крепким, меня, должно быть,

перекосило, потому что Олег сказал:

– Извините. Железо тягаю, чтоб быть в форме и с коляской самому управляться.

– А я борьбой занимаюсь, – брякнула я.

– Вы? Борьбой? – похоже, такое у него в голове не укладывалось.

– Ну да... – смутилась я.

Он смутил меня еще больше, спросив:

– Зачем? Извините. Кажется, я лезу не в свое дело. Просто такими видами спорта обычно занимаются девушки... не такие, как вы. Вам бы балет подошел. Или, на худой конец, художественная гимнастика. На самом деле я хотел сказать, что вы очень красивая, а у красивой девушки всегда найдется парень, который рад будет за нее кулаками помахать, так что ей можно не напрягаться.

– Нет у меня такого парня, – засмеялась я, желая перевести разговор в шутку. – Никакого нет. Отправимся дальше?

Я ухватила за коляску, и очень скоро мы оказались возле его квартиры.

– Спасибо, – сказал Олег, доставая из кармана ключи. – Если лишнее сболтнул, не обижайтесь. Малость отвык от разговоров с девушками. Всего доброго.

– Рада знакомству, – улыбнулась я и помахала ему рукой на прощание.

Он очень ловко вкатил коляску в прихожую, двери наших квартир захлопнулись одновременно, а я, сбрасывая туфли, продолжала улыбаться. «Надо будет зайти к нему завтра, – думала я. – Вдруг ему что-то понадобится?» Впрочем, ясно, что Олег предпочитает обходиться без посторонней помощи. Странно все-таки, что он живет один. Допустим, обзавестись женой не успел, но ведь должны быть родители. Что с ним случилось? Неужели эта коляска на всю жизнь и нет никакой надежды?

Сосед занимал все мои мысли, до тех самых пор, пока я не вошла в кухню с намерением выпить чаю. Поначалу я даже не поняла, откуда вдруг появилось беспокойство. Прошла к столу, включила чайник и вот тогда насторожилась. Что-то было не так. Я принялась лихорадочно озираться, пока не поняла, в чем дело. Запах. В кухне пахло так, точно здесь кто-то курил, а потом проветрил помещение. Запах ненавязчивый, но вполне ощутимый. Или здесь пару минут назад находился заядлый курильщик, такое тоже возможно. На днях у меня побывал слесарь, после него пахло примерно так же. А что за слесарь был у меня сегодня?

Я плюхнулась на стул, пытаюсь найти объяснение. Окно было закрыто, отсутствовала я долго и уж точно не курила. Кто-то был в моей квартире

без моего ведома? Я бросилась к входной двери, едва не завопив в голос. На лестничной клетке малость пришла в себя. Вряд ли этот тип еще в квартире. А если я ошибаюсь? Очень захотелось немедленно позвонить соседу, чтобы не быть одной... Сосед – инвалид, помочь не сможет, и подвергать его опасности просто нечестно.

Постояв немного, я вернулась в квартиру, оставив входную дверь открытой. Заглянула в туалет, ванную и гардеробную, даже за шторы в спальне и в шкаф в гостиной. Последнее было совсем уж глупо, но успокоило. Слава богу, я в квартире одна, но здесь, безусловно, кто-то был. Закрыв входную дверь, я вновь обследовала квартиру, теперь на предмет возможных потерь. Все на местах, ничего не пропало. И не появилось. Может, у меня воображение разыгралось после разговора с Сазоновым?

Я встала возле кухонного окна и принялась, запах все еще держался. И что мне теперь с этим делать? Не с запахом, само собой. Убедить себя, что все это глупости, и каждый раз входить в квартиру с опаской? Зло чертыхнувшись, я нашла визитку Иванова и набрала номер его мобильного.

– Слушаю, – бодро ответил он.

– Это Алла Новикова, – пытаюсь сохранить недавнюю решимость, представилась я. – Вы сказали, если в моем окружении кто-то появится...

– Что, уже появился? – спросил он вроде бы с сомнением.

– Возможно. Вы могли бы приехать?

– Сейчас?

– На самом деле чем раньше, тем лучше.

– Хорошо, – без особой охоты согласился он.

Я ждала его, оставив входную дверь чуть приоткрытой. Лифт так и не починили, может, поэтому Иванов выглядел недовольным.

– Что у вас? – спросил он с порога, и я повела его в кухню.

– Чувствуете? – задала я вопрос, когда мы вместе там оказались.

– Что? – нахмурился он.

– Запах. Кто-то был здесь в мое отсутствие, – мысль пришлось развить, потому что Денис Викторович явно не понимал, о чем это я.

– Может, с улицы надуло? – высказал он предположение.

– Окно было закрыто.

– Вытяжка, – кивнул он на стену напротив. – Ваши соседи курят?

– Не знаю. Но уверена: в мое отсутствие здесь кто-то был.

– Ничего не пропало?

– Нет.

– Тогда откуда уверенность? Алла Олеговна, что в самом деле за

фантазии? Не ожидал, что у вас так воображение разыграется.

– То есть запаха вы не чувствуете? – разозлилась я.

– Нет, – ответил он, уже не скрывая, что злится.

– А вы курите?

– Пытаюсь бросить. А вы, кстати?

– Бросила. И очень чувствительна к запаху.

– Оттого он вам и мерещится.

– Ничего мне не мерещится... – Стало ясно, разговор зашел в тупик.

– Поставьте квартиру на охрану, – посоветовал Иванов, удаляясь в крайней досаде. – И ради бога, не дергайте меня по пустякам. О своих фантазиях вы могли сообщить и по телефону, а не гнать меня на другой конец города.

– Да пошел ты, – буркнула я, правда, после того, как за ним захлопнулась дверь.

Проветрила кухню, выпила чаю. И задумалась. Кстати, поставить квартиру на охрану – не такая плохая идея, а еще видеокамеры, датчики движения... Из квартиры не выходить и сюда никого не пускать. Не жизнь, а мечта параноика.

Спала я в ту ночь скверно, то и дело просыпалась, лежала в темноте, прислушивалась к каждому шороху. И страхи, кстати, не заставили себя ждать. Что-то поскрипывало, позванивало и поглядывало из темных углов. Кончилось тем, что остаток ночи я провела со светом.

Утром меня неудержимо потянуло из дома. Оказавшись на лестничной клетке, я проверила, работает ли лифт, и тут же вспомнила соседа. Потопталась в нерешительности и направилась к его двери.

Не открывали долго. Я было решила, что Олега нет дома, но дверь наконец распахнулась. На этот раз он был одет в спортивные штаны и майку без рукавов. Насчет железа он не зря говорил – мышцы бугрились и перекачивались под кожей, в общем, он находился в отличной форме. Я тут же подумала, как нелепо это звучит в применении к инвалиду, мое смущение это лишь увеличило.

– Привет, – сказал он, улыбаясь.

– Доброе утро, – промямлила я.

Мы замолчали, глядя друг на друга, и я, пытаюсь преодолеть неловкость, начала:

– Я иду в магазин и подумала, возможно, вам что-нибудь нужно?

– Если только хлеба... так, вроде все есть.

– Отлично.

Я уточнила, какой он хлеб предпочитает, и поспешила в магазин. Мне-

то туда было без надобности, но я все-таки купила молока, масла и килограмм песка, чтоб пакет в руках не выглядел пустым.

На этот раз Олег открыл дверь быстро.

– Сколько я вам должен? – спросил он, взяв батон из моих рук.

Я не рискнула сказать «ничего не надо», боясь его обидеть. Он чуть отъехал назад, сказав:

– Заходите.

И я вошла. Деньги лежали на тумбочке, приготовленные заранее, я стала искать сдачу, а он сказал:

– Да бог с ней...

– Нет, нет, что вы...

И он, и я чувствовали неловкость, я уже жалела, что пришла. И тут он предложил:

– Хотите чаю?

– Что? – растерялась я.

– Чаю. Или кофе. Если у вас есть время, конечно.

– Времени у меня сколько угодно, – сказала я.

– Отлично. Проходите...

Пристроив пакет возле двери, я пошла за ним.

– Давайте я вам помогу, – предложила неуверенно.

– Вдвоем мы справимся быстрее, – засмеялся он.

Включил электрический чайник и кивком указал на чашки, стоящие в открытом шкафчике над мойкой. Шкафчик висел непривычно низко. Все здесь пытались приспособить для того, чтобы он мог достать нужные вещи, сидя в кресле.

Следуя указаниям Олега, я быстро накрыла на стол, не забывая оглядываться. Поражали образцовый порядок и чистота на кухне. Я, кстати, этим похвастать не могла. Наверное, у него домработница или подруга, или просто кто-то из друзей приходит убираться.

Мы пили чай и болтали о пустяках: погоде, шумном соседе сверху, избегая личных тем. Я не задавала вопросов, хотя их было множество, он тоже, и слава богу. Что бы я ответила, приди ему охота спросить, где я работаю? Нигде? Папины деньги проедаю, хотя с руками-ногами все в порядке? С головой – не очень...

Потом речь зашла о книге, которую он на днях прочитал. Я о ней слышала, но купить не успела.

– Хорошая книжка. Раньше я не особо много читал, сейчас вот время появилось. Иногда удивляюсь, как мало меня интересовали те или другие вещи... – Он уже направлялся в комнату, и мне пришлось следовать за ним.

В комнате тот же образцовый порядок. Никаких лишних вещей. Разобраный диван прикрыт пледом. Полки с книгами вдоль стен, два кресла, журнальный стол, еще один стол, на котором стоит включенный компьютер, и тренажер у стены напротив.

Олег взял с полки книгу и протянул мне:

– Интересно, что вы скажете...

– Давайте я ее у вас куплю, – брякнула я.

Он взглянул как-то странно, а я залилась краской.

– Опять что-то не то сказала?

– Почему опять? – засмеялся он.

– У меня такое сплошь и рядом. Книги сейчас дорогие, и вам хорошо, и мне в магазин идти не надо.

– Просто верните ее, когда прочитаете, если уж вас что-то смущает.

Тут я обратила внимание на фотографии в рамках. На одной Олег был в компании двух мужчин, все трое – в офицерской форме, смотрят серьезно, у каждого на груди орден. На любительский снимок не похоже.

– Вы были на войне? – Я кивнула на снимок.

– Довелось. Это я с друзьями. – Он посмотрел на меня и засмеялся. – Вот вы о чем? На самом деле все куда прозаичнее: попал в аварию. Врачи удивлялись, как вообще жив остался. Сказали, повезло. Забавная штука жизнь. Нигде ни разу не зацепило, а на гражданке...

На фото рядом Олег обнимал симпатичную брюнетку.

– Ваша девушка? – спросила я.

– Жена. Бывшая. Когда узнала прогноз врачей, собрала вещи и ушла. Иногда звонит.

Я вновь залилась краской, понятия не имея, что на это сказать. И вновь Олег пришел на помощь.

– Я на нее не в обиде. Понятия не имею, как бы поступил на ее месте. Вполне возможно, тоже сбежал. Алла, – окликнул он, – у меня все в порядке. Есть друзья, работа... – Он кивнул на компьютер. – Зарабатываю, кстати, вполне прилично. Квартиру вот купил. Конечно, пришлось у друзей денег занять, потихоньку отдаю, они не торопят. На еду мне пенсии хватает, особых трат нет, разве что книжки, ну и еще домработница. Хорошая женщина, добрая.

– Это в том смысле, что за хлебом есть кому сходить?

– За хлебом я и сам могу. А вот нашему знакомству очень рад. К девушкам у меня теперь отношение чисто эстетическое, – засмеялся он после минутной заминки. – Но вы не просто красивая девушка, вы хороший человек. Я вижу. Опекать меня не надо. Хотите, будем дружить.

Он с улыбкой протянул руку, и я ее пожала максимально крепко, сказав серьезно:

– Хочу.

Я пробыла у Олега еще час, говорили в основном о книгах и перешли на «ты».

Уходя, я сказала:

– Опекать тебя я не буду, но если вдруг понадобится моя помощь, любая, ты об этом скажешь. Договорились?

– Само собой, – засмеялся он.

И я отправилась восвояси в весьма приподнятом настроении. О недавнем происшествии в своей квартире даже не вспомнила.

Первым делом навестила сестру. Сашка спала, в доме царила подозрительная тишина.

– Где родственники? – спросила я.

– Уехали.

– Отчим Павла внезапно потерял интерес к происходящему?

– Ну зачем ты так? – попеняла Полина. – У них свои дела...

– Звучит отлично.

– Я тоже хороша. Рада, что они уехали.

– Неудивительно.

– С утра из полиции приходили, – вздохнула сестра. – Свекровь еще была здесь, уединилась с ними в детской и говорила на пониженных тонах. Теперь гадаю, чем это для меня обернется. Не удивлюсь, если стану единственным подозреваемым.

– Глупости. Пока Павла не нашли, все их домыслы ничего не стоят.

Она махнула рукой, давая понять, как мало ее это волнует.

– Давай куда-нибудь сходим, – предложила я.

– Куда?

– В кино, в парк... куда угодно. Сашка проснется – и пойдем.

– Мы с ней во дворе погуляли. Не обижайся, никуда идти я не хочу. Я знаю, некоторые вещи надо пережить, свыкнуться, что ли... Я сейчас точно в подвешенном состоянии, между небом и землей... Если бы не Сашка, лежала бы, наверное, весь день в постели. И спала бы, спала... чтобы время прошло быстрее...

Сестру я отлично понимала, нечто подобное и я испытывала, но теперь, глядя на ситуацию со стороны, считала такое поведение неправильным. Или не совсем правильным. Не на кровати лежать надо, а делом заняться. «Все равно каким», – чуть не брякнула я. Хороша советчица! В общем, по дороге домой у меня был отличный повод и о

своей жизни подумать. «Пора тебе, милая, на работу устраиваться», – в конце концов решила я.

Поиски работы я, как водится, планировала начать с понедельника. До вечера еще оставалось много времени, и я гадала, чем его занять. Гуляла в парке и зашла на арт-выставку. Побродила в тишине залов среди унитазов, выкрашенных во все цвета радуги, манекенов, звездой лежащих на полу, и пришла к выводу: современное искусство мне не дается.

Заприметив по дороге супермаркет, вспомнила, что у меня закончился шампунь. Возле касс собралось довольно много народу. Я взглянула на одиноко лежащий в моей корзине флакон и подумала, не вернуть ли его назад, однако встала в очередь. Куда мне спешить?

Женщина, стоящая передо мной, уже расплачивалась, я поставила корзину на ленту, и тут мужской голос за спиной произнес:

– Извините.

Я немного продвинулась, чтобы мужчина тоже мог пристроить свою корзину. На нее-то я поначалу и обратила внимание. Апельсины, яблоки, грейпфрут, латук, орехи, огурцы-помидоры. Фруктово-овощная диета. Ни тебе пива, ни пельменей, ни майонеза.

Мазнула взглядом по хозяину корзины. Высокий брюнет с отличной фигурой. Густые волосы достают почти до плеч. Он равнодушно посмотрел на меня, и я заволновалась. В этот момент кассир пробила чек, и мне пришлось отвлечься, но, расплатившись, я отошла в сторону и принялась разглядывать парня, делая вид, что кого-то жду. Он деловито перекладывал продукты в пакет, не обращая на меня внимания, а я была готова броситься к нему с радостным воплем, потому что уже не сомневалась: это Илья, моя большая юношеская любовь.

Познакомились мы в лагере. Я только что окончила девятый класс, самое время влюбиться. Илья на шесть лет старше, к тому моменту уже работал тренером в спортивной школе и в лагерь отправился в качестве физрука. Но так вышло, что мы остались без вожатого, его спешно увезли в больницу с подозрением на аппендицит, и Илье пришлось его заменить. Само собой, он для нас был не Илья, а Илья Сергеевич, но, несмотря на это, к вечеру первого дня в него были влюблены все девчонки отряда. И лагеря, скорее всего, тоже. Ну, если только малышня не приняла участия в этой любовной горячке. Некоторые девчонки откровенно с ним заигрывали, в ответ он просто отворачивался и вел себя так, точно вовсе их не замечал. В общем, все быстро смекнули: подобная тактика не годится.

Я не только кокетничать, просто взглянуть на него боялась. Зато занялась спортом, решив обратить на себя внимание личными

достижениями. И своего добила. К концу недели он меня явно выделял. Девчонки раздобыли номер его мобильного и принялись писать ему эсэмэс, соревнуясь в остроумии. А я вечерами выходила на пробежку. И однажды на лесной дорожке он, поравнявшись со мной, сбавил темп и пару кругов пробежал рядом. Мы даже смогли немного поговорить, то есть он дал пару советов, а я от волнения в ответ несвязно мычала. На третьем круге я сошла с дистанции, пролепетав:

– Спокойной ночи, – всерьез опасаясь хлопнуться в обморок и все испортить.

У меня хватило ума никому не рассказывать о встрече в лесу, и на следующий вечер мы вновь столкнулись на лесной тропинке, а потом уже просто договаривались выходить на пробежку в определенное время. Само собой, это не было свиданием. Он ни разу не сказал и не сделал ничего такого, что могло бы показаться предосудительным начальнику лагеря, а мне дать надежду на некие чувства и вознестись на вершину блаженства. Иногда речь заходила о вещах далеких от спорта, книгах или кино, но и в этом самый въедливый охотник на педофилов не смог бы усмотреть ничего подозрительного. Я была счастлива и несчастна одновременно. Весь день томилась в ожидании вечера, а во время тренировок старалась не смотреть в его сторону и мечтала о том, как мы встретимся в городе, он пригласит меня в кафе, а потом где-нибудь в парке возьмет за руку, обнимет и губы наши сольются в страстном поцелуе.

На этом моя фантазия обрывалась, хотя недолгое пребывание в лагере заметно расширило мои познания в области секса.

А потом случилась беда: пропали парень и девушка из старшего отряда. Ушли после отбоя и не вернулись. Хватились их только утром. Но и после этого бить тревогу не спешили. Знали, что у них любовь, оба к дисциплине в лагере относились с прохладцей и запросто могли загулять. Но родителям, конечно, сообщили, и в полицию тоже. К вечеру они не появились ни в лагере, ни дома. В округе их тоже никто не видел. Они могли отправиться на озеро, это первое, что приходило в голову. Прибыли водолазы, но ничего не нашли. После этого решили прочесать лес. В помощь взрослым сформировали отряд добровольцев-старшекласников, возглавлял его Илья, я, само собой, тут же вызвалась помогать. Мы цепью шли по лесу, постоянно окликая друг друга. Делом это оказалось нелегким. В лагерь вернулись, когда стемнело, поужинали и разошлись по корпусам.

Я направлялась к себе, когда вдруг подошел Илья и спросил:

– Очень устала?

– Все нормально, – пожала я плечами.

– Хочешь искупаться? – предложил он.

Прозвучало это абсолютно неожиданно. После исчезновения ребят в лагере ввели повышенные меры безопасности, говоря попросту, выйти за территорию было невозможно, то есть к озеру не попасть, но я ответила с готовностью:

– Хочу.

– Через полчаса за вторым корпусом.

За вторым корпусом была калитка, теперь запертая на замок. В корпус я возвращаться не стала, чтобы не привлекать лишнего внимания, тем более что с утра была в купальнике. Я провела полчаса на пустующей спортплощадке и направилась к калитке.

Илья уже ждал меня. Не говоря ни слова, снял замок, и мы пошли по тропе к озеру. Над озером висела луна, и мы, раздевшись и взявшись за руки, вступили в теплую воду, а потом поплыли по лунной дорожке. И это было прекраснее моих фантазий. А когда вышли на берег, Илья набросил на мои плечи полотенце и сказал:

– Надо возвращаться, на твое отсутствие могут обратить внимание.

Я кивнула, соглашаясь. Меня переполнял такой восторг и такое счастье, что его хватило с лихвой, и теперь я не сомневалась: у этой ночи будет продолжение, Илья любит меня, хоть и не сказал об этом ни слова.

Стоя спиной друг к другу, мы оделись, стянув мокрые вещи, я купальник, а он плавки, и пошли к калитке. Там, возле калитки, он меня и поцеловал. Это был первый в моей жизни поцелуй и до сих пор чемпион по произведенному впечатлению. Две длительные связи и последующие за ними три короткие ничем подобным похвастать не могли.

Мы расстались, и, открывая дверь своего корпуса, я видела, что Илья смотрит мне вслед. Собственно, на этом все и закончилось. Рано утром приехала мама и забрала меня из лагеря. Парня с девушкой так и не нашли, и многие родители решили, что лагерь – не безопасное место для их чад.

Мама согласилась подождать пятнадцать минут, и я бросилась разыскивать Илью, но в лагере его не оказалось. Еще на рассвете он вновь отправился на розыски с добровольцами, прибывшими из города. Я была в таком отчаянии, что даже не подумала узнать у девчонок номер его мобильного и не оставила свой.

Давилась слезами на заднем сиденье маминой машины, и мне казалось, что жизнь кончена. Но мало-помалу я успокоилась. Найти меня Илье труда не составит, он взрослый человек, и у него масса возможностей. Однако ни в тот день, ни на следующий Илья так и не позвонил. Сначала я решила: он слишком занят поисками пропавших, и ему просто не до меня.

Потом начала думать: его обидел мой внезапный отъезд. Ведь я даже записки не оставила. Мама, видя мою маету, решила, что на меня так подействовало исчезновение ребят, и через три дня мы улетели к теплому морю, лучшему средству от депрессии, по мнению мамули. Я сопротивлялась, как могла, но мама была непреклонна.

Две недели я то погружалась в пучину страданий, то обретала надежду – все в лучших традициях юных дур. Вернулась загорелой и полной решимости немедленно встретиться со своей любовью. С трудом дождавшись, когда мама отправится на работу, бросилась в лагерь. Пробраться на территорию не представлялось возможным. Я затаилась в кустах возле озера, но среди тех, кто пришел купаться, Ильи не оказалось. Еще часа три я сновала вдоль забора в надежде его увидеть. Напрасно. Время шло, до возвращения мамы с работы оставалось полтора часа. Всю обратную дорогу я рыдала, припав щекой к оконному стеклу автобуса, а когда покинула его, с тоской подумала: заниматься поисками следовало бы Илье. Но он, похоже, далек от этого. Разумеется, я тут же решила, что Илья меня не любит, и пыталась понять, что это было там, на озере. Почему он меня поцеловал? Потом решила, что все-таки любит, но больше никаких действий не предпринимала. А то я найду его, а он с удивлением спросит, что мне надо.

Конечно, я довольно быстро узнала, в какой спортивной школе он работает, и туда зачастила, то есть все свободное время болталась по соседству в надежде случайно с ним встретиться. Но близко к дверям не подходила. Логика во всем этом никакой, а чем больше проходило времени, тем меньше оставалось шансов на обретение мечты. Я очень жалела, что у меня нет фотографии Ильи. Наверное, я бы орошала ее по ночам слезами, но на нет и суда нет, пришлось довольствоваться подушкой.

На первом курсе я опять влюбилась, но образ Ильи продолжал маячить на горизонте. До сих пор он временами являлся в моих девичьих снах, по утрам я грустила и пыталась представить, как сложилась бы моя жизнь, не увези меня мама из лагеря.

И вот объект моих грез расплывается, стоя в профиль ко мне возле кассы, он все так же красив и недоступен, меня даже не узнал. Это показалось обидным. И внезапно придало отваги. Так что, когда он, подхватив пакет, пошел к двери, я решительно его окликнула:

– Илья!

Он оглянулся, а я заспешила навстречу с широчайшей улыбкой на физиономии. Какая, к черту, неловкость? Встреча двух взрослых людей, которые когда-то были в одном детском лагере.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – произнес он неуверенно, но теперь смотрел с интересом. Приглядывался.

– Ты меня не узнаешь? – засмеялась я.

– Алла? – спросил он с сомнением, а я вновь засмеялась и кивнула, меня прямо-таки распирало от счастья. – Ничего себе, – тоже засмеялся он. – Какая ты стала!

Теперь мы таращились друг на друга во все глаза, толком не зная, чего делать дальше.

– Да, – покачал он головой, – сколько лет прошло...

– Много, – согласилась я и поняла, надо брать инициативу в свои руки. – Здесь неподалеку кафешка, может, выпьем кофе?

Он вроде бы растерялся, явно не ожидая подобного приглашения. Можно подумать, я его в постель тащу, предлагая Родине изменить! Все-таки странные пошли мужчины...

– Да... Отлично, – наконец сказал он, посмотрел на пакет в своих руках и спросил: – Ты на машине?

– Нет.

– Тогда, может, я тебя подвезу?

Что это значит? Кафе отменяется? Я с готовностью кивнула ввиду отсутствия выбора, и мы направились к парковке. Шампунь я еще раньше сунула в свою безразмерную сумку и теперь весело трусила рядом. Мы подошли к черному «Лендкрузеру», Илья убрал покупки в багажник и распахнул передо мной дверь. «Машина дорогая, – подумала я, – вряд ли ее купишь на зарплату тренера. Значит, он сменил работу?» Впрочем, на что живут наши люди и как умудряются покупать дорогие тачки – тайна за семью печатями. Я, к примеру, вообще безработная, а туфли на мне за триста евро. Хотя вряд ли Илья в таких вещах разбирается. Для большинства мужчин туфли – это просто туфли.

– Где живешь? – между тем спросил Илья, я назвала адрес, и мы тронулись с места. – Ну, рассказывай, как жизнь, чем занимаешься? – Он то и дело смотрел на меня и улыбался. Надеюсь, впечатление я произвела.

– Сейчас работу ищу, – ответила я, решив особо на этот счет не распространяться.

– Да? Есть проблемы?

– Особых нет. Платят маловато.

– Это да. Кризис, – пожал он плечами.

– А ты где работаешь?

– В спортшколе. И еще в двух местах. Короче, пашу как проклятый.

Одно время хотел бросить все это дело, дружок подсуетился, в банк устроил. Год промучился и понял: не мое. Вернулся опять на тренерскую. На самом деле на жизнь не жалею.

– Я в общем-то тоже... – кивнула я.

Он стал задавать вопросы: какой вуз я окончила и прочее, я отвечала, очень надеясь, что его не только мое образование интересует. И наконец дождалась.

– Замужем? – с легкой запинкой спросил он.

– Нет, абсолютно свободна. А ты? – по-моему, прозвучало довольно нахально. Я залилась краской, как всегда некстати.

– Я тоже, – ответил он, взглянув как-то по-особенному. Или мне это показалось?

Хоть Илья и не спешил, но возле моего дома мы оказались слишком быстро. Напомнить о намерении заглянуть в кафе я не решилась, а приглашать его к себе тем более. Илья затормозил возле подъезда, и мне оставалось лишь сказать:

– Спасибо.

– Одна живешь или с родителями?

– Родители развелись. Мама в Германии. Папа тоже далеко, помог мне с квартирой. Рада была тебя увидеть, – вздохнула я.

– Я тоже. Как-нибудь выпьем кофе...

– С удовольствием. В любое время, пока на работу не устроилась.

– Тогда, может быть, я заеду на днях...

– Буду ждать. У меня, кстати, есть телефон. А у тебя?

Он засмеялся.

– Конечно... – достал из кармана мобильный и сказал: – Диктуй номер.

Я продиктовала, он нажал кнопку «вызов», мой мобильный зазвонил, а Илья улыбнулся:

– Ну вот, теперь не потеряемся.

– Пока. – Я вышла из машины, и когда Илья, развернувшись, покидал двор, помахала ему рукой, а он, открыв окно, помахал в ответ, сердце куда-то побежало, и я вздохнула с томлением. Подумать только, моя юношеская любовь вдруг вернулась! Я имела в виду объект, хотя, может, и сама любовь, не зря меня так плющит.

– Ой, мамочка, – прошептала я с дурацкой улыбкой и наконец-то вошла в подъезд.

И тут вдруг скисла. Помнится, тогда, в лагере, я тоже готова была до потолка от радости прыгать. И что? Илья просто исчез. Ну, или я исчезла. А он не предпринял ни малейшей попытки меня найти. И сейчас запросто

может раствориться на городских просторах. Правда, у меня есть его мобильный. «Великое достижение», – мысленно скривилась я, вместе с маетой ощущая беспокойство. Неужто судьба меня вновь оставит с носом? Да это черт знает что такое, уж лучше б тогда и вовсе не встречаться!

Войдя в квартиру, я опустилась на банкетку в прихожей и сидела так минут десять, пытаюсь худо-бедно разобраться в своих чувствах. Душа еще пела, но внутренний голос уже ядовито шептал: «Ничего не будет, и не надейся».

– Не будет так не будет, – буркнула я, поднимаясь.

Определила шампунь в ванную и прошла в кухню, тут же начав приноживаться. Никаких подозрительных запахов. Может, мне в самом деле вчера все почудилось? Я почти смогла убедить себя в этом, но тут, отправившись в гардеробную переодеваться, бросила взгляд на кровать. Кровать у меня стоит в нише, от комнаты ее отделяют шторы из органзы, обычно днем я задергивала их, таким образом, по замыслу дизайнера, создавалась иллюзия, что в комнате два окна, и это визуально делало ее светлее и просторней. Однако сейчас шторы были раздвинуты. Выходит, задернуть их я сегодня забыла?

Замерев посреди комнаты, я постаралась припомнить, задернула их или нет, мысленно воспроизведя все свои действия с того момента, как утром проснулась. Никакой уверенности, конечно, не было. Обычно делать это я не забывала, но ведь могла и забыть. Всякое случается. Но по спине уже полз холодок, и возникло желание бежать отсюда сломя голову. Вместо этого я подошла к кровати, и сердце едва не выскочило из груди: покрывало было слегка примято. Так, точно на кровати кто-то лежал, а потом поднялся и забыл поправить покрывало. Или не сделал этого нарочно. Я поверх покрывала точно не лежала. У меня вообще такой привычки нет.

– Твою мать! – произнесла я громко и рванула к входной двери.

Никто не бросился следом и не схватил за плечи. Оставив входную дверь приоткрытой, я прошла по квартире, как делала это накануне, заглянула под кровать, а потом во все шкафы. Тихо и пусто. Но на кровати, вне сомнения, лежали, когда меня здесь не было. Вопрос: кому это надо, если вещи по-прежнему на местах и ничего не пропало? Кто-то хочет, чтобы я с катушек съехала? А смысл? Я стала жертвой психа, который так развлекается?

Тяжко вздохнув, я позвонила Иванову.

– Здравствуйте, Алла, – сказал он, голос звучал так, точно ничего хорошего от моего звонка он не ждал.

«А не фига визитками раскидываться», – злобно подумала я и

сообщила:

- В моей квартире кто-то был.
- Опять запах?
- Нет. Покрывало на кровати примято.
- И что?
- На нем кто-то лежал.

Он вздохнул, но, помолчав немного, сказал:

- Ладно, я приеду.

И действительно приехал. Постоял возле кровати, хмуро на нее пялясь, и спросил:

- Это все?
- По-вашему, мало?
- То есть вы уверены, что в ваше отсутствие тут кто-то был?
- Вы же видите.

– Ничего я не вижу! – разозлился он. – Знаете, Алла Олеговна, недавние события произвели на вас чересчур сильное впечатление. После всего пережитого вас мучает страх... – Он ненадолго заткнулся, чем очень порадовал, но продолжил вновь: – Вы отказались от помощи психолога. По-моему, совершенно напрасно.

– Хотите сказать, что я спятила? И мне все мерещится – и запах, и смятое покрывало?

– Конечно, нет. Не мерещится. Просто всему этому есть объяснение, а вы придаете происходящему несоразмерно огромное значение.

- Спасибо, – сказала я.
- За что? – насторожился он.
- За то, что приехали.
- Хотите, порекомендую вам отличного специалиста?

– Не хочу. Завтра же сваливаю за границу, и пусть тут кто угодно на моей кровати лежит.

Эта идея ему определенно не приглянулась, что подтвердило правильность наших с Сазоновым догадок.

- А как же ваша сестра? – нахмурился он. – Ей нужна поддержка.
- Я и ее с собой заберу. Какая разница, где ждать известий?
- Боюсь, она с вами не согласится. Кстати, почему бы вам не переехать к сестре? Или ей к вам? Впрочем, с ребенком здесь будет тесновато. Я бы на вашем месте к кому-нибудь на дачу отправился.

- Вот и отправляйтесь, – посоветовала я.

Он побрел к двери и, уже закрывая ее за собой, сказал:

- Поставьте квартиру на охрану. Все ваши страхи сразу исчезнут.

«Этот гад, конечно, прав, – со злостью думала я после его ухода. – Бросить здесь сестру я не могу, а она никуда не поедет. Может, в самом деле к ней переехать? Добавить к ее страданиям мою паранойю? Ладно, о переезде подумаю. Дача, кстати, тоже неплохая идея. У одной из моих подруг предки на лето дачу сдают».

Я подошла к нише, задернула шторы, но перед этим заглянула под кровать.

Весь следующий день я ждала звонка Ильи. Он не звонил, и это ничуть не удивило. Я напомнила себе, что движение – это жизнь, и принялась бороться с хандрой: вместе с сестрой и Сашкой отправилась за город, а вечером, позвонив подругам, совершила вылазку в ночной клуб. Выпила лишнего, нашла себе кавалера, но сбежала от него по причине, оставшейся мне и самой непонятной. В общем, жизнь была ключом.

Утро встретила с головной болью и смутными воспоминаниями. Все в принципе казалось полной хренью, причем до такой степени, что я недрогнувшей рукой набрала номер Ильи и сказала, когда он ответил:

– Судя по всему, ты не торопишься позвонить, вот я и решила сама... если не вовремя, можешь смело послать меня к черту.

– На самом деле я очень рад. – Может, и так, но особой радости в его голосе не чувствовалось. – Как дела?

Ясное дело, вопрос развернутого ответа не предполагал, и я сказала:

– Нормально. А у тебя?

– Сейчас немного занят... Давай встретимся завтра и поговорим.

– Хорошо.

– Тогда завтра я позвоню.

Мы простились, и я досадливо отшвырнула телефон на стол, уверенная, что завтра он тоже не позвонит. Угораздило нас встретиться! Я уж и думать о нем забыла, а теперь все опять начинается. Душевные мытарства, я имею в виду.

Устроившись возле окна, я принялась глазеть во двор. Ничего интересного там не было. Погрузиться в бездну меланхолии не позволил звонок подруги, с которой мы накануне предавались порокам. Похмелье она стойко переносила на работе, так что ей по-любому было хуже, чем мне.

– Надо срочно опохмелиться, – незатейливо начала она.

– А как же работа?

– Попробую смыться. Давай через час в «Шоколаде». Один тип тоже хотел подтянуться, я вас познакомлю.

- Что за тип?
- Замуж за него собираюсь. Нужен взгляд со стороны. А еще разведка боем: если он начнет за тобой ухлестывать...
- С какой стати?
- С такой, что ты девушка неземной красоты. Короче, если соблазнится, погоню в шею, чтоб жизнь мою девичью не загубил.
- Может, тогда Ирку Звереву пригласим?
- Нет уж, Ирка запросто сама его может увести, ты же знаешь, у нее навязчивая идея выйти замуж.
- У меня, кстати, тоже. Я тебе говорила, что встретила свою юношескую любовь?
- Тренера спортшколы? И за него замуж? Ну ты оригиналка. А чего не за водителя такси?
- Почему бы и нет? Лишь бы человек был хороший.
- Чего-то мне кажется, ты, подруга, еще не протрезвела. Ладно, пока, – Вика дала отбой, и я стала собираться в ресторан. Назывался он, кстати, «Все в шоколаде» и считался одним из самых дорогих в городе.

На открытой веранде нашелся свободный столик, что меня порадовало. Я устроилась у самой балюстрады и не спеша огляделась. Публика вполне нормальная, в прошлый раз я была здесь вечером с папой, дамы сверкали бриллиантами, мужики лысинами, а сейчас в основном сидела молодежь. Время ланча, хотя и он здесь стоит недешево.

Тут я вспомнила, что с утра ничего не ела, и сделала заказ. Посмотрела на часы. Вике уже пора бы появиться. В ожидании подруги я достала из сумки книгу, но чтение меня не захватило. Я то и дело поглядывала на площадь, тут Вика и позвонила.

- Алка, прикинь, меня не отпускают. Наша мымра встала на дыбы, я, видишь ли, третий раз в этом месяце отпрашиваюсь...
- Очень мило.
- А мне-то каково? Не злись, ладно?
- Ладно, – вздохнула я. – Жаль, что ты не выбрала ресторан попроще.
- Блин... выпендриться хотела... точнее, хотела посмотреть, как мой на тамошние цены отреагирует.
- Теперь на них смотрю я и поминаю тебя в своих молитвах.
- Что, так скверно?
- Одно слово: жопонька. Постараюсь это пережить.
- Хочешь, я тебе свой шарфик подарю? Голубенький? Он тебе нравился, но ты сказала: «Только идиот купит его за такие деньги».

– Иди работай, – посоветовала я, потому что к тому моменту салат уже съела и мне принесли рыбу.

Вспомнив, сколько у меня денег на карточке, я решила, что до банкротства далеко, и посоветовала себе наслаждаться жизнью.

В заведении была своя фишка: кофе здесь ничего не стоил, при условии, конечно, что вы сделали заказ. Само собой, с такими ценами они не обеднеют, и расходы покрывались с лихвой. Явным неудобством подобной щедрости было то, что за кофе надлежало идти самому. Четыре кофемашины стояли посреди зала, апофеоз самообслуживания и, подозреваю, немой призыв к сознательности. Не станешь ведь курсировать туда-сюда за дармовым кофе на глазах всей публики. Я была готова отказаться от такой щедрости, однако поняла: выпитая во время еды вода проблему с организмом не решила, нужен кофе, причем крепкий. Вздохнув, я направилась к кофемашинам, взяла двойной эспresso и уже намеревалась вернуться за стол, как вдруг споткнулась. Совершенно на ровном месте. Чашка весело подпрыгнула, отделилась от блюдца и разбилась вдребезги, а двойной эспresso выплеснулся на белоснежную трикотажную рубашку типа, который весьма некстати оказался по соседству.

– Твою мать! – в сердцах произнес он.

Было от чего гневаться. Я уже заметила логотип фирмы на кармашке, даже думать не хотелось, сколько эта чертова рубашка может стоить.

– Простите, ради бога, – пролепетала я.

Присутствующие замерли на своих местах, готовясь к шоу. Со всех сторон к парню кинулись официанты и так кудахтали, что стало ясно: он здесь клиент особый, на меня посмотрели с таким видом, точно я ненароком развязала Третью мировую. «А не хрен креативить, – готовилась произнести я. – Приносили бы кофе сами, как в приличных заведениях...»

– Ничего страшного, – устало произнес обладатель рубашки, которому, должно быть, кудахтанье надоело. – Я сам виноват.

А я, поняв, что шоу отменяется, подняла благодарный взгляд с пятна на его груди к лицу благородного рыцаря. Блондин-очкарик насмешливо мне улыбался. Не скажу, что красавец, но было в нем нечто такое, что вызывало непрощенное волнение. А еще беспокойство, словно стоишь на самом краешке обрыва, смотришь вниз, и дух захватывает. Пятишься назад, но все равно смотришь.

– Леночка, – обратился он к одной из официанток, – будьте добры, принесите два эспresso за мой столик, пока эта милая девушка еще кого-нибудь не ошпарила.

– Я заплачу вам за химчистку, – с вызовом заявила я.

А он рассмеялся:

– Выпейте со мной кофе, и будем в расчете.

Такой поворот событий меня вполне устраивал, и я поплелась за ним под неприязненным взглядом официантки. Вряд ли ее так напрягла его просьба, подозреваю, девица считала меня недостойной подобного запредельного счастья.

«Что же это за гусь такой?» – гадала я.

Между тем очкарик устроился за столом, предварительно джентльменски придвинув мне стул. У него было лучшее место в зале, отсюда открывался прекрасный вид на площадь и древний собор. Нам незамедлительно подали кофе, и очкарик сказал:

– Принесите счет девушки, я оплачу.

– С какой стати? – не очень вежливо вмешалась я.

– Вы бы радовались, – хмыкнул он, – сэкономите деньги.

Он кивнул метрдотелю, и тот бросился к нам со всех ног. Очкарик принялся с ним шептаться, я пила кофе и любовалась видом, принципиально не желая прислушиваться к их разговору.

Очкарик протянул ему деньги, уж точно не компенсацию за разбитую чашку, сумма непомерная даже для этой забегаловки. Парень нас покинул, уже в полный голос сказав:

– Все сделаем.

Очкарик стал улыбаться, с интересом меня разглядывая, точно находился в зоопарке – он снаружи клетки, а я, само собой, внутри. Словами не опишешь, как мне это нравилось. Конечно, я его тоже разглядывала. Физиономия приятная, очки со стеклами без оправы очень ему идут. Улыбка – просто блеск. Рослый, с отличной фигурой. И непомерным самомнением. Я таких типов терпеть не могу. Джинсы, трикотажная рубашка, которую я испортила, рыжие мокасины на босу ногу. Вроде бы демократично, если не знать, сколько все это стоит. Часы тоже выглядят вполне себе скромненько, но эта фирма мне хорошо известна, не из великой любви к ней, а по долгу бывшей службы. Загорелый, видно, прямиком с курорта. Волосы, должно быть, от природы темнее, скорее светло-русые, а сейчас выгорели на солнце до белизны. Может, и правда ловил волну в Австралии или на Багамах? Черт его знает. Его легко представить и в бермудах, и в дорогом костюме с белоснежной рубашкой. А еще, как ни странно, в военной форме. Ну, уж это дудки, таких типов в армию силком не затащишь. Вроде бы нет в нем ничего особенного, а впечатление производит. И дело вовсе не в дорогих тряпках. Дело в этом взгляде из-под очков и насмешливой улыбке. В чем-то таком, что не

поддается определению. Но чувствуется.

– Как я вам? – спросил он.

– Могло быть и хуже, – пожала плечами я. – Выбирать-то не приходится.

– Зато мне с вами повезло. Такая красotka.

– Я замужем.

– Серьезно? Я легко это переживу. В конце концов, когда и кому это мешало?

– А как же «не возжелай жену ближнего»? Неужто вы ничего не слышали о смертных грехах?

– Я их даже видел. Подозрительно смахивают на мой список неотложных дел на выходные.

– В шоу юмористов выступаете?

– Только на любительской сцене, – хмыкнул он, а я сказала:

– Кстати, муж появится здесь с минуты на минуту.

– Сами-то чего грешите? Нет у вас мужа. И парня тоже нет, а здесь, скорее всего, подругу ждете. Не скажу, что вы в активном поиске, но совершенно определенно одиноки.

– Это что, так заметно? – нахмурилась я. Он пожал плечами. – Задерживаю вожденный взгляд на мужских чреслах?

– На моих точно ни разу не задержали. Кстати, я совершенно не против...

Он не успел договорить, а я ответить, хотя было что, в основном непечальное, как рядом возник все тот же метрдотель и сказал, почтительно наклоняясь к очкарику:

– Вы можете воспользоваться комнатой для персонала. Я провожу.

Голос был таким слащавым, что мог вызвать диабет. Блондин поднялся, весело подмигнул и сказал:

– Сидеть.

Он удалился, а я таки выругалась, правда, интеллигентно понизив голос. Само собой, следовало немедленно смыться, пусть оплачивает счет и вдоволь выпендривается. Уже без меня. Но по неизвестной причине я продолжала сидеть, выполняя команду. В конце концов, любопытно узнать, что будет дальше.

Ответ на этот вопрос я получила очень быстро – не прошло и пяти минут, как блондин появился вновь. Рубашка с позорным пятном исчезла, теперь он был в футболке, хотя фирме остался верен, что, безусловно, заслуживало уважения. В руках держал букет, небольшой, из мелких роз и синих цветочков, похожих на колокольчики. Очень стильный букет. Я знаю,

где такие продаются, – в торговом центре по соседству, там же, кстати, и бутики всех известных брендов. «Охренеть», как любит выражаться Вика, когда сказать уже нечего.

– Держите, – сунув мне в руки букет, буркнул блондин.

– Это за то, что я вам рубашку испортила?

– Типа того.

– Может, мне стол на вас опрокинуть?

– Да вы просто скажите, что вам надо. За один ваш нежный взгляд я готов даже Родину продать, хоть четыре раза подряд, вопрос – кому она нужна в таких объемах?

Я зачем-то понюхала букет, как делают все дуры, получившие цветочки и млеющие от счастья, и разозлилась на себя даже больше, чем на блондина.

– Вы хозяин этого ресторана?

Он покачал головой.

– Я в вашем городе проездом.

– Это успокаивает. И кто вы?

– Принц, естественно. Не буду врать, что прекрасный, но близко к этому. Странствую по свету в поисках девушки своей мечты.

– Небось целый гарем набрали? От счастливиц ментам отбоя нет, завалили заявлениями с требованием найти и вернуть немедленно?

– Ментам работы прибавляют брачные аферисты. Только не говорите, что я на них похож. У меня проблема, милая, – перегнувшись ко мне, весело заявил он. – Очень много свободного времени. А денег еще больше.

– С жиру беситесь?

– Лучше не скажешь.

– А от меня вам чего надо?

– Честно?

Он смотрел с легкой тревогой, словно опасаясь, выдержит ли мой хрупкий разум то, что он собирается сказать.

– Уж даже не знаю, – подумав, ответила я.

– Очень хочется оказаться с тобой в одной постели. Прямо сейчас. Но девушка вроде тебя не разменивается на случайные связи, поэтому я скажу: ты ранила меня в самое сердце.

– Дать бы тебе коленом по этому самому сердцу, – сказала я, поднимаясь.

– Ты так прелестна, когда злишься, – развел он руками, а я, сунув букет под мышку, сказала, наклонившись к нему:

– Иди в жопу.

Ну и, само собой, гордо удалилась, слыша, как этот гад радостно хохочет. Угораздило нарваться на придурка!

Идя через площадь, я, точно против воли, оглянулась. Блондин послал мне воздушный поцелуй, а я показала ему средний палец.

Домой я отправилась пешком, неустойчиво понося очкарика, мысленно, само собой. Когда все непечатные выражения закончились, я вдруг загрустила. Совершенно непонятно, с какой стати. То есть на самом-то деле понятно и оттого особенно обидно. Есть такие мужики... Знаешь, что держаться от них надо подальше, а так и тянет припасть к широкой груди, где вместо сердца – старая калоша, а к ней в довесок – готовый набор острот на все случаи жизни. Такие не влюбляются, это совершенно точно, такие портят жизнь неразумным созданиям, готовым слушать всякую хрень.

В общем, я собой гордилась, но при этом испытывала нечто подозрительно напоминающее сожаление. И, неспешной походкой направляясь к дому, я, вопреки собственным здравым рассуждениям, ждала, что очкарик вдруг появится передо мной с этой своей нахальной улыбкой, а не дождавшись, загрустила. Даже в том, что я называла его «очкариком», было желание умалить образ, сделать его рядовым и будничным, хотя он был весьма далек от этого определения. «Что-то упорно не везет мне в жизни! – с досадой думала я, с чем в общем-то тоже можно поспорить. По-настоящему не повезло Ирке, веселой, нетрезвой девахе, которая так и не смогла покинуть тот чертов дом в лесу. Как всегда, при мысли о ней на душе сделалось муторно, что настроения, разумеется, не улучшило, зато мысли об очкарике-блондине меня оставили.

В квартиру я входила с опаской и двигалась по родным квадратным метрам, точно по минному полю. К великой моей радости, никаких сюрпризов квартира не таила. Не веря своему счастью, я дважды все осмотрела, вздохнула с облегчением и устроилась на диване с книжкой, которую дал мне Олег.

Книга увлекла, а ближе к вечеру заявила Вика, не оставившая мысль познакомить меня со своим избранником. Им оказался невзрачный молодой человек в дорогом костюме, с очень дорогими привычками. Часа полтора он нудил о том, где предпочитает кататься на лыжах, а также рубашки какой фирмы считает идеальными. Очень познавательно. Заметив на журнальном столике книгу, заявил, что печатные издания нынче читают лишь неандертальцы, из чего я заключила, что он вовсе ничего не читает, кроме сообщений в соцсетях. И невольно сравнила его с блондином. Тот,

конечно, тоже выпендрожник, но какой! Его-то против воли заслушаешься, а этот ничего, кроме скуки, не вызывает. Вика, кстати, откровенно зевала, вытянувшись на моем диване.

В конце концов я не выдержала и после его очередного десятиминутного монолога спросила:

– Петя, а ты чего такой нудный?

Петя не ответил, гордо вскинул голову и молчал минут десять. Вика это, кстати, не сразу заметила, наверняка дремала с открытыми глазами, да и как тут не задремать! Потом вдруг вскинула голову и спросила:

– А что так тихо?

– У Пети кончился завод, – ответила я, и вскоре они меня покинули, Петя в ледяном молчании, Вика напоследок покрутила пальцем у виска. А через час позвонила.

– Почто Петьку обидела? – спросила со вздохом.

– Не фиг было его ко мне тащить. Зануда твой Петя. Надоел до смерти.

– Это я уже поняла. Как думаешь, можно к нему привыкнуть?

– Если «замуж любой ценой», то можно и за Петю. Но тебе-то это зачем?

Обсуждение затянулось до половины первого, потом Вика вспомнила, что ей утром на работу, и мы простились. Укладываясь спать, я не без ехидства подумала: «У Вики хоть Петька-зануда есть. А у тебя, между прочим, никого». И вновь перед мысленным взором возник блондин, а вовсе не Илья, что было бы куда понятнее: старая любовь, как известно, не забывается. Она шляется бог знает где и не спешит осчастливить.

Ночью мне снилось нечто любовно-эротическое. Стоило проснуться, как сон мгновенно улетучился из памяти, но ощущение осталось. Более того, лежа в темноте, я совершенно явственно ощущала чье-то недавнее присутствие здесь, и вдобавок мне казалось, щека моя еще хранит след недавнего поцелуя.

Если в первое мгновение я лишь подумала: «Здесь кто-то есть», то в следующее эта мысль явилась со всей пугающей ясностью. Я резко поднялась, настороженно прислушиваясь и вглядываясь в темноту. Тишину нарушало лишь мое дыхание. Но страх это отнюдь не уменьшило, напротив, он рос, крепчал, лишая возможности рассуждать здраво. Кончилось тем, что я, схватив мобильный, с легким визгом выскочила из квартиры.

Стоя на лестничной клетке рядом с лифтом, я понемногу успокоилась, но вернуться в квартиру, хотя бы для того, чтобы переодеться и отправиться к сестре, не рискнула. С томлением взглянув на дверь

Олеговой квартиры, я устроилась на ступеньке лестницы, решив выждать. То ли рассчитывала, что ночной гость себя проявит, то ли что просто солнце взойдет. Как известно, большинство страхов исчезает с первыми лучами солнца, по крайней мере русский классик меня в этом убедил. Кому ж верить, как не классикам?

За неимением других развлечений я возилась с мобильным, и тут пришло сообщение: «Алла, у меня глюки или ты действительно сидишь на лестнице в пижаме?» Я встала и развела руками, а что тут скажешь?

Дверь пятьдесят второй квартиры распахнулась, и я увидела Олега одетым в спортивные штаны и футболку. Стыд, что я беспокою человека, легко уступил чувству облегчения. Теперь в этом мире монстров и ночных призраков я была не одна.

– Красивая пижама, – сказал Олег. – А что случилось с остальным гардеробом?

– Если уж ты не спишь, можно я немного у тебя побуду? – вопросом на вопрос ответила я.

– Конечно. У тебя завелся барабашка? Или ты дверь случайно захлопнула?

– Извини, – покаянно сказала я, приблизившись к нему.

– Я не спал, так что можешь не извиняться. А про барабашку я не просто так спросил. Ну так что?

– У меня видения или не видения... черт знает что. Такое чувство, что в мою квартиру кто-то наведывается. Сегодня, например, проснулась оттого, что меня кто-то поцеловал. Возможно, это сексуальные фантазии озабоченной девицы, но оставаться в квартире жутко.

Мы все это время находились в прихожей, входную дверь Олег не закрывал.

– Тебе приснился кошмар, а когда ты проснулась, возникло чувство, что в квартире кто-то есть? – серьезно спросил он.

– Ага, – вздохнула я, ощущая себя последней дурой.

– Давай я проверю твою квартиру, – предложил он.

– А если там действительно кто-то есть?

Олег повернулся и достал из кладовки бейсбольную биту.

– Пошли, хотя лучше оставайся здесь, в случае чего просто захлопнешь дверь. И вызываешь полицию.

Разумеется, я пошла с ним. Прятаться за спиной инвалида – ужасное свинство. Уверена, Олег не ожидал кого-то обнаружить в квартире, но к моим словам отнесся со всей серьезностью.

Пока я томила в прихожей, он проехал по всей квартире, заглянул во

все шкафы, как уже несколько раз делала я.

– Идем ко мне, – позвал он.

Через несколько минут я сидела на его диване, кутаясь в плед, а он поил меня чаем.

– Ты сказала, это уже не первый раз?

– Сначала подозрительный запах, потом примятое покрывало. Может, я в самом деле спятила?

– Вряд ли, – серьезно ответил он. – Давай обо всем подробно.

Я рассказала, он внимательно выслушал, иногда задавая вопросы, и спросил:

– У кого-нибудь есть ключи от твоей квартиры?

– У сестры. Но... – тут явилась некая мысль, я пробовала предать ее забвению, но, видно, старалась плохо, потому что Олег, понаблюдав за мной пару секунд, произнес:

– Что?

– Лезет в голову всякая чушь, – поспешила отмахнуться я.

– Давай свою чушь, я не привередливый.

– Собственно, ключи могли быть еще у одного человека. У ее мужа. Подозревать его вроде бы глупо, потому что он погиб, то есть исчез.

– Интересно, – нахмурился Олег.

Пришлось рассказать о прогулке на теплоходе и странной гибели или исчезновении Павла.

– И после этого у тебя начались видения? Ты про ключи у сестры спрашивала?

– Нет, – покачала головой я. – Ей сейчас нелегко, и если я сунусь со своими глюками...

– Но ты ведь можешь просто спросить, ничего ей не рассказывая. Захлопнула дверь, оставив свои ключи в квартире.

– Могу, – пожалала плечами я.

– Вот и отлично. Если они вдруг исчезли... В общем, будем думать. Извини за мой вопрос... Я видел мужчину, который выходил от тебя.

Я сначала растерялась, уж не папу ли он имеет в виду, и тут сообразила, что речь об Иванове.

– Его подозревать не стоит, – усмехнулась я.

– Почему не стоит? – удивился Олег. – Он близкий друг?

– Нет, он фээсбэшник, – брякнула я и мысленно чертыхнулась.

– Что-то я не понял, тебе-то он кто?

– Никто.

После этого надо бы заткнуться и отправиться домой, но домой не

хотелось. Здесь, в квартире Олега, было уютно и безопасно.

– Я ему позвонила, когда запах сигарет почувствовала.

– То есть он просто твой знакомый?

Рассказывать Олегу мою историю не следовало, хотя бы потому, что впутывать его в это дело нечестно. Неизвестно, как все повернется, а он инвалид, вряд ли бейсбольная бита – надежное оружие против киллеров. Но и врать не хотелось. В конце концов я рассказала о доме с трупами и своем фантастическом спасении.

– А потом объявился Иванов и попросил звонить ему, если вдруг в моей жизни возникнут странные знакомые или странные события. Вот я и позвонила. Но он не впечатлился. Советовал обратиться к психологу. Мол, от пережитого у меня крыша поехала. Может, он прав. Вполне могла.

Ту часть истории, которая касалась киллера, я освещать не стала, тем более что мы с Сазоновым ее сами додумали и запросто могли придаться фантазиям.

– Дурак твой Иванов, – вдруг заявил Олег. – Привиделось тебе или нет, но повод для беспокойства у тебя точно есть. Даже два, учитывая странную историю с мужем сестры.

– Но ведь это не может быть связано?

Он пожал плечами:

– Я в таких делах мало что смыслю. Вроде связи никакой, но кто знает? Вот что мы сделаем: я за квартирой в твоё отсутствие присмотрю, вдруг да и увижу что интересное.

– Нет, – покачала головой я, – лучше я Иванову позвоню. Пусть разбираются. Тебе во всё это лезть не стоит...

– И от инвалида иногда польза бывает, – усмехнулся Олег, но я досадливо покачала головой.

– Я вовсе не это имею в виду.

– Ну а если не это, тогда не будем спорить. Времени свободного у меня более чем достаточно, вот и потрачу его с пользой.

Я кивнула, поняв, что спорить бесполезно, то есть поспорить, конечно, можно, но мои аргументы Олега, скорее всего, обидят.

– А сейчас давай-ка устраивайся спать, а я ещё немного поработаю, – кивнул он на включенный компьютер.

– Спасибо, я к себе пойду.

– И будешь вздрагивать от каждого шороха? Закрывай глаза и спи, я постараюсь вести себя тихо.

– Любишь по ночам работать? – укладываясь, спросила я.

– Лучшего средства от бессонницы я не нашел. Сегодня собирался

лечь пораньше, вдруг слышу, дверь хлопнула и вроде бы всхлипнул кто-то. Стало любопытно, смотрю в дверной глазок, а ты на ступеньках сидишь. Грешным делом решил, что у тебя приятель буйный.

– Нет у меня приятеля.

– Не беда, будет. Такую не проглядят. На свадьбу пригласишь? – подмигнул он.

– Конечно.

– Тогда спокойной ночи. Точнее, уже утра.

– Чувствую себя ужасной свиньей.

– Дурочка, – засмеялся Олег, – ты даже не представляешь, какой подарок мне сделала судьба, послав такую соседку!

– Мне за такого соседа тоже стоит сказать судьбе «спасибо», – засмеялась я и уже начала погружаться в сон, когда Олег спросил:

– Кстати, новые знакомые у тебя не появились?

– Нет.

– Ни одного?

– Ни одного.

– А как же я?

– Ты уже жил в этом доме до моего переезда.

– И Иванову ты обо мне не рассказала? Между прочим, зря. Хотя инвалид его вряд ли заинтересует.

Кажется, Олег еще что-то спросил, но слов я уже не различала, мгновенно проваливаясь в сон. Проснувшись я часов в семь и поспешила в свою квартиру. Олегу требовался отдых, но так как единственное спальное место заняла я, он все еще сидел за компьютером. Перед моим уходом мы договорились, что, прежде чем покинуть свою квартиру, я обязательно позвоню.

До своей постели я добралась на автопилоте и уснула мгновенно, не потрудившись проверить квартиру на предмет ночных гостей и всяких странностей.

Спала я до десяти, а, позавтракав, еще пару часов читала. День был солнечный, но покидать квартиру я не спешила, Олегу надо было отдохнуть.

Из дома ушла во втором часу, позвонив, как и договаривались, соседу. Путь мой лежал к сестре, но по дороге объявился Илья, о котором я умудрилась почти забыть.

– Привет. – Голос его звучал весело, и я вдруг поняла: сейчас меня пригласят на свидание. И не ошиблась. – Я скоро освобожусь, что, если нам выпить кофе?

В общем, направление пришлось срочно менять, и через полчаса я уже сидела в кафе на Ломоносова, заявившись раньше Ильи. Он вошел через десять минут, две девушки за соседним столиком встретили его заинтересованными взглядами, и девушка за стойкой тоже. А я в душевном смятении подумала: «Как он красив!» И тут же с сомнением: «Будет ли толк?»

Илья подошел и поцеловал меня, точно мы уже были близки, и я, разом поглупев, принялась болтать всякую чушь, без конца улыбаясь.

В какой-то момент я вдруг точно увидела себя со стороны и удивилась: чего это меня так развезло от счастья? И вновь напомнила себе: нечто подобное уже было – и счастье, и большие надежды... И чем это кончилось?

– Я так рад, что мы встретились, – сказал Илья, глядя на меня с покровительственным умилением, а мне по необъяснимой причине захотелось эту радость умерить.

– Что же помешало встретиться раньше?

Он взглянул удивленно.

– Ну... ты тогда так неожиданно исчезла.

– Мама увезла меня из лагеря, сочла, что там небезопасно.

Через минуту у меня сложилось впечатление, что то лето он припоминает с большим трудом. Ну, спасибо, хоть меня вспомнил.

Илья хмурился, а я, покачав головой, сказала со смешком:

– Неужели забыл? Парень и девушка из лагеря. Они пропали.

– Ах, ну да. Господи, как давно это было...

– Их ведь, по-моему, так и не нашли? – спросила я.

– Да, наверное. Я бы знал. Правда, на следующий год я в лагерь уже не поехал.

– Я была в тебя влюблена, – засмеялась я. – Впрочем, как и все девчонки.

– Обычное дело в таком возрасте. Кстати, ты и тогда была очень красивой. Самой красивой девочкой в лагере.

– Ты меня поцеловал.

– Серьезно? – засмеялся он. – Не самый разумный поступок. Сколько тебе тогда было? Пятнадцать?

– Почти шестнадцать. Мы купались в озере. Ночью. И ты меня поцеловал.

– Неудивительно, что рядом с такой девушкой у меня крышу снесло. Как ты смотришь на то, что я тебя опять поцелую? – улыбнулся он.

– Неплохая идея, по-моему.

– Можем поехать на озеро... Или ко мне?

– Нелегкий выбор, – засмеялась я.

Он подозвал официанта, торопясь расплатиться, и тут у меня зазвонил мобильный. Внутренний голос шепнул «забей», но я потянулась к сумке и поспешила ответить, потому что звонила сестра.

– Алла, – сказала она, и в первое мгновение я решила, что она пьяная, так странно звучал ее голос. – Ты где? Ты мне срочно нужна.

«Павла нашли», – мысленно ахнула я и ответила:

– Я сейчас к тебе приеду...

– Нет-нет, – заволновалась она. – Я сижу в подъезде возле твоей двери.

– Почему не в квартире?

– У меня нет ключей.

– Я сейчас приеду, – оставив все вопросы на потом, повторила я, убрала мобильный и пожала плечами, глядя на Илью. – У сестры проблемы. Я должна ехать. Мне очень жаль...

– Понимаю, – кивнул он. – Я тебя отвезу.

Уже в машине, направляясь к моему дому, он спросил:

– Значит, у тебя есть сестра?

– Двоюродная.

– И что за беда приключилась с двоюродной сестрой? Поссорилась со своим парнем?

– Она замужем. Была. Муж погиб несколько дней назад. Точнее, исчез.

– Что значит, исчез?

Пришлось рассказать.

– Думаю, нашли его тело, – вздохнув, заметила я. – Даже не знаю, что хуже... Так хоть надежда оставалась.

В подъезд Илья отправился вместе со мной, я не возражала и была ему благодарна, возможно, понадобится помощь...

Сестру я на лестничной клетке не обнаружила. Пока набирала ее номер, дверь квартиры Олега распахнулась, и он сказал:

– Полина здесь.

Мы вошли друг за другом, и я увидела сестру. Она сидела в кресле, держа в руках чашку, должно быть, с чаем. Руки ее дрожали, а под глазом наливался синяк.

– Что случилось? – растерялась я, не зная, что и думать.

Она торопливо поставила чашку на журнальный стол и попыталась встать, но тело словно не желало слушаться.

– Алла, – пролепетала она, протягивая ко мне руки, я поспешила ее обнять.

– Что случилось?

– Алла, – беспомощно повторила она, – Алла...

Мужчины переглянулись, и Олег заговорил, точно оправдываясь:

– Она сидела на ступеньках...

Тут я вспомнила: он собирался понаблюдать за квартирой в мое отсутствие, вот появление сестры и не осталось без внимания.

– Ее так трясло, что она слова не могла сказать, – продолжил Олег. – Еле уговорил ее зайти и выпить чаю.

– Пусть они уйдут, – вдруг сказала Полина, вцепившись в мои руки. – Пожалуйста!

– Идем ко мне, – кивнула я, но Олег возразил:

– Мы будем в кухне. – И покатил туда на своей коляске.

Илья, толком не понимая, что ему делать, пошел за ним и плотно закрыл за собой дверь. Едва дождавшись этого, Полина произнесла:

– Я его видела.

– Кого? – не поняла я.

– Павла. Я его видела! Что происходит, Алла? Я схожу с ума?

– Успокойся, успокойся, пожалуйста. Где ты его видела, когда?

Против ожидания, рассказ вышел обстоятельным и вполне связным, на бред сумасшедшей вроде не похоже... А вот все остальное...

Итак, сестра сегодня поехала на работу, оставив Сашку с няней. Полина, как я уже говорила, работает дистанционно, но пару раз в неделю ей необходимо бывать в офисе, часа три, иногда больше, плюс дорога. Поэтому еще два года назад она нашла через агентство няню. Хорошую женщину, которая Полине очень нравилась. Но работать только у сестры ей было невыгодно: оплата почасовая и дважды в неделю. Оттого иногда случались накладки. В таких ситуациях няня сама искала себе замену среди коллег. Никогда не подводила, но не все из тех, кто ее подменял, сестре нравились. Я предложила поставить видеокамеру. Выглядела она как рамка-планшет для фотографий и стояла в детской, на шкафу, так, чтобы был максимальный обзор. Сегодня как раз пришла замена, и сестра, уходя, включила камеру.

– Я проверила запись, – в смятении глядя на меня, пробормотала Полина.

– И что? – нахмурилась я.

– Сашка с няней почти сразу ушли гулять. Не знаю почему, я стала смотреть дальше. Могла поставить на перемотку, а я просто ускорила просмотр. И увидела его...

– Павла? – с сомнением спросила я.

Она кивнула.

– Что-то мелькнуло на экране... непонятное. – Она потерла лицо руками, как будто желая стряхнуть остатки сна. – Тогда я вернулась назад и пересмотрела еще раз. Дверь в детскую была открыта. Человек шел по коридору... Сначала я подумала, кто-то проник в наш дом... Я смотрела снова и снова... Алла, это Павел! Он приходил домой.

– Допустим, – кивнула я. – Где флешка? Давай посмотрим запись вместе.

– Флешки нет, – ответила Полина.

– Что ты с ней сделала? – Я старалась говорить как можно спокойнее, не сомневаясь, что Павел сестре привиделся. Но кто-то ведь был в квартире! И еще. Откуда у сестры синяк?

– Я... я хотела тебе позвонить, но потом поняла, что... не смогу ждать... попросила соседку присмотреть за Сашкой и побежала к тебе... хотела взять на площади такси. Я бы просто не смогла вести машину... Я не очень хорошо понимала, что делаю. Я просто очень хотела, чтобы ты увидела запись и сказала, что я не сумасшедшая... В сквере на меня напал какой-то тип. Выхватил сумку. Я не хотела ее отдавать, ведь там была флешка. Но он ударил меня, я упала, а он убежал. Я кричала, но рядом никого не было.

– О господи... Ты в полицию заявила?

– Нет, – покачала она головой.

– Там рядом банк. Наверняка есть камеры. Возможно, этот тип где-то засветился. Сможешь его узнать?

– Алла, ты не понимаешь? – жалобно спросила она. – При чем здесь этот тип? Я хотела сказать... кто мне теперь поверит, что я видела Павла? Ведь флешки нет... В полиции скажут, что я спятила. Да они даже слушать не станут. Я ничего не понимаю. Почему Павел прячется? От кого? Зачем все это? Он что, сошел с ума? Или это я спятила? Ты ведь тоже думаешь, что я ничего не видела?

– Меня больше нападение беспокоит. У вас вполне приличный район. И вдруг белым днем у тебя выхватывают сумку... – Тут я замолчала, и мы некоторое время смотрели друг на друга.

История вырисовывалась скверная. Кого-то сестра на пленке видела. Допустим, не Павла. Но кто-то был в ее квартире, когда няня гуляла с ребенком, а сама Полина находилась на работе. Она бежит ко мне, и на нее совсем рядом с домом нападает неизвестный. Отбирает сумку. Днем, на улице, где полно банков и магазинов. Хорошо, не на улице, в сквере. Но он просматривается насквозь... Очень рискованный грабитель. Наркоман, у

которого мозги в студень превратились? Допустим. А если все дело в той флешке? И грабителю была нужна не сумка, а именно она?

В любом случае о камере известно только мне, сестре и Павлу, и снабдить ключами от квартиры неизвестного мог лишь он. «Не спеши с выводами, – одернула я себя. – Допустим, ключи подобрали, а квартиру обыскали еще до этого. И обнаружили камеру. Одно несомненно: все это так или иначе связано с исчезновением Павла».

– Ты его хорошо разглядела? – задала я вопрос. Полина кивнула. – Но ведь сначала у тебя были сомнения. Ведь были?

– Он шел по коридору. Расстояние приличное. На записи он в профиль. И мелькнул лишь на мгновение. Сколько нужно, чтобы пройти мимо открытой двери? Но неужели ты думаешь, что я не узнаю собственного мужа?

Я была склонна поверить, и вместе с тем, если Павел просто сбежал по неизвестной причине, какого черта его понесло в квартиру? На этот вопрос не так сложно ответить. Например, забыл что-то. Что-то важное...

– Чертовщина, – выругалась я, вспомнив о своем недавнем госте. Это как-то связано? Павел и у меня что-то оставил? Бред. Или не бред?

– Вот что, – вздохнула я. – Первое, что надо сделать, – это обратиться в полицию. Про пленку, наверное, не стоит рассказывать... Хотя я бы попробовала. Но грабителя пусть ищут. И еще. Сегодня ночуете у меня. Замки в твоей квартире надо срочно сменить. Поехали за Сашкой, а потом в полицию.

Она вновь взяла меня за руку.

– Алла, ты ведь мне веришь? – спросила испуганно.

– Конечно.

Я позвала мужчин. Они вернулись из кухни и теперь с сомнением на нас поглядывали.

– На Полину напал грабитель. Надо срочно ехать в полицию, а еще сменить замки, в ее квартире сегодня кто-то был. В детской камера установлена. Жаль, флешку украли вместе с сумкой.

Я говорила все это в надежде, что Илья предложит свою помощь. И старалась не зря.

– Я поеду с вами, – с готовностью предложил он.

Мы пошли к двери, сестра вроде бы немного успокоилась, она была из тех, кому надо точно знать, что делать дальше. Сейчас план появился.

– Спасибо тебе, – уже в прихожей сказала я Олегу.

– Не за что, – ответил он и добавил хмуро: – Будь осторожна.

Илья как-то странно на него посмотрел, словно гадая, что здесь

происходит. Может, мне только так показалось, но история сестры не особенно его заинтересовала, по крайней мере, он не задал ни одного вопроса. Молча довез нас до дома Полины и, когда та ушла за дочерью, вздохнул:

– Ты у нее останешься?

– Конечно.

Он покивал, вроде бы соглашаясь, а я вспомнила, как мы собирались провести время до звонка сестры. Должно быть, внезапная смена планов его расстроила. Ничего, столько лет ждали и еще подождем. С моей точки зрения, сейчас было самое время вопросы задать, если они у него были, конечно, но он молчал, только взял мою руку и легонько сжал, а потом сказал, словно опомнившись:

– Надо бы взглянуть на дверь. Пока вы пишете заявление в полицию, я мог бы съездить за замками. Сам их поменяю.

– А ты умеешь?

Он хмыкнул и посмотрел укоризненно: мол, как я могла в нем усомниться?

Вернулась Полина с племянницей, и мы отправились в полицию. Сашку Илья предложил оставить с ним, и сестра безропотно согласилась, что меня удивило. И ключи ему велела отдать. Комплект ее ключей хранился у меня. В общем, Илья уехал, а мы пошли в полицию, я – с маей в душе, ничего хорошего от этого визита не ожидая.

Возле окна дежурного толпился народ. Когда подошла наша очередь, он отправил нас в пятый кабинет, оттуда в шестой. Наконец молодой мужчина в джинсах и рубашке навывпуск растолковал, что и как надо писать. Полина написала. Он прочитал, кивнул и посоветовал отправиться в травмпункт, зафиксировать побои. Полина попыталась рассказать, что недавно у нее пропал муж, и она подозревает, что это связано как раз с его исчезновением.

– Разберемся, – сказал он, взглянув на часы, и посмотрел выжидающе.

Мы поняли, что пора прощаться. Вышли на улицу, и я сказала:

– Поехали в травмпункт.

– Не надо, – покачала головой сестра.

– Он же сказал...

– Ты что, не понимаешь? Никто ничего делать не будет. Всем все равно. Звони своему парню, и поехали домой. Кстати, откуда он взялся?

– Мы когда-то познакомились в лагере. Он там тренером работал.

– Ты не рассказывала. Он что, был влюблен в тебя?

– Я в него. Как и все девчонки. А он, наверное, над этим посмеивался.

– А потом вы встретились вновь?

– Ага. На днях.

Тут сестра посмотрела на меня и сказала с дурацким смешком:

– Мы отдали Сашку мужику, которого ты фактически не знаешь?

Признаться, при этих словах ноги у меня едва не подкосились, но тут я заметила машину Ильи. Она остановилась рядом с нами, и я вздохнула с облегчением, увидев на заднем сиденье Сашку, живую и здоровую.

– Замки купил, – сообщил Илья, когда мы сели в машину. – Как ваши успехи?

– Написали заявление, – пожалала я плечами. – Надо бы съездить в травмпункт.

– Я никуда не поеду, – отрезала Полина.

Илья посмотрел на нее, на меня и спросил:

– Куда?

– Замки менять, – вздохнула я.

Замки он менял довольно долго. Я успела сходить в магазин и приготовить ужин. Ночевать у меня Полина отказалась, смотрела с дочкой мультики, тесно прижавшись к ней. Вид у сестры был отрешенный.

Наконец Илья закончил работу, и мы сели ужинать. После этого он засобиравшись домой.

– Извини за этот вечер, – сказала я, провожая его до машины.

– Ерунда, я все понимаю. Вы с ней очень близки? Я своего двоюродного брата едва знаю.

– Полина с нами жила, так получилось.

– Понятно. – Он притянул меня за плечи и поцеловал. Это был настоящий поцелуй, и я пожалела, что он уезжает, пожалела, что у поцелуя не будет продолжения. По крайней мере сегодня.

– Я тебе очень благодарна, – сказала я тихо. – И... жаль, что так все получилось.

– Надеюсь, ты не думаешь к ней переселяться? – нахмурился он. – Алла, у нее, конечно, горе и все такое, но у тебя своя жизнь... От того, что ты будешь сидеть с ней с утра до вечера, ее муж не вернется, а ты... Надеюсь, мы очень скоро увидимся. – Он вновь поцеловал меня, на этот раз легко коснувшись губами моей щеки, и уехал.

А я поднялась в квартиру. Сашка все еще смотрела мультики, сестра паялилась в стену напротив.

– Иди сюда, – позвала я. Она встала и пошла за мной в кухню. – Ты уверена, что видела Павла?

– Конечно.

– Значит, он жив. Это ведь хорошая новость, верно?

Она смотрела и хмурилась, а потом рассмеялась, коротко и зло.

– Не знаю. Что он натворил, Алла? Во что вляпался? Или просто спятил?

– Давай попробуем это выяснить.

– Как?

– Должна быть причина его странного поведения. Проверим его вещи. Вдруг что-то...

– Я не буду, – резко ответила она. – Не хочу. Ничего не хочу.

– Успокойся, – испугалась я. – Иди к Сашке. Надеюсь, ты не будешь против, если я...

– Делай что хочешь... – не дав мне договорить, произнесла она и ушла к дочери, а я направилась в кабинет Павла.

Не знаю, зачем он ему понадобился, насколько мне известно, дома он никогда не работал. Впрочем, кабинет – сильно сказано, закуток между гардеробной и кладовкой, узкое пространство, без окна, примерно шесть квадратных метров. Раздвижные двери, стол, компьютер на нем и полки. На полках в основном диски с любимыми фильмами. Наши вкусы не совпадали. Это я и без того знала.

Оставив дверь открытой, я для начала огляделась. Не похоже, что здесь кто-то рылся. Я внимательно просмотрела диски на полках, открывая каждую коробку и вынимая диск. Потом вытащила верхний ящик стола и поставила на столешницу. Бумаг было немного, в основном счета. Ничего, что могло бы вызвать вопросы. Второй ящик в этом смысле тоже не порадовал.

Я уже хотела вернуть его на место, когда заметила конверт. Он, видимо, выпал из ящика и лежал у задней стенки. Достав его, я заглянула внутрь. Конверт оказался пуст. Надорван неровно, точно человек, вскрывший его, очень торопился. Или нервничал. Я прочитала адрес на конверте: Кирова, 15. Но адресован Павлу. Гришину Павлу Александровичу. Обратный адрес: М. Гончарная, 31–4. Вахромееву Петру Викторовичу. Немного повертев конверт в руке, я вернулась к Полине.

– Не знаешь такого?

Она равнодушно взглянула и покачала головой.

– Обратила внимание на адрес?

– Павел жил на Кирова, когда мы с ним познакомились. Письмо в конверте было?

– Нет. Зачем он его хранил?

Взглянув на штамп, я убедилась: письмо отправлено месяц назад. Выходит, Вахромеев не знал, что Павел сменил адрес. Или знал, но отправил письмо наудачу. И адресата оно нашло. Старый знакомый вдруг решил о себе напомнить? Проще позвонить. Или номер телефона он тоже не знал? Вахромеев живет в нашем городе. Почему бы с ним не встретиться? Зачем? Например, сообщить об исчезновении Павла. Старому приятелю эта весть небезразлична. Конечно, я надеялась что-то узнать о родственнике, возможно, это даст толчок к пониманию, почему он исчез. Я была склонна верить сестре, она не ошиблась и видела на пленке своего мужа. Так что заставило его бросить жену, ребенка и вполне благополучную жизнь? Возможно, Вахромеев об этом знает или догадывается. Ведь была причина написать письмо старому приятелю, которого он, судя по всему, не видел годы. Мне не терпелось немедленно отправиться по указанному адресу, но я не могла оставить сестру. С удвоенным энтузиазмом я осмотрела все ящики, однако больше ничего заслуживающего внимания не нашла.

Когда я вновь появилась в гостиной, Сашка уже спала. Сестра сидела с таким потерянным видом, что сердце защемило от жалости к ней. Я села рядом, обняла ее за плечи.

– Почему это случилось с нами? – спросила она. – С тобой, со мной? – Я не знала, что ответить. Молча пожала плечами. – Выходит, мы заслужили?

– Давай-ка спать, – предложила я.

Утром мы с Сашкой отправились в парк, а Полина сказала, что будет работать. Вернувшись, я застала ее сидящей на диване все в той же позе: съевшись в углу дивана, в обнимку с подушкой.

– Так нельзя, – сказала я, убедившись, что Сашка в своей комнате и нас не слышит.

– Он нас бросил, – хрипло проговорила Полина. – Просто бросил.

– Ты могла ошибиться.

– Нет.

– Значит, у него был веский повод...

– У него не хватило смелости сказать мне... Он просто бросил нас.

– Полина, просто так подобные поступки не совершают. Для этого нужен очень серьезный повод. Очень. И это точно не любовная история.

– А что тогда?

– Понятия не имею. Надеюсь, в полиции разберутся. Боюсь, твой муж оказался замешанным в какую-то историю.

– Павел? Не смейся, ты же знаешь – он трус.

Неожиданное признание. Впрочем, я считала так же, вот и не стала это обсуждать.

– Если бы он, как ты, к примеру, стал свидетелем преступления... Да он бы потребовал круглосуточную охрану как минимум. Я все думаю, что его заставило... И не могу понять.

– Давай ты успокоишься...

– Я спокойна. Полицейские считают меня виноватой, его родители тоже. Я сама так считаю. А он просто сбежал... Знаешь, что я подумала? Сумку у меня отобрал он.

– Чушь. Ты бы узнала своего мужа. Разве нет?

– Он мог кого-то попросить об этом.

– Ага. Вселенский заговор.

– Хуже. Я любила одного человека, а он оказался другим. Мой Павел ни за что бы нас не бросил. Ни за что!

– Допустим.

– Я звонила твоей маме. Она сказала, будет рада, если мы с Сашкой приедем. Нам вовсе не обязательно жить у нее. Я попросила снять для нас жилье. На месяц. В конце концов, работать я могу и там. И деньги у меня есть. Поедешь с нами? Будем жить вместе, кормить лебедей в парке и есть пирожные в нашем любимом кафе.

– Отличная идея, – кивнула я, подумав: пару дней назад это стало бы решением всех моих проблем. Однако сейчас я твердо знала, что никуда не поеду, о чем и сказала сестре.

– Это из-за Ильи? – спросила она, я пожала плечами. Потом кивнула, вроде бы соглашаясь. Действительно, из-за Ильи?

– Он хороший парень, – заметила Полина, – это видно.

– Мы едва знакомы, – заметила я с усмешкой.

– А как же твоя юношеская любовь?

Она взяла планшет и стала искать билеты на самолет, а я отправилась к себе. Но, заметив такси, остановила машину и назвала адрес Вахромеева.

Через двадцать минут мы тормозили возле довольно старой многоэтажки. Отпустив машину, я нашла нужный подъезд и позвонила в домофон. Один раз, другой, третий... «Рабочий день в разгаре, – напомнила я себе. – Надо дождаться вечера». И побрела к остановке троллейбуса.

Поднявшись на свой этаж, я решила заглянуть к Олегу. Его дверь распахнулась при моем приближении.

– Привет, – сказал он, улыбаясь.

– Видел меня в окно? – поздоровавшись, спросила я.

– Вообще-то я на посту. Ты что, забыла? Как дела у сестры?

Он проехал в кухню, и я пошла за ним. Олег включил чайник и стал накрывать на стол, я устроилась возле окна, а потом кинулась ему помогать, досадуя на себя.

– Мы же договорились, если понадобится помощь, я скажу, – засмеялся он.

– Пока помощь требуется мне, – вздохнула я.

– Так как дела у сестры?

– Замки поменяли. – Я пожала плечами. – Заявление в полицию написали. Там отнесли с прохладцей.

– Знакомая история. Возьми варенье в холодильнике.

– Она хочет уехать.

– Куда?

– В Германию. К маме.

– Ну... наверное, это правильно. У нее ребенок. Но проблемы надо решать, а не бегать от них. По крайней мере, так меня учили. Правда, теперь бегун из меня никудышный. Зато постовой, без ложной скромности, отличный. В твою квартиру никто не входил. По крайней мере через дверь. Учитывая, что у нас второй этаж...

– Чувствую себя ужасной свиньей... Опять не спал всю ночь?

– Ночами я вообще редко сплю. А днем неплохо отдохнул. Существуют разные маленькие хитрости, благодаря которым я и могу с уверенностью сказать: незваных гостей у тебя не было. Перед твоим приходом я как раз все проверил.

– Спасибо тебе. – Я обняла его и поцеловала в щеку.

– Пожалуйста. Пей чай, – кивнул он. – Вопрос задать можно? – через некоторое время спросил он.

– Конечно.

– Ты вроде бы говорила, что парня у тебя нет.

– Ты Илью имеешь в виду? – сообразив, куда он клонит, спросила я. – Он не парень, то есть я хотела сказать... Когда-то мы были в одном лагере, я там отдыхала, а он работал тренером.

– И ты в него влюбилась?

– Само собой. Ты же видел, какой он красавец.

– А он, конечно, влюбился в тебя?

– Я была несовершеннолетней, а он парень с головой. – Олег скривил забавную физиономию. – Я-то, конечно, надеялась, что он тоже влюблен. Но ничего такого у нас не было. Потом мы опять встретились и, кажется, так и не решили, кто мы – просто друзья или... – Тут я развела руками. –

Поживем – увидим.

– Конечно. В сердечных делах лучше не спешить. Хотя его твердость прямо-таки поражает. Я бы возле такой девушки забыл про все на свете, и Уголовный кодекс в придачу.

Мы засмеялись, допили чай. Я собралась к себе, Олег вызвался меня проводить. Он ждал в прихожей, пока я прошла по квартире. Ничего подозрительного.

– Ну как? – спросил он, когда я вернулась.

– Все в порядке.

– Не сомневайся.

– Думаешь, я все это выдумала? – вздохнув, спросила я.

– Нет, не думаю. Ты не похожа на истеричку с фантазиями.

– Возможно, не стоило этого говорить... В квартире сестры кто-то побывал в ее отсутствие. Она уверена, что это ее муж.

– Но он... – Олег покачал головой и заговорил вновь: – У него ведь могли быть ключи от твоей квартиры?

– До вчерашнего дня они были у сестры. Но он, конечно, мог сделать дубликат. Вопрос, зачем ему это нужно?

– Собираешься сама разобраться в этой истории? – помолчав, спросил Олег.

– С чего ты взял? – нахмурилась я.

– Так... просто подумал. Что, не угадал?

– Я нашла у него конверт с адресом. Какой-то старый приятель. Собираюсь его навестить.

– Ты ведь понимаешь, это может быть опасным? Просто так люди не исчезают.

– Хотелось бы понять, во что вляпался родственник, – ответила я. – Сестра очень переживает. Она должна знать, что произошло. Знать, чтобы жить дальше, не оглядываясь. Это непросто.

– Да уж, – кивнул Олег. – Ладно, я пошел. Звони, если что. И помни: я рядом.

Он вернулся к себе, а я повалилась на диван. Мелькнула мысль: может, Полина права и действительно лучше уехать? Нет, Олег правильно сказал: от проблем не бегают, их решают. Вот этим и займемся.

Тут зазвонил мобильный, я ответила и услышала голос Ильи:

– Как дела?

– Отлично.

– Серьезно? С сестрой порядок?

– Более или менее.

– Тогда, может, встретимся?
– Конечно. Когда ты освободишься?
– Сегодня в четыре. Возле спортшколы, хорошо? Вместе где-нибудь перекусим.

Без десяти четыре я уже была на месте, вскоре появился он. Мы отправились в кафе неподалеку. Илья пошел мыть руки, оставив на столе мобильный. Должно быть, ему и в голову не приходило, что я могу в него заглянуть. Честно говоря, я и сама удивилась. Ничего подобного за мной раньше не водилось.

Я придвинула мобильный, лишь только Илья скрылся с глаз, и открыла эсэмэс. О чем мгновенно пожалела. «Увидимся завтра?» Девушку звали Катя, в адресной книге значилась как «Катюшка». Очень мило. Илья ответил ей: «Пока не знаю». «Позвонишь?» «Конечно».

Значит, на счет девушки он врал, она у него есть. Хотя он мог считать иначе. Катюшка думает, что у нее есть парень, а парень думает, что его нет. Знакомая ситуация.

Я быстро пролистала адресную книгу, пестрящую женскими именами. Это ничего не значит, он тренер, вдруг эти Тани-Светы – его подопечные? Или просто знакомые. В моем мобильном мужских имен тоже достаточно.

Я вернула телефон на место, но настроение было испорчено. «Мы знакомы всего пару дней, – попробовала я рассуждать здраво, – и до меня у него была своя жизнь. Он не обязан мгновенно менять ее по моей прихоти».

Илья вернулся, нам принесли заказ, я постаралась выбросить эсэмэс из головы и радоваться жизни. Наверное, получалось неплохо. По крайней мере, Илья ничего не заподозрил. Мы оживленно беседовали, о сестре он больше не спрашивал, зато спросил об Олеге.

– Давно он в инвалидной коляске?
– Два года. И утешительных прогнозов врачи не дают. Но он не унывает.
– Ты считаешь своим долгом ему помогать?
– Скорее, это он мне помогает. Как вчера с сестрой.
– Он влюблен в тебя?
– Нет, – засмеялась я. – С чего ты взял?
– Значит, мне показалось?
– А ты в меня влюблен? – спросила я вроде бы в шутку, но прозвучало чересчур серьезно.
– Пока не знаю, – ответил Илья и засмеялся. – Если честно... – Он сделал паузу, а я поторопила:

– Давай, давай.

– Когда мы встретились, появилось чувство... что вот теперь все правильно. Жизнь обрела смысл. Это похоже на влюбленность?

– Вот уж не знаю.

– Поехали ко мне, вдруг удастся разобраться, что мы чувствуем друг к другу?

– Заманчивое предложение. Но есть срочное дело.

– А забить на него нельзя?

– Забить не получится.

– Опять проблемы с сестрой? – поморщился он.

– Надо навестить старого знакомого.

– Сколько это займет времени?

– Не думаю, что много.

– Тогда, может быть, поедem вместе, и я подожду тебя в машине?

Я с готовностью согласилась, и мы поехали к Вахромееву.

На этот раз мне ответили сразу, как только я нажала кнопку вызова на домофоне. Голос был детский, и я поспешно спросила:

– Петр Викторович дома?

– Мама, папу спрашивают, – услышала я, и вслед за этим женщина сказала:

– В чем дело?

– Простите, мне очень нужно поговорить с Петром Викторовичем.

– Его нет, – помедлив, ответила женщина.

– А когда он будет?

– Его нет. Он погиб.

Она отключилась, а я замерла, гадая, что теперь делать. Уйти, так ничего и не узнав?

Собравшись с силами, я вновь позвонила. Судя по голосу, женщина плакала.

– Пожалуйста, поговорите со мной, – взмолилась я.

– Оставьте меня в покое.

Она отключилась, но прежде я успела услышать, как ребенок произнес:

– Мама, когда в парк пойдем?

Это вселяло определенные надежды. Оглядевшись, я увидела неподалеку от подъезда скамейку и направилась к ней, и только тогда вспомнила об Илье. Черт, у меня же романтическое свидание! Я его столько лет ждала... Ждала и еще подожду. Тот факт, что Вахромеев, написавший Павлу письмо, погиб, произвел сильное впечатление. Судя по всему, погиб

недавно – вдова на его имя очень бурно реагирует. Отправил Павлу письмо и погиб... Или письмо отправила его жена, сообщив о гибели Петра Викторовича? Нет, вряд ли она указала бы в этом случае его фамилию в обратном адресе.

Я покосилась на машину, в которой меня ждал Илья. И что я должна ему сказать? Правду. Он решит, что у меня не все дома. Мне любовь до гроба предлагают... Ну, если не до гроба, то на сегодняшний вечер – точно, а я решила заделаться частным сыщиком.

Я торопливо достала из сумки мобильный и сделала вид, что отвечаю на звонок. Слышать меня Илья не мог, но теперь, безусловно, видел. Скроив разнесчастную физиономию, я направилась к нему.

– Сестра? – распахнув дверь машины, спросил он. В голосе напряжение.

– Да, – кивнула я, отводя взгляд.

– Опять проблемы?

– Сегодня она разговаривала со следователем... В общем, свидание отменяется.

Он попытался улыбнуться, но чувствовалось, что раздражен.

«Ну, никто легкой жизни-то и не обещал, – подумала я себе в оправдание и мстительно добавила: – Доразбрасываешься мужиками, дура».

Но уже было ясно: гибель Вахромеева занимает меня куда больше, чем Илья.

– Отвезти тебя к сестре? – предложил он.

– Она сейчас сама подъедет. Созвонимся?

Я поцеловала его в щеку, очень рассчитывая: мой разнесчастный вид его разжалобит, и злиться на меня он не станет.

– Конечно, – кивнул он и улыбнулся. – Ладно, пока.

Он уехал, а я вздохнула с облегчением, помахав ему на прощание. Вернулась к подъезду и устроилась на скамейке, подумав: очень может быть, что я дурака сваляла. И с Ильей не поехала, и женщину не дождусь.

Ждать в самом деле пришлось долго. Я уже собралась еще раз попытать счастья и позвонить, как подъездная дверь распахнулась, и появились две женщины и мальчик лет шести. Мальчик уверенно направился со двора, а женщины задержались. Они стояли в десятке метров от меня, и я слышала, как та, что постарше, сказала:

– Время лечит, Оля. Держись. У тебя сын...

Теперь я не сомневалась: женщина в темном платье – это вдова Вахромеева.

Они с сыном направились в парк, который был неподалеку. Я переходила дорогу, когда вдруг заметила машину Ильи, то есть очень похожую машину. Она еле ползла, прижимаясь к тротуару, но когда я довольно бестолково замерла на «зебре» посреди дороги, поспешно скрылась в потоке машин. Увидеть номер я так и не успела. Скорее всего, я ошиблась, и это вовсе не Илья. Но внутренний голос придерживался иного мнения и твердил как заведенный: «Он, точно он! Получается, он за мной следит? С какой стати? Выходит, в историю с сестрой он не поверил?»

Укрывшись за деревьями, я принялась разглядывать машины на проезжей части и в переулке напротив вновь заметила «Лендкрузер». «Кажется, у меня и впрямь белая горячка», – с печалью решила я и, вспомнив наконец, зачем я здесь, припустилась по аллее.

Вахромеевых я нашла на детской площадке. Мальчик играл с ребяташками, а Ольга устроилась на скамейке и смотрела куда-то вдаль. Я подумала, что разговор запросто может не состояться, но подошла и села рядом. Ольга не обратила на это никакого внимания, даже голову не повернула. Собравшись с духом, я сказала:

– Здравствуйте, Ольга.

Только после этого она хмуро взглянула. На ее лице читалось недоумение. С минуту она разглядывала меня очень внимательно, потом спросила:

– Ты кто?

– Меня зовут Алла. Я приходила к вам сегодня.

– Тебя шмара послала, что ли? – усмехнулась она.

– Кто? – не поняла я. Недоумения в ее взгляде прибавилось.

– Ты подружка его шлюхи? – И тут же добавила: – Не похоже. Тебе чего надо?

– В нашей семье произошло несчастье. У сестры пропал муж. Просто исчез, понимаете? – Она кивнула, но, судя по выражению лица, вряд ли что понимала. – Он был знаком с Петром Викторовичем. И я подумала...

– А-а-а... – протянула женщина. – Так ты... а я решила, это она тебя подслала. Диву даюсь, откуда у этой шмары такая подруга...

– Что за шмара? – не выдержала я.

– Когда муж погиб, выяснилось, у него зазноба была. Прикинь? Мало мне переживаний, так нате вам! На похороны притащилась, стерва. У нас ведь общее горе. Убила бы... Может, нам дружить начать и на могилу вместе ходить? Она тут на днях звонила, я ей сказала: можешь ему памятник поставить. На свои кровные. Я не возражаю... Петька – сволочь. Ни в жизнь бы не подумала... вот и верь мужикам после этого.

Она сжала зубы, чтобы не заплакать, но слезы все равно полились из глаз. Ольга вытерла их ладонью и посмотрела на меня с сомнением.

– Говоришь, у сестры муж пропал? С бабой сбежал, что ли?

– Не знаю, – честно ответила я. И коротко рассказала, как было дело.

– Так, может, утоп? – предположила Ольга.

– Может.

О том, что Павел вроде бы появлялся в своей квартире, я решила промолчать, уж очень заковыристая история получалась.

– Я в его столе нашла письмо от вашего мужа. Вот и подумала: вдруг Петру что-то известно?

– Вместе по бабам таскались? – подсказала Ольга с готовностью. Похоже, ни о чем, кроме баб, она уже думать не могла.

– Когда погиб ваш муж?

Она назвала дату, выходило, что случилось это буквально на следующий день после отправки письма.

– Странное совпадение, – произнесла я вслух, Ольга смотрела с недоумением, видимо, ничего странного не находя. – Как он погиб?

– Машина сбила. Он как раз от своей шалавы возвращался. А мне врал, что подменял парня на работе... И, считай, почти возле дома... насмерть.

– А того, кто это сделал, нашли?

– Ищут. Но похоже, не найдут. Свидетелей-то нет. И Петьку обнаружили уже под утро. Менты. Его к кустам отшвырнуло, сразу-то и не увидишь. Они мимо ехали, на дороге ботинок, и из кустов вроде нога торчит. Вызвали «Скорую», но мне потом сказали: и раньше бы нашли – не помогло бы. Умер сразу. Травмы, несовместимые с жизнью. Вот так. Сходил к любовнице.

– Мужа моей сестры звали Павел Гришин. Вы не слышали о нем?

– Павел? Не помню у Петьки друга с таким именем. У него все больше по работе... Там точно Павла нет. Все ж на похоронах были.

– А где Петр работал?

– В супермаркете охранником. А я на двух работах, чтобы концы с концами свести. Он домой придет: я устал. А я, блин, не устала? И между прочим, никогда не попрекала, что копейки зарабатывает. И одной бабы не прокормит, так он еще завел.

Похоже, мысль о любовнице мужа стала навязчивой, и говорить о чем-то другом Ольга была просто не в состоянии. Но я все-таки рискнула спросить:

– А не было ли в поведении вашего мужа чего-то странного в

последнее время? Необычного? Возможно, он нервничал?

– Нервничал? Психовал! Слово скажешь, а он сразу в крик. Небось к шалаве своей рвался, а тут семья. На дачу надо, с ребенком посидеть, пока я на работе. Я сына выпросила: куда с отцом ходил, ведь запросто мог к этой... Говорит, в парке гуляли. Он гулял, а они по кустам шастали.

«Да забей ты на это, – чуть не брякнула я. – Мужа уже нет. Какая теперь разница, шастал он по кустам или не шастал?»

– И давно у него это началось?

– Загулы?

– Нервозность.

Она немного поразмышляла.

– За неделю до смерти. А с шалавой он, считай, полгода. Может, она его шантажировала? Типа беременная? Запросто могла.

– Сама-то она ничего не рассказывала?

– Буду я ее слушать!

– Может, к Петру приходил кто? Или звонил?

– Приходил какой-то мужик. Но уже после смерти. Как раз после девятого дня. Такой... Чудной... Вроде не в себе. Хотя я тоже не в себе была. Мужа схоронила, еще и сучка эта...

– Вы про мужика расскажите, пожалуйста, – попросила я.

– Ну, пришел... Сказал, старый знакомый. Только не виделись давно, вроде он из города уехал. Вернулся, хотел Петра навестить, а тут такое...

– Имя свое назвал?

– Имя? А как же. Только я его не помню.

– Может быть, Павел?

– Может, и Павел. Говорю, не помню.

– А как выглядел?

– Ну, как... – Она задумалась. – Такой... солидный. Не Петьке моему чета. Петька охранник и охранник, а этот... на начальника похож. Говорил вроде по-простому, но я же вижу, другого поля ягода.

– Поточнее можете описать?

Тут я вспомнила, что в мобильном у меня есть фотография сестры с мужем и Сашкой. Я быстро ее нашла и показала Ольге.

– Похож?

Она внимательно разглядывала фотографию не меньше минуты. Сказала:

– Он. А это сестра твоя? Ребенок у них...

– О чем вас Павел спрашивал?

– Да я что, помню? Как Петька погиб... Да, еще спросил, не приходил

ли кто к нему. Совсем как ты... – хмыкнула она. – Еще про звонки спрашивал. Мне Петькин мобильный менты вернули. Он, оказывается, по одному телефону раз двадцать звонил за последнюю неделю. В адресной книге номера нет. Я подумала, еще одна шалава, и сама позвонила.

Она вдруг замолчала, а я поторопила:

– И что?

– Ничего. Отключен.

– Можно еще раз позвонить.

– Звонила. Без толку.

– Номер вы сохранили?

– Да я его наизусть помню.

Ольга продиктовала номер, и я его записала.

– Да это точно какая-нибудь задрыга из супермаркета. Там баб как грязи, и все разведенки. Выбирай любую. А как узнала, что Петьки нет, мобилу отключила. Небось боялась, что я с разборками приду. Оно мне надо? Чего теперь делить-то?..

«Вот это разумная мысль», – хотела сказать я, но вовремя себя одернула. Женщина потеряла мужа и нуждается в сочувствии, а не в моих замечаниях.

– Простите, а только Петр по этому номеру звонил или с него тоже звонили?

– Нет, только он. Я еще подумала, небось сказал ей: сама не звони. Это чтоб я ненароком рядом не оказалась. Какой все-таки гад...

– Вы все это рассказали Павлу? – напомнила я.

– Кому? А, ну да...

– А он что?

– Ничего. Номер записал и ушел.

– Почему вы сказали, что он вел себя странно?

– Дерганный какой-то... А глаза так и бегают, и весь трясется. Я было подумала: алкаш, но у алкашей рожи оплывшие, а этот... холеный такой...

– То есть он был напуган?

– Похоже, что так. И все расспрашивал: кто звонил, кто приходил... Точно следователь.

– А следователю вы про Павла рассказали?

– Какому следователю? – удивилась она.

– Но ведь кто-то ищет преступника? У них не возникла мысль, что ваш муж... – Тут, взглянув на Ольгу, я решила изменить вопрос. – Они уверены, что это несчастный случай?

– Да он бухой был. Петьку застать трезвым можно было только рано

утром. Он и на работе прикладывался. У него одно достоинство: если не приняохаяешься, ни в жизнь не догадаешься. Хотя один раз поймали и предупредили. А в ту ночь он конкретно бухой был.

– А где все случилось?

– На Семашко. На соседней с нами улице. Он небось через дворы шел. Там магазинчик «Радуга», вот как раз напротив него.

– Он шел по переходу?

– Нет там перехода. Вечером одна-две машины проедут, тихая улица.

«И на тихой улице сбили пешехода?» – подумала я.

– Оля, – сказала я со вздохом, – вы уверены, что раньше о Павле ничего не слышали? Они ведь с Петром дружили. Он сам так сказал.

– Сказал, да как-то не верится. Ваш-то мужик солидный, а мой...

– Может, они в армии вместе служили? – предприняла я еще одну попытку. Ни в какой армии Павел не был, но, возможно, Ольга что-то вспомнит...

– Не знаю. Может, и были.

– Наверняка есть юношеские фотографии Петра еще до женитьбы.

– Ну, это если у его мамы. В деревне. У нас вообще никаких фотографий, только свадебные. И еще из роддома. А так все на мобильном. У Петьки телефон самый простой, он никогда никого не фотографировал и сам фоткаться не любил. Сестра твоя в полицию заявила? – вдруг спросила она.

– Заявила.

– Пусть они ее мужа ищут. Небось где-нибудь неподалеку прохлаждается.

– Сомневаюсь, – вздохнула я, подумав при этом: «Как знать».

Картина вырисовывалась, мягко говоря, странная. Петр перед кончиной нервничает, двадцать раз звонит кому-то и пишет письмо Павлу. Хотел о чем-то предупредить? Нового адреса он не знал, письмо отправил на старый. Дошло оно до Павла не сразу, но после девятого дня он уже был у Вахромеевых. И, судя по поведению, гибель Петра произвела на него сильное впечатление. Неудивительно, если они друзья. Вряд ли близкие, раз столько лет не виделись. Чего ж тогда так нервничать? А с того, что в письме Петька мог о чем-то его предупредить. И его последующая кончина подтвердила худшие предположения. После этого Павел вдруг исчезает. То ли утонул, то ли просто прячется. От кого?

«Во что же ты вляпался, родственник?» – с досадой думала я, отправляясь после разговора с Ольгой на улицу Семашко. Хотелось взглянуть на это место.

Движение здесь одностороннее. С одной стороны улицы какие-то склады, с другой – тот самый магазин и гараж СМУ, судя по вывеске над воротами. Кусты напротив магазина, они почти вплотную примыкали к складам. Тротуара там не было. Зато был проход, что позволяло оказаться на параллельной улице, не тратя время на обход. Понятно, почему Вахромеев пошел здесь – намеревался срезать путь. Непонятно, как он очутился в кустах. Либо удар был такой силы, что его отшвырнуло на несколько метров, либо водитель зачем-то держался ближе к левой стороне. И это при том, что даже ям не наблюдается. Вполне приличный асфальт. Дорога, кстати, широкая, правда, фонарные столбы отсутствуют... Что водителю помешало разминуться с пешеходом? Объяснение одно: пьяный тип за рулем гнал на бешеной скорости и ничего не видел перед собой. Хотя могло быть и второе объяснение: Вахромеева попросту убили, представив дело как дорожно-транспортное происшествие. Петр Викторович был пьян, что значительно облегчило убийце задачу.

Я присвистнула, пялясь на кусты напротив и почти не сомневаясь в своей правоте. Вахромеев о чем-то намеревался предупредить Павла и погиб. Вслед за этим погиб мой родственник. Или предпочел исчезнуть?

Я перешла дорогу, дождавшись, когда проедет машина. За все время, что я здесь находилась, их и десятка не набралось. Это днем. А ночью? Магазин, кстати, работает до семи. Идеальное место для убийства.

Я шла по краю дороги и намеревалась свернуть в проход между складами, когда показалась очередная машина. Мельком взглянув на нее, я ускорила, а вот машина, напротив, начала тормозить. Сердце екнуло, предупреждая об опасности. Но я предупреждению не вняла, по-дурацки замерев на месте и теряя драгоценные секунды.

Из машины лихо выскочили двое мужчин и направились ко мне. Один в надвинутой на глаза бейсболке, другой предпочел толстовку с капюшоном. Тут до меня дошло: надо уносить ноги. Продираться через кусты, значит, терять время, да и оказаться сейчас в проходе между складами – не лучшая идея. Единственный выход – бежать в магазин, там люди, и есть надежда на помощь.

Туда я и устремилась. Но тип в капюшоне оказался проворнее, кинулся мне наперерез и успел схватить за руку.

– Куда? – зашипел зло. – А ну садись в машину, дура!

– Конечно, дяденька, – проблеяла я и свободной рукой въехала ему в ухо, вложив в удар всю злость, что была во мне, а ее оказалось до хрена.

В общем, тип в капюшоне рухнул мне под ноги, и я дала деру от второго субъекта, настроенного весьма решительно. Я успела заметить в

его руках пистолет, что значительно усложняло ситуацию, и собралась орать во все горло, на случай, если кто-то решит прийти на помощь и вызовет полицию.

И тут появился «Мерседес», новенький и блестящий. Я ринулась под колеса с риском там и остаться, но это была единственная возможность оторваться от преследователя.

Водитель «Мерседеса» дал по тормозам, машину занесло так, что она замерла поперек дороги, типу в капюшоне пришлось отпрыгнуть в сторону, иначе его просто бы смело задним крылом, а передняя дверь вдруг распахнулась, и мужской голос произнес:

– Шевелись!

Я запрыгнула на переднее сиденье, и «Мерседес» тут же рванул с места. В окно я успела увидеть, как мои преследователи бегут к своей тачке с намерением рвануть за нами.

Тут я перевела взгляд на своего спасителя и едва не лишилась дара речи. За рулем сидел очкарик из ресторана и весело скалил зубы. Тут же явилась мысль, что я из одной беды перекинулась в другую.

– Привет, красотка, – подмигнул он. – От кого бежим?

– Надо бы от тебя, – буркнула я, стараясь отдышаться, немного прийти в себя и наконец-то начать соображать.

– Да ладно, – засмеялся он. – Я абсолютно безопасен. Кстати, есть проблема: я плохо знаю город. Пошевели мозгами, как выскочить параллельными улицами, чтобы оказаться у них в хвосте.

– Зачем? – буркнула я.

– Тебе не интересно, кто они?

– Мне интересно, кто ты.

– О себе я потом расскажу. Ничего я не люблю так страстно... Ну, так мы просто удираем или пытаемся сесть им на хвост?

Надо сказать, к тому моменту парочку на побитом жизнью «Фольксвагене» я уже в зеркале не видела, и тут назревал вопрос: они просто отстали или хитрят и вот-вот появятся в самом неожиданном месте?

– Я бы просто смылась, – с беспокойством ответила я.

– Отлично, – кивнул очкарик и прибавил газа.

Я поспешила пристегнуть ремень, уточнив на всякий случай:

– Идем на взлет?

Он засмеялся, после чего, сбросив скорость, принялся петлять переулками. Может, он и плохо знал город, но того, что знал, с лихвой хватило, чтобы через пятнадцать минут оказаться в другом районе. Он свернул на паркинг торгового центра и вскоре уже тормозил на втором

ярус.

– Идем, – сказал очкарик, распахивая дверь.

– Куда?

Некая заторможенность, с моей точки зрения, была извинительна, но я покраснела от досады.

– Кофе пить, – удивился он. – Хотя я не против поужинать.

Он зашагал к лифту и ни разу не обернулся, в абсолютной уверенности, что я последую за ним. Хотя куда тут еще деться? Но все равно было обидно. «Есть на свете самодовольные гады», – злобно думала я.

– А ты девушка неожиданная, – со смешком заявил он уже в лифте – поднимались мы вдвоем, вот он и решил поболтать.

– Ты о чем? – нахмурилась я.

– О хуке с правой. Неплохо получилось. На случайных прохожих тренируешься или у тебя серьезный подход?

– Занимаюсь с тренером.

– Я так и подумал, – покивал он, скроив серьезную мину.

В светлых глазах за стеклами очков плескался смех. Створки лифта раздвинулись, и мы вышли на четвертом этаже, где располагались кафе и рестораны. Один мне особенно нравился – с выходом на крышу. Туда мы и направились.

«Самое время нам проститься», – подумала я в приступе здравомыслия, но не была сама собой услышана и покорно плелась за этим очкариком в дорогуших тряпках и с тем особым выражением физиономии, которое намекает не просто на большие деньги, а на большущие.

– Твою мать, – пробормотала я сквозь зубы.

– Далась она тебе, – отозвался блондин, и стало ясно: слух у него исключительный.

Для нас нашли отличное место с потрясающим видом на город. Блондин вытянул ноги и уткнулся в меню. Я, немного поерзав, тоже уткнулась.

Сделав заказ, он выпил воды, которую нам принесли еще раньше, и спросил:

– Ну что, готова рассказать, во что вляпалась?

– А надо? – хмыкнула я.

– Мне – нет, – пожал он плечами. – Я думал, тебе надо.

– Да с какой стати?

– То есть эти типы просто так к тебе пристали?

– Вообще-то это не твое дело.

– Правильно, – не стал спорить он.

Здравый смысл вновь дал о себе знать, шепнув вполне отчетливо: двигай отсюда, и поскорей. Но я продолжала пялиться на блондина. Есть такие типы, к которым женщин тянет как мух на сладкое. Вот он как раз из таких. Очень часто сладкое при ближайшем рассмотрении оказывается сами знаете чем. Но кого это останавливало? Вопреки всякой логике, сердце сладко замирало, мало того, очкарику очень хотелось понравиться. Весьма болезненное открытие для моего самолюбия. Я бы предпочла, чтобы это мне хотели понравиться. Но блондин, сидящий напротив, лучился абсолютной уверенностью: по-другому просто быть не может, и заморачиваться по данному поводу не собирался.

Нам принесли заказ, он сказал:

– Приятного аппетита.

А я спросила:

– Ты кто?

– В глобальном смысле? – уточнил он.

– В глобальном смысле я и так вижу: млекопитающее на самой вершине пищевой цепочки. Сожрешь кого угодно и не подавишься.

– Все-таки ты неожиданная девушка. Бунтарка.

– Ага. А похожа на овцу?

– Честно? Ты для меня загадка. Что с тобой случилось, красавица?

– В смысле? – насторожилась я.

– Что за беда на тебя обрушилась?

– Может, ты все-таки скажешь, откуда тебя черт принес? – вздохнула я, сбавляя обороты.

– Интересно? – засмеялся он.

– Еще бы...

– На самом деле все банально. Я здесь проездом. Один неплохой человек спит и видит меня партнером по бизнесу. Да вот незадача: охладел я к бизнесу. Ни к чему душа не лежит. Кризис среднего возраста. Слышала о такой штуке? У вас это называется климакс.

Тут я не выдержала и засмеялась, и он тоже.

– Имя у тебя есть? – спросила я.

– Имя? Конечно. Сергей. А ты?

– Алла. А это точно твое имя? – уточнила я.

– Да вроде да. Есть сомнения?

– Тебе совсем не идет.

– Сплоховала мама? Сергеем меня мало кто зовет, если честно, я такого уже не припомню. Все больше Сергеем Львовичем.

– Ну да. Ты птица высокого полета.

– Сейчас не особо. Я же сказал: охладел к делам. Подсчитал на досуге: если вовсе ничего не делать, все свои деньги я все равно потратить не успею, даже если проживу до ста лет. А кому это надо?

– Тяжелый случай.

– Кто бы спорил. Ну что, ужинаем и разбегаемся, или ты откроешь свои страшные тайны?

– Нет у меня никаких тайн, – проворчала я. – Парни предложили прокатиться, я их послала, они осерчали...

– Ну да, ну да, – покивал он. – Так осерчали, что даже пушкой размахивали. У тебя ведь зрение хорошее? Или не очень?

– Отличное.

– Это был игрушечный пистолет? Кстати, ты в курсе, что за тобой следят? То есть я хотел сказать, следили?

– Когда? – растерялась я.

– В нашу первую встречу. В ресторане. Парнишка в углу сидел, глаз с тебя не спускал. Поклонник?

– Да с чего ты взял? Я имею в виду...

– Храни свои тайны, милая, – отмахнулся он. – Я просто хотел предупредить. В тот раз я собирался за тобой приударить. Говоря по правде, я тут просто умираю от скуки. Но после этого топтуна обороты сбавил. Девушка с неприятностями – не совсем тот тип, что мне нравится. Но, увидев тебя сегодня в странной компании, понял: это судьба. Зачем-то жизнь нас сводит без нашего на то желания. Жизни надо доверять.

– Ты же не любишь неприятности, а у меня их вагон.

– Я свои неприятности не люблю, а твои уже обожаю. Пора к десерту переходить, а ты так и не открыла свою душу, милая.

– Все это кажется мне странным, – вздохнула я.

– Что именно? – поднял он брови.

– Твое появление.

– В смысле, я на той улочке оказался не случайно?

– Кто тебя знает? Возможно, эти типы – твои дружки.

Он взглянул из-под очков и засмеялся. Весело.

– Мне попалась девушка с богатой фантазией. Ладно, разбегаемся. Хотя и любопытно, что ты такого успела натворить. Деньги свистнула?

Это неожиданно показалось обидным, и я, злясь на себя, сказала:

– У сестры беда случилась.

– Да?

– Муж пропал.

И я рассказала об исчезновении Павла и его возможном появлении в квартире в отсутствие Полины. Про конверт тоже рассказала.

– Давно пропал? – уточнил Сергей. Я ответила, и он едва заметно усмехнулся. – Странно.

– Что странно?

– Да так, проехали... Надо полагать, ты решила навестить этого Вахромеева?

– Решила. Его машина сбила на следующий день после отправки письма.

– На этой самой улице?

– Угадал.

– И тут же появились мальчики с пистолетом. Как интересно.

– По-твоему, я все это выдумала?

– Чтобы мне понравиться? Нет.

– Слава богу... Ты скромный парень.

– Не особенно. Я правильно понял: ты решила во всем этом разобраться? А почему бы, к примеру, не пойти в полицию?

– С чем? – усмехнулась я. – Флешки нет, остается рассказ вдовы-истерички.

– Но ты ей веришь? В том смысле, что это не было глюками?

Я пожала плечами.

– Что мне еще остается? Ты же видел этих типов.

– Видел. А ты уверена, что их появление связано с проблемами твоей сестры? Может, есть еще что-то?

«Вот тебе раз, – подумала я. – А вдруг он прав? И дело не в родственнике, а...» Тут явилась еще одна мысль: «Помнится, Иванов просил сообщить о новых знакомствах, если они ненароком возникнут. А если вот этого красавца он как раз и ожидает?»

Рука потянулась к мобильному, но замерла на полдороге.

– Мне что, и дальше угадывать? – спросил блондин с сарказмом в голосе.

Я покачала головой и ответила:

– Других версий нет.

– Допустим. Давай еще раз все уточним. Исчезает муж твоей сестры. Он вроде бы утонул, но труп не нашли. Сестра утверждает, что в ее отсутствие он был в их общей квартире. Берет флешку, являющуюся доказательством, но по дороге к тебе сестру грабят. Тебя пасет какой-то тип, а сегодня... Зачем ты им, как думаешь?

– Не знаю, – нахмурилась я.

- А если напрячься? Какие у тебя были отношения с Павлом?
- Никаких.
- Он тебя не навещал и ничего в твоей квартире не прятал?
- Он у меня в последний раз был полгода назад, – проворчала я. – И то дальше порога не прошел. Забрал Сашку, и все. Но у него мог быть ключ. А ко мне совершенно точно повадились незваные гости.
- Если ты мне голову не морочишь, значит, кто-то решил: тебе известно то, что хотелось бы знать им.
- Где сейчас Павел?
- Сergeй пожал плечами.
- Зачем ты им еще нужна?
- Вахромеев о чем-то предупредил Павла и вскоре погиб. А Павел предпочел исчезнуть. По-моему, это очевидно.
- А по-моему, нет, – усмехнулся блондин. – Допустим, Вахромеев шантажировал твоего родственника. Тот его убил, а затем сбежал, боясь наказания, и инсценировал свою смерть. Покойника в тюрьму не посадишь.
- Насколько я знаю, никто не считает, что Вахромеева убили.
- Да, но и эту версию я бы тоже не исключал. И куда нас это приведет? – спросил он и сам себе со смехом ответил: – В дебри теорий. Пока не найдем хоть какие-то доказательства или кто-нибудь нам что-нибудь не расскажет.
- Нам? – переспросила я. – Я не ослышалась?
- Милая, – сладенько улыбнулся он, – если ты не рассчитывала на мою помощь, на фига все это рассказывала?
- Допустим. Но тебе-то это зачем?
- Я же честно признался: изнываю от безделья и не прочь совершить благое дело. Помочь красавице – ведь дело благое? Ну и... я надеюсь, что в процессе нашего расследования мне удастся уложить тебя в постель.
- Да я прямо сейчас готова, так меня плющит от твоего прекрасного образа.
- Тогда поехали, – кивнул он.
- Куда?
- Ко мне, естественно.
- Не думаю, что от тебя будет польза, – нахмурилась я.
- В постели? – вытаращил он глаза в великом возмущении.
- В расследовании.
- Вот тут ты глубоко не права. У меня есть опыт.
- Любишь читать детективы?
- Нет. Помогал подружке-адвокату проводить расследования.

– Ничего, если я спрошу, что стало с подружкой?
– С ней все отлично. Не так давно вышла замуж.
– Поэтому ты не знаешь, чем себя занять?
– Не поэтому. О себе я уже все рассказал. Разве нет?
– Хорошо. Что ты предлагаешь?
– Для начала поговорим с любовницей Вахромеева. Что не знает жена, может знать подруга.

– А как мы ее найдем?
– Прекрасная половина Вахромеева наверняка знает, где она обитает.
Тут я в досаде поморщилась – могла бы поинтересоваться адресом любовницы! Но как бы я объяснила такой странный интерес?

– Она меня пошлет, – буркнула я, а Сергей Львович улыбнулся.
– Тебя – возможно, а меня – нет. Поехали?
– Прямо сейчас?
– Ты сначала постель предпочитаешь?
Тут я густо покраснела и сказала:
– Это не будет опасно, учитывая недавнюю встречу?
– Парни с пистолетом? Вряд ли им придет в голову, что мы к вдове вернемся. К тому же задачу мы им усложним. Машину поменяем.

– Возьмем мою?
Тут я покраснела вторично, потому что он сказал:
– Если они за тобой следили, то номер твоей машины им наверняка известен.

– Ладно, – вяло молвила я. – Поехали.
Он подозвал официанта, заказал мне еще кофе и мороженое, расплатился, оставив щедрые чаевые.

– Сидишь и ждешь меня. Отсюда ни шагу. В целях безопасности.
– А ты куда?
– За машиной, естественно, «Мерседес» пусть на парковке постоит. Не скучай, милая.

Он поднялся, чмокнул меня в нос и растворился за стеклянными дверями. Я таращилась ему вслед в полном обалдении. Как это меня угораздило? Довериться какому-то типу с дурацкими шуточками. Я что, спятила? Ничему дуру жизнь не учит. Немедленно позвонить Иванову. И Сазонову на всякий случай. Олегу и Илье, чтоб знали: если что... А еще маме, папе и всем друзьям-приятелям. «Не будь идиоткой», – заявил внутренний голос.

Однако этот призыв воспринимался двояко. С одной стороны, что за паранойя – подозревать всех кого ни попадя в смертных грехах? Есть на

свете и нормальные люди. С другой – с чего вдруг нормальному человеку ввязываться во все это? Значит, либо у него есть свой интерес, либо он ненормальный. В любом случае держаться от него надо подальше...

Но я продолжала сидеть, точно к стулу приклеенная, смотрела на город внизу, ела мороженое и томилась. А когда он вернулся, вздохнула с облегчением, но тут же насторожилась, подумав: «А вдруг он решил, что приключения ему ни к чему?»

– По глазам вижу: ты мне рада, – хмыкнул он.

– Как бы мне эта радость не вышла боком, – проворчала я.

Он предложил мне руку, и я, ухватившись за нее, поплыла к выходу, так и не решив: этот Сергей – подарок судьбы или ее заключительная подлость?

На стоянке возле торгового центра красовался «БМВ».

– Дорогие у тебя привычки, – зачем-то съязвила я.

– Для тебя – все самое лучшее. Адрес вдовы.

Меня Сергей Львович оставил в машине. В окно я видела, как он подошел к подъезду и набрал номер на домофоне. Я замерла в ожидании. Отошлют его или нет? Вопреки всякой логике, хотелось, чтобы отшили. Но он благополучно вошел в подъезд, а я в досаде пробормотала: «Зараза», сама толком не зная, кого имею в виду.

Вернулся Сергей Львович довольно быстро, но, судя по лучезарной улыбке, поход увенчался успехом.

– Любовь Алексеевна Черпакова, – сообщил он, садясь в кресло. – Что-то мне подсказывает: интереснейшая женщина. Адрес есть...

Он завел машину, а я поинтересовалась:

– Как тебя встретила вдова?

– С восторгом. Бедняжке нелегко без мужского плеча...

– Ты предложил ей свое?

– Я всегда крайне осмотрителен, милая. И не даю обещаний, которые не собираюсь выполнять.

– Надо запомнить.

– Лучше запиши.

Я покосилась на него с неудовольствием, почему-то хотелось зареветь с досады. Таких мужчин в моей жизни еще не было, и я проигрывала по всем статьям.

Между тем мы переместились на улицу Запольскую, где в двухэтажном доме, построенном году эдак в шестидесятом, то есть бог знает когда, жила предполагаемая любовница Петра Викторовича. Дверь

подъезда была распахнута настежь, воняло кошками и кислой капустой.

Нас интересовала четвертая квартира. Сергей Львович позвонил, а когда и на повторный звонок реакции не последовало, потянул дверь на себя, и она открылась.

Мы вошли в довольно большую, но до того захламленную прихожую, что мы вдвоем едва в ней поместились. В глубине квартиры кто-то играл на гитаре, и женский голос не в такт выводил «Не для меня придет весна».

Отправившись в том направлении, мы оказались в кухне, захламленной не меньше прихожей. За столом возле окна расположился прыщавый парень, бритый наголо, в майке-алкоголичке и джинсах, обрезанных чуть ниже колен. Напротив него сидела женщина слегка за сорок. Ярко-красный халат в белый горох, грудь вываливалась из глубокого выреза. Тетка подпирала щеку кулаком и пела. Прыщавый ей аккомпанировал, свесив голову к самой гитаре. На столе – бутылка водки, почти пустая, и остатки нехитрой закуски. Оба были так увлечены исполнением, что на нас внимания не обращали.

Я переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда они закончат, а Сергей Львович захлопал, повторяя с восторгом:

– Bravo, bravissimo! Сколько чувства... Вам надо выступать на телевидении.

Хотя вел он себя как придурок, но впечатление произвел. Прыщавый поежился, голос предпочел не подавать. Тетка спросила:

– Вам чего? – но скорее испуганно.

– Нам Любовь Алексеевну, – ответил он, радостно скаля зубы. – Извините, что беспокою в разгар праздника...

– Горе у меня, – пожаловалась хозяйка.

– Поминаете кого?

Она икнула, торопливо прикрыв рот. И кивнула.

– Жизнь вконец достала, – сообщила печально, теперь и Сергей Львович согласно кивнул.

– Вижу, – знаком предлагая Прыщавому приблизиться.

Тот поднялся и сделал шаг, нетвердо держась на ногах, Сергей Львович достал из кармана купюру и вручил ему.

– Где магазин, надеюсь, знаете?

– А ну, дай сюда! – Тетка шустро вскочила, перехватила купюру, сунула ее в бюстгальтер и заорала на парня: – Иди спать! Не видишь, что ли, ко мне люди пришли.

Парень покорно побрел в комнату, держась за стену. Любовь Алексеевна поправила волосы и устала на моего спутника, должно

быть, гадая, чего от него следует ждать.

– Ваш сынок? – спросил Сергей Львович, кивнув вслед Прыщавому. Любовь скривилась, а он поспешно выставил руку. – Пардон, мадам. Бестактный вопрос.

Между прочим, я тоже подумала, что они родня. По возрасту тетка Прыщавому годилась в мамыши, но теперь стало ясно: он герой-любовник.

Сергей Львович занял опустевший стул, я осталась подпирать стену.

– Ты кто? – собравшись с силами, спросила Любовь. Беспокойство из ее глаз отнюдь не исчезло. Мой спутник ее пугал, хоть и продолжал разыгрывать шута.

– Пришел почтить память незабвенного моего друга, Петра Викторовича.

– Ты Петькин друг? – нахмурилась она.

– Точно. С рождения вместе. Где он, там и я. Но потом жизнь развела, разбросала. Вернулся на днях в родные пенаты – и сразу к Петру. И вдруг такое несчастье.

Из глаз Людмилы полились слезы. Она смахнула их ладонью и запричитала:

– Жениться на мне хотел. Царство ему небесное... И женился бы, если бы не эта ведьма. Вцепилась в мужика, точно клещ. Отравить ее думала, но ведь грех. А надо бы... Хотя теперь выходит – не надо. Нечего нам делить теперь.

Тут она зарыдала в голос, Сергей Львович вскочил, подал ей полотенце и голосом искусителя продолжил:

– Какое ужасное несчастье... Несправедливость судьбы. Как я вам сочувствую... А еще находятся люди, готовые обвинить вас в том, что вы поспособствовали Петру переместиться, так сказать, из одного мира в другой.

– Чего?! – ахнула Любовь, а Сергей Львович передразнил:

– Того. Укокошила любовника, потому что разводиться отказался.

– Эта ведьма его такое сказала? Ну, стерва...

– Дело-то действительно темное, – продолжил он, подавшись вперед и переходя на шепот. – У ментов сомнений нет, это убийство. Вопрос, кто Петру смерти желал? И я, поверьте, выведу душегуба на чистую воду, чего б мне это ни стоило. В память о моем дорогом и единственном друге!

Тут он всхлипнул, чем напугал хозяйку еще больше.

– Мне-то его зачем убивать? Сам посуди... Уж скорее жена, приревновала и того. Это он от нее ко мне бегал, а не наоборот. У меня и кроме Петьки были мужики... Между прочим, с перс-пек-ти-вой. – Это

слово она произнесла по слогам, покрутив в воздухе ладонью. – Я и доказать могу. Соседей спроси, все в курсе.

– С соседями разберемся. Ты мне скажи, были у Петра враги? Жена и ты не в счет.

– Бес его знает. Не говорил ничего.

– А если подумать? Может, нервничал в последние дни?

– Это да, нервничал. Еще как... Из-за дружка. Дружок у него того... скоропостижно скончался. Два дружка, – показала она два пальца, посмотрела на них и добавила с сомнением: – Вроде...

– А давай подробно и по порядку. Информация-то важная.

Она кивнула и сказала:

– Завари чаю покрепче. Буду вспоминать. Память у меня железная. В шкафу заварка.

Сергей Львович с улыбкой взглянул на меня, и стало ясно: заваривать чай предстоит мне. Я пошарила в шкафах, нашла чай и заварочный чайник.

Пока кипятила воду, Любовь Алексеевна сидела, пялясь в стол. Вдруг поднялась, сыпанула в кружку заварки, залила кипятком и закрыла крышкой. Постояла подбоченья пару минут, бросила в кружку шесть кусков сахара и вернулась с ней за стол. Отхлебнула жидкости цвета дегтя, а Сергей Львович спросил:

– Ты сидела, что ли?

Любовь равнодушно махнула рукой:

– Ерунда. Всего-то два года. Между прочим, я бухгалтером работаю. В солидной фирме. Не какая-то пропадающая. Сейчас да, в запое. Имею право, потому что в отпуске. Петьку вот похоронила. Не чужой мне человек. Только замуж за него я не собиралась. Нужен мне этот кот диванный. У него зарплата – во, – показала она кончик пальца, – как и его достоинство. Я с ним в супермаркете познакомилась. Помог сумки до машины дотащить. У меня и машина есть. Во дворе стоит. Подруга ключи забрала, чтоб я по пьяни не начудила. Петьку было жалко. Неплохой, в сущности, мужичок. Заходил ко мне. Я не против. Одной бабе нелегко. Вот ты женат?

– Нет.

– Все вы так. А нам, бедным, что делать? В общем, привечала. К шмаре его тащиться не следовало. Согласна. Немного выпивши была, хотела по-людски, помянуть его по-семейному...

– Так что там с Петькой? – напомнил Сергей Львович.

Тетка выпила уже полкружки чая и задумалась.

– Мне с тобой задираться никакого резона. Все, что знаю, расскажу. Если что не так – не обессудь.

– Валяй.

– Значит, примерно месяц назад появился сам не свой... Нет, не так... Сначала была рыбалка. На рыбалку он собрался и меня с собой звал. Говорил: место отличное, все удобства, то да се... Но я не поехала. Надо было с работы отпрашиваться, а у меня отчет. Бухать-то и дома можно. Короче, поехал один. На три дня хотел, а вернулся через сутки. Домой не пошел, у тебя, говорит, поживу. Вижу, смурной какой-то. Спрашиваю, что да как, а он мне: знакомый утоп. Хотел, говорит, с ним повидаться, а его несколько дней как похоронили. Петька на моем диване лежал и в потолок пялился. Я, само собой, спросила, что за мужик, и все такое. А он отнекивается, говорит, знакомый. Чего ж, спрашивается, так убиваться? Что-то его сильно беспокоило. Ну а потом уже дружок его богу душу отдал. Приходит Петька, и так его колотит, мама не горюй. Сенька, говорит, погиб. Сел с бутылкой вот на твоём месте, пьет и повторяет одно и то же: «Неспроста это, неспроста». А сам весь зеленый. От страха. У нас, когда зама по финансам менты забирали, тот аккурат такого же цвета был.

– Получается, что в течение очень короткого времени незабвенный Петр лишился сразу двоих друзей?

– Получается, – кивнула тетка. – Только Петька тебе никакой не друг. Я и с залитыми гляделками вижу: волчара ты, хоть и в очочках. Из вас друзья – как из твоей крали уборщица. Смех один. Мне неприятности не нужны, и я все как на духу. Дружка по фамилии не называл, знаю только, Сенька этот на стройке работал. Похоже, там и погиб. Петька ему звонил, а потом на работу к нему отправился, там сказали, мол, пишите телеграмму с соболезнованиями.

– Спасибо за подробный рассказ, – положив на стол две купюры, улыбнулся Сергей Львович.

– Спасибо за внимание, – хмыкнула она, отправляя деньги в лифчик. – О тебе я уже забыла, не сомневайся, я с понятием.

Сергей Львович обнял меня за плечи и повел к выходу, а я задалась вопросом: что имела в виду Любовь Алексеевна, называя его волчарой, и не пора ли звонить Иванову.

Мы покинули гостеприимный дом, и Сергей Львович, кивнув удовлетворенно, заявил:

– Интересная картина вырисовывается. Петя узнает о гибели давнего приятеля, возможно, пытается встретиться с Сеней, выясняет, что тот тоже погиб, и пишет письмо твоему родственнику. Хотя проще позвонить.

– Проще, если номер знаешь, – напомнила я.

– Согласен. Отсюда вывод: всех четверых что-то связывало. Довольно

давно, судя по тому, что ни нового адреса, ни номера мобильного Петя не знал. Но счел нужным предупредить. Сначала Сеню, а потом и Павла.

– Вопрос: что связывает охранника супермаркета с мужем моей сестры, офисного работника довольно высокого ранга?

– Ну, не всегда он им был... – пожал плечами Сергей Львович. – На всякий случай я уточнил у вдовы, где трудился возлюбленный до супермаркета.

– И что?

– Несколько лет проработал инкассатором. Уволили за пьянку в прошлом году.

– Инкассатором? – насторожилась я. – Павел работал в банке, когда они с Полиной познакомились.

– Ну вот, кое-что начинает вырисовываться.

– А этот Сеня?

– Что Сеня? – усмехнулся он.

– Он-то здесь при чем?

– Выясним. Не сомневайся. У нас есть номер мобильного, по которому несколько раз звонил Петя. Вполне возможно, другу Сене.

– Позвоним?

– Уже. Номер в сети не зарегистрирован. Неудивительно, если абонент успел скончаться.

– Тогда как мы...

– Предоставь это мне, милая. – Я взглянула с подозрением, а он вновь усмехнулся: – Мой здешний приятель – человек влиятельный и не откажется помочь. А нам только и надо – выяснить, на кого ранее был зарегистрирован номер.

– Удобно иметь таких друзей.

Мы загрузились в машину, но трогаться с места Сергей Львович не спешил. Достал мобильный и набрал номер. Звонил, кстати, тому самому приятелю. Светски побеседовал несколько минут и обратился с просьбой, которую собеседник прямо-таки жаждал выполнить, из чего я заключила, что Сергей Львович, он сам или его деньги, очень для того важны.

– Ну вот, – убирая в карман мобильный, сказал он. – Осталось дожидаться ответного звонка.

Он завел машину, а я спросила:

– Куда теперь?

– В гостиницу.

Я насторожилась, а он весело хмыкнул:

– Помнится, ты была не против...

– Где твое чувство юмора? Это всего лишь шутка.

– Правда? Господи, как жаль. А я всерьез надеялся заняться с тобой любовью еще сегодня.

Он подмигнул, и у меня возникло чувство, что надеюсь здесь только я, а ему вообще все пофиг.

Между тем довольно скоро мы в самом деле подъехали к гостинице, лучшей в городе, что, разумеется, не удивило. Я сурово нахмурилась, а он сказал, игнорируя парковку и тормозя возле служебного входа:

– Прости, что не приглашаю тебя в свое скромное съемное жилище. Самое неподходящее место для такой девушки, как ты.

Признаться, я малость растерялась.

– Ты мог бы высадить меня возле троллейбусной остановки.

– Надеюсь, мы не прощаемся, – сказал он. – Буду очень признателен, если ты подождешь меня несколько минут в машине. Лучше разложить сиденье. Устроишься с удобством, и случайные прохожие тебя не увидят, что немаловажно, коли мы занялись расследованием и даже успели нажать врагов. Нежно целую, милая.

Он сделал ручкой и вошел в гостиницу, воспользовавшись дверью для персонала, а я, откинув спинку сиденья, уставилась в потолок, гадая, стоит ли радоваться такому помощнику, как Сергей Львович.

Зазвонил мобильный, я торопливо ответила и испытала легкий шок, поняв, что это Илья. Каким-то фантастическим образом я успела забыть о его существовании.

– Чем занимаешься? – спросил он.

– Я у сестры.

– Когда домой?

– Я у нее сегодня останусь, – после небольшой заминки ответила я.

– Понятно. – В голосе Ильи явное разочарование. – Увидимся завтра?

– Конечно.

Он помолчал немного и со вздохом произнес:

– Пока.

А я, убрав мобильный, вновь забыла и о звонке, и о самом Илье. Куда больше меня занимал Сергей Львович.

Вернулся он довольно быстро.

– Что ж, – сказал, заводя машину, – похоже, наши предполагаемые враги – серьезные ребята.

– А подходчивее? – насторожилась я.

– В моем номере кто-то успел побывать. Это означает, что они по номеру машины смогли установить владельца, то есть меня, сообразили

проверить гостиницы и заглянули в номер. И на все это им понадобилось несколько часов. Вывод: они не дураки, и у них есть возможности.

– С чего ты взял, что в номере были они? – нахмурилась я. – Почему не горничная, к примеру?

– Горничная вряд ли будет рыться в моих вещах. К тому же на двери я оставил табличку «Не беспокоить».

«Когда оставил?» – чуть не брякнула я, но потом вспомнила: он ведь отлучался, чтобы сменить машину. Мог и в гостиницу заехать.

– То, что я вызвал их интерес, вполне понятно, – продолжил он. – Вопрос: что им надо было от тебя, и не повторят ли они попытку свести с тобой близкое знакомство? Если они побывали у меня, то и к тебе могут заглянуть.

Тут в очередной раз зазвонил мобильный, и я поспешно ответила, потому что звонил Олег. И прямо-таки обомлела, услышав:

– Возле твоей квартиры какой-то подозрительный тип вертится. Я спросил, что ему надо, а он начал нести околесицу про девушку Лену. Ты где?

– У сестры.

– Поедешь домой, предупреди меня, чтобы быть начеку.

– Я, пожалуй, у сестры останусь, – пробормотала я.

– Правильно.

Мы простились, а Сергей Львович с улыбкой спросил:

– Гости?

– В полицию звонить?

– Можно, – кивнул он. – Но я бы попытался выяснить, на кого ребяташки работают. Хотя есть вероятность, что при современном уровне коммуникаций они и сами этого не знают.

– Тогда что делать?

– Продолжать расследование. – Сергей Львович повернулся ко мне и даже руку положил на спинку моего сиденья. – Если эти типы связаны с твоим родственником, что вполне возможно, твоя сестра в относительной безопасности. Вряд ли Павел Александрович станет пакостить своей семье. Но если это и его оппоненты тоже... Лично я отправил бы сестрицу подальше отсюда.

– О господи! – простонала я и принялась звонить сестре. На счастье, ответила она незамедлительно и тут же сообщила:

– Я нашла билеты. Завтра улетаем.

– Отлично. – Я не смогла скрыть вздоха облегчения.

– Может, все-таки с нами поедешь?

– Я вас завтра провожу. А сегодня... Ты бы не могла переночевать у друзей? У этих... Трифоновых, к примеру. Вполне естественно в такое время...

– Алла, что происходит? – испугалась Полина.

– Ничего. Просто после ограбления я за тебя беспокоюсь...

– Хорошо. Соберу чемоданы и поеду к Трифоновым.

– И обязательно отзвонись. Надо ехать к сестре, – сказала я, убрав мобильный. – Если эти типы – оппоненты Павла, как ты их называешь, то его жена должна интересоваться их куда больше, чем я.

– Согласен. Но светиться ни к чему. Сопроводим твою сестру негласно.

– Это как?

– Проводим, не привлекая внимания. Если враги появятся, успеем среагировать, вызвав полицию, к примеру, либо просто попытаемся выяснить, кто такие. В зависимости от того, как они себя поведут. Говори адрес сестры.

Я назвала адрес, и мы поехали к дому Полины. Заняли позицию неподалеку от подъезда. Я устроилась с удобством, откинув сиденье, а Сергей Львович поменял очки на солнцезащитные и нахлобучил бейсболку, которая обнаружилась на заднем сиденье. Это навело на кое-какие мысли, в основном неприятные, потому что он явно не из тех парней, в чьем гардеробе подобные головные уборы занимают почетное место. Но ведь обзавелся...

Из-за этих мыслей к разговорам я была не склонна, Сергей Львович, должно быть, решил, что я задремала, позвал меня и кивком указал на въезжающую во двор машину.

– Такси.

Через пару минут появилась сестра с Сашкой и двумя большими чемоданами. Чемоданы загрузили в багажник, сестра с дочкой устроились на заднем сиденье. Такси покинуло двор, а мы не спеша отправились за ним. По городским пробкам до Трифоновых мы добирались час.

Оглядев малоквартирный дом, где жили друзья Полины, Сергей Львович удовлетворенно кивнул.

– Охрана, закрытая территория и видеонаблюдение. Вряд ли враги сюда сунутся. Будем считать – сестрица в безопасности. Думаю, завтра проводить ее в аэропорт тоже разумнее негласно. Позвони и предупреди: отвезти ее ты не сможешь.

– Но...

– Всегда лучше находиться снаружи, а не внутри машины, на которую

нападают, – изрек он и лучезарно улыбнулся. – Для всех лучше.

Я подумала и вынуждена была согласиться. И позвонила сестре. Самой собой, у нее тут же возникли вопросы, я нагло соврала, что у меня завтра встреча с Сазоновым, и Полина, вздохнув, сказала:

– Что ж, не беспокойся, меня Трифонов отвезет. Сам предложил.

– Маме привет.

Я отключилась и посмотрела на Сергея Львовича.

– Мне сегодня тоже у друзей ночевать?

– Боюсь, что все твои друзья им уже известны.

– Хватит меня запугивать! – не выдержала я.

– Весьма далек от этого. Кстати, ты еще помнишь, что обещала слиться со мной в объятиях?

– Конечно, нет. Слышал такое выражение – «память девичья»? Это как раз мой случай. Между прочим, ты тоже без жилья остался. Вряд ли разумно возвращаться в гостиницу.

– Ты права, – усмехнулся Сергей Львович. – У меня есть местечко получше, чем гостиница.

– Какое? – проявила я интерес.

– Увидишь.

Сергей Львович свернул в соседний переулок, и теперь мы двигались параллельно одной из центральных улиц и очень скоро оказались в районе бывшего молокозавода. Помнится, был такой во времена моего детства. Сейчас о тех годах ничто не напоминало. Вместо серых корпусов – добротные особнячки. Ржавые ворота остались в прошлом, на смену им пришли художественная ковка и изгороди из туи. Я не могла припомнить, когда была здесь в последний раз, и сейчас молча удивлялась переменам.

Сергей Львович подъехал к одному из особняков, открыл ворота с помощью пульта, после чего загнал машину в гараж и, не дожидаясь моих вопросов, пояснил:

– Дом в нашем полном распоряжении.

– Твой приятель позаботился?

– Я же говорил, он не теряет надежды видеть меня деловым партнером.

Из гаража мы прошли в дом. Я ожидала позолоченной мебели и росписи на потолке, но ошиблась. Кухня-столовая и гостиная выглядели достойно, были оформлены с аскетичной скромностью, стоившей кучу денег.

– Нравится? – спросил Сергей Львович.

Если честно, я не была уверена в разумности своего здесь

присутствия, но особого выбора не наблюдалось. Как это ни парадоксально, с Сергеем Львовичем я чувствовала себя куда спокойнее. В принципе я могла бы пожить у Ильи, остаться на эту ночь уж точно, но, странное дело, такого желания не возникло. Был еще Олег. Он, кстати, первым пришел на ум, когда я подумала об укрытии. Но подвергать его опасности очень не хотелось.

– Обживайся, – кивнул Сергей Львович. – Приму душ и буду тебя кормить.

С этими словами он исчез за дверью, а я, выждав пару минут, вернулась в холл, стараясь двигаться как можно тише. Вовсе не желание смыться привело меня сюда, хотя идея отнюдь не самая глупая. Когда мы вошли, Сергей Львович бросил сумку с документами на комод. Мне вдруг очень захотелось на эти самые документы взглянуть.

Я взяла в руки сумку и прислушалась – за стеной работал душ. Вздохнув с облегчением, я расстегнула молнию, и тут голос за спиной произнес:

– В боковом кармане. – А я едва не подпрыгнула от неожиданности.

Сергей Львович стоял в трех шагах от меня, оставалось лишь гадать, как он смог подобраться, не производя никакого шума.

– Ты ведь паспорт ищешь? – заботливо осведомился он.

– Чтоб тебя! – ответила я, пытаюсь выровнять сердцебиение.

– Милая, мне нечего скрывать, – расплылся он в улыбке. – Хотя должен предупредить: не стоит доверять бумаге. Даже с гербовой печатью.

– А чему стоит?

– Сложный вопрос. Лично я склонен доверять своей интуиции. У тебя она есть?

– Да вроде была с утра.

– И что подсказывает?

– Держаться от тебя подальше.

– С чего вдруг?

Похоже, мои слова его огорчили, удивили, вне сомнения.

– Тетка-то права: взгляд у тебя волчий.

– Да не... – дурашливо пропел он. – Не волчий. Я же акула капитализма. И взгляд у меня акулий.

– Тоже не очень хорошо.

Он взял из моих рук сумку, достал паспорт и, раскрыв его, сунул мне под нос. Берсенев Сергей Львович, год и место рождения.

– Как видишь, не женат, – перелистнув страницу, похвастал он. – А вот и регистрация.

– Далековато тебя занесло от родного дома, – заметила я.

– Тяга к перемене мест. А откуда, кстати, такое недоверие? Принцы, спасающие красавиц, уже не в моде?

– Спрос на вас стабильный, но, к сожалению, это тот редкий случай, когда спрос вовсе не рождает предложение.

– Ты не романтичная девушка, это я уже понял. Хочешь, примем душ вместе? – спросил он, убирая паспорт.

– Давай я в тебя для начала влюблюсь, – вздохнула я. – Или хоть попытаюсь.

– Давай, – вздохнул он. – Дальше по коридору – гостевая спальня, там тоже есть ванная. Чистые полотенца в шкафу.

Он удалился, а я отправилась дальше по коридору, прихватив свой мобильный. Включила воду, устроилась на бортике ванны и заглянула в соцсети. Сергей Львович отыскался довольно быстро, в Фейсбуке. За последний год отметился пару раз, но на фотографии, безусловно, был он, и это порадовало.

Покопавшись еще немного, я обнаружила упоминание о нем в СМИ его родного города. Успешный бизнесмен, благотворитель... Похоже, он не врал, а здесь действительно по делам. Вот только непонятно, с какой стати бизнесмену ввязываться в расследование и помогать девице, которую он знать не знает. Он сказал, что умирает от скуки. Звучит не очень убедительно.

Теперь главное: сообщать о нем Иванову или нет? Вопреки всякой логике, делать этого почему-то не хотелось. Я напредила себе, кем он может быть, и зажмурилась, вызывая в памяти картину: кровь на полу, ванна, забитая трупами... Стиснула зубы, чтобы не заорать. Повертела мобильный в руке. Если он и вправду бизнесмен, мой звонок ему никак не повредит. А вдруг повредит? И Иванов потащит его на допрос в свое ведомство? Как бы я отнеслась к подобному звонку на месте Берсеньева? Допустим, Сергея Львовича предупредили о появлении мошенницы, и он, едва со мной познакомившись, торопится позвонить в полицию. Как-то это не очень... Смахивает на донос. Пока у меня нет повода его подозревать. Стоит немного приглядеться к человеку и, если повод вдруг появится, немедленно звонить.

Вздохнув с облегчением, я приняла душ, а когда появилась в столовой, Сергей Львович, босой, в спортивных штанах и футболке, колдовал возле плиты. Пахло из кастрюльки божественно.

– Что это? – спросила я, подходя ближе.

– Кролик. Приготовил утром, остается только подогреть. Накрывай на

стол, тарелки вон там. – Он ткнул пальцем в шкаф. – Предваряя возможные вопросы, сообщаю: ключи от дома я получил вчера, сегодня утром переселился, но номер в гостинице не сдал, так как он оплачен до завтра.

– Ну да, ты ведь не мелочишься.

– В самую точку, милая.

Через десять минут мы сидели за столом, пили вино и ели кролика.

– Ты действительно его сам приготовил? – спросила я.

– Конечно. Что тебя смущает?

– Ты просто идеальный мужчина.

– Не особенно на это рассчитывай, – усмехнулся он. – У меня бездна недостатков.

– Например?

Он пожал плечами.

– Ну... тяга к перемене мест.

– В смысле, ты вскоре съедешь, а я останусь с разбитым сердцем?

– Обещаю относиться к твоему сердцу исключительно бережно.

– Пожалуй, я себя поберегу и влюбляться не стану.

– В общем-то правильно, – кивнул он, и мы оба засмеялись.

– В таком случае вопрос о совместном ночном досуге отпадает, – сказала я. – Я ищу большой любви, спать без нее с мужчиной неприлично.

Мы продолжали ужинать, болтая о пустяках. Где-то через час Сергей Львович поднялся из-за стола и сказал:

– Посуду мыть тебе. Моя спальня на втором этаже. Если вдруг соскучишься – заходи, не стесняйся. – И ушел наверх.

Я загрузила посуду в посудомоечную машину, нашла в ванной халат, отправила свои вещи в стирку и устроилась перед телевизором, очень надеясь, что Сергей Львович появится. Но видимо, у него были дела поважнее. Сообразив, что ждать его – труд напрасный, я пошла к себе, прихватив книгу, обнаруженную в гостиной.

Я честно пыталась читать. Но все мои мысли были о Берсеневе. Кончилось тем, что я вновь устремилась на просторы Интернета в надежде отыскать о нем какие-нибудь сведения. Похвастать особыми достижениями не смогла, зато время пролетело незаметно.

Утром я проснулась от стука в дверь.

– Завтрак готов! – крикнул Сергей Львович.

Я отправилась в ванную, а потом в кухню.

– Ты чудо как хороша, – улыбнулся Берсенев. – А у меня есть новость. Номер, по которому несколько раз звонил Вахромеев, был

зарегистрирован на Арсения Витальевича Смирнова.

– Скончавшегося Сеньку? – сообразила я.

– Выходит, что так. Последнее место работы уточняю... Сегодня проводим твою сестру, а завтра навестим коллег Смирнова. И заглянем в офис твоего родственника.

– Полиция там уже была.

– Далеко не все охотно беседуют с полицией.

– А с нами, конечно, кинутся откровенничать, – съязвила я.

– Надо постараться, чтоб кинулись, – подмигнул Сергей Львович.

Я позвонила сестре, Полина собиралась выехать через час. К этому времени мы уже находились возле дома Трифоновых. Вскоре на парковке появилась сестра с дочкой в сопровождении хозяина квартиры. Машина проследовала мимо нас, Берсеньев тронулся следом.

Город мы покинули. Никто, кроме нас, к машине Трифонова интереса не проявлял. До аэропорта добрались без происшествий, если не считать того, что дважды попали в пробку.

Вслед за сестрой мы вошли в здание аэропорта, понаблюдали за тем, как она проходит регистрацию, после чего проводили ее до паспортного контроля. Они с Сашкой скрылись за стеклянной дверью, и я вздохнула с облегчением.

Илья позвонил, когда мы возвращались к машине.

– Как дела? – спросил он.

– Сестру провожаю. Она летит в Германию.

– Так ты в Москве?

– Да. Вернусь завтра, – зачем-то соврала я.

– Хорошо. Увидимся.

Мне показалось или в голосе Ильи недовольство? Надо было честно сказать парню: сейчас мне попросту не до тебя. Обратная дорога заняла много времени, слушая классическую музыку, я ломала голову, как следует поступить и чего делать уж точно не надо, а когда мы наконец въехали в город, сказала:

– Сегодня я ночую дома.

Сергей Львович покосился с сомнением:

– Рискованно.

– Не думаю.

– Что ж, – пожал он плечами, вызвав легкую обиду тем, что уговаривать не стал.

Его домогательств я могу не опасаться, вчера он это наглядно продемонстрировал. Но кто сказал, что это так уж хорошо? По какой

причине его тянет на подвиги? Что у него за цель, если уложить меня в постель он особо не стремится?

– Хороший секс может быть лишь по обоюдному согласию, – вдруг заявил он, точно читая мои мысли.

Я сдуру покраснела.

– Вообще-то я думала о другом.

– О чем?

– О том, что привыкать к тебе не стоит, раз уж ты намерен во что бы то ни стало сбежать.

– Поэтому решила ночевать у себя?

– Ага.

– А я-то думал – ты обиделась, что вчера я не проявил инициативы, – разулыбался он.

– Я уже жалею, что связалась с тобой.

– На самом деле тебе повезло. Со всеми тайнами мы разберемся, всех злодеев отправим в кутузку и сольемся в объятиях. Не жизнь, а дамский роман!

– Ты читаешь дамские романы?

– Чего не сделаешь от безделья.

Он свернул к моему дому, но во двор заезжать не стал.

– Не будем светить машину. Зайдешь в квартиру, все осмотришь и отзвонишься. После этого я уеду. Щеколда на двери есть? – Я кивнула. – И стул вплотную к двери приставь. На мобильном набери номер полиции. Услышишь шум, сразу звони.

– Ты меня нарочно запугиваешь? – нахмурилась я.

– Может, ко мне поедем?

Я сквозь зубы чертыхнулась и вышла из машины.

Во двор входила с опаской. Подъезд и вовсе вызвал легкую панику. Однако никто меня здесь не подстерегал. Игнорируя свою квартиру, я направилась к Олегу.

– Привет, – открыв дверь, улыбнулся он. – Заходи.

Предварительно отзвонившись Сергею Львовичу, я устроилась на диване с чашкой чая и сообщила, что сестра улетела в Германию.

– Это хорошо, – кивнул Олег. – Тебе будет спокойнее. Новости есть?

– Вчера на меня какие-то типы напали, – вздохнула я и принялась рассказывать о визите к Вахромееву и о том, что за этим последовало. А вот о Сергее Львовиче рассказывать не стала, даже не берусь предположить почему.

Из моего повествования следовало: парни попытались меня схватить, я укрылась в магазине, после чего они поспешно уехали.

– В полицию заявила? – спросил Олег. Слушал он внимательно, смотрел с беспокойством. Я покачала головой. – Почему? – вновь спросил он.

– Свидетелей не было. Опять бы завели старую песню... Еще решат, что я психическая.

– Думаешь, это связано с тем, что ты побывала у Вахромеевой?

– Не знаю. Наверное.

– Значит, все-таки Павел... Каким-то людям или ему самому не нравится, что ты копаешься в этой истории.

Скорее всего, Олег прав. У родственника могло возникнуть желание меня припугнуть, чтобы в его дела не лезла. Если он жив, конечно. А если нет, значит, это те самые типы, что лишили его жизни.

– Номер тачки очень бы пригодился, – заметил Олег, и я с удивлением поняла, что не только обратила внимание на номер, но и прекрасно его помню. С готовностью продиктовала, а также назвала марку машины.

– Отлично, – кивнул Олег, передвинувшись к компьютеру.

Но радость моя оказалась недолгой.

– «Фольксвагена» этой модели с таким номером нет, – сообщил он.

– Выходит, я ошиблась.

– Скорее всего, парни обзавелись липовыми номерами.

– Можно я у тебя останусь? – подумав, спросила я.

– Конечно.

– Завтра собираюсь заглянуть к родственнику на работу.

– Может, мне поехать с тобой? Извини, – смутился он. – Толку от меня немного...

– Я так не думаю.

– Новых знакомых не появилось? – поторопился он сменить тему.

– Нет. Завтра собираюсь встретиться с Ильей. По-моему, он на меня сердит из-за всех этих неурядиц.

– Он тебе нравится?

– В девятом классе я была безумно в него влюблена. Но школу я давно окончила.

– Вы ведь были любовниками? А потом расстались? Почему?

– Нет, – засмеялась я. – Ничего подобного.

– Вы столько времени вместе... Вот я и подумал...

– Да мы не виделись с лагеря. На днях случайно встретились в магазине. Собственно, это будет наше третье свидание.

– Вот оно что... Тебе следует к нему приглядеться. По-моему, он симпатичный парень.

– По-моему, тоже.

Сергей Львович позвонил около десяти. К тому моменту мы с Олегом не только позавтракали, но и успели заглянуть в мою квартиру. Никаких сюрпризов.

– Довольно странно, – решила я и не сразу поняла, что произнесла эти слова вслух.

– Что? – спросил Олег. Пришлось объяснять.

– Кто-то навещался в мою квартиру. Что-то искал? Допустим. Правда, не совсем понятно что. Но уже несколько дней он здесь не показывается, хотя поначалу зачастил.

– Думаешь, ему известно, что я слежу за квартирой?

– Вопрос: как он об этом узнал?

– Предположить такое несложно, если он в курсе нашей дружбы.

– Откуда? – нахмурилась я.

– А если все проще? – продолжил Олег. – Он или они что-то искали, не нашли и решили поговорить с тобой. Вот позавчера и объявились.

Что ответить на это, я не знала. Вроде бы все так... Но на душе пакостно и беспокойно.

– Ладно, мне пора.

– Илья знает о нападении? – спросил Олег, когда мы покидали квартиру. Я покачала головой.

– Нет.

– Почему ты не рассказала?

– Не знаю... Вряд ли он будет в восторге от девушки, у которой столько проблем. Запросто лишусь жениха.

– Так он все-таки жених?

– Поживем – увидим.

Вот тогда и позвонил Берсенев. Сказал, что ждет меня в машине возле сквера. Сквер совсем рядом, и через десять минут я увидела «Мерседес». Выходит, машину он опять сменил. В «Мерседесе» никого не оказалось, и я уже начала беспокоиться, но тут из-за ближайших деревьев возник Сергей Львович и приветственно помахал мне рукой.

– Хорошая новость, – садясь за руль, произнес он. – Не похоже, что за тобой кто-то следит. Как прошла ночь?

– Спокойно.

– Жаль. Я-то надеялся, ты глаз не сомкнула, предаваясь мечтам. Вчера

всерьез задумался над своим поведением: а не слишком ли мало я себе позволяю? Мы еще даже не целовались ни разу.

– Я сейчас зареву. Ты этого добиваешься? Или лучше в обморок упасть?

– Падать-то с какой стати?

– Твои издевки делают меня несчастной. Между тем у тебя должна быть совсем другая функция.

– Хранить и защищать? Согласен.

– Внушать оптимизм и веру в собственные силы.

Хотя мы и были заняты болтовней, о деле Сергей Львович тоже не забывал и уверенно вел машину в одному ему известном направлении.

– А где «БМВ»? – поинтересовалась я.

– В гараже. По месту бывшей Сенькиной работы нас могут ждать заинтересованные лица, незачем тачку светить.

– Слушай, а ты точно бизнесмен? Временами смахиваешь на Джеймса Бонда.

– Я бизнесмен, милая. А бизнесмен должен уметь просчитывать риски. Не научиться вовремя – значит весь бизнес на фиг уронить с обрыва.

– Сравнение с Джеймсом Бондом тебе не нравится, – усмехнулась я. – С чего вдруг?

– Я вообще никаких сравнений не люблю... Кажется, приехали, – притормозив и оглядываясь, сказал он.

Я тоже осмотрелась. За забором из цементных плит шло строительство. Судя по всему, ни шатко ни валко. Особого оживления не наблюдалось. Но, приглядевшись, я все-таки заметила рабочих в ярких касках.

– Идем, – сказал Сергей Львович.

И мы направились к открытым воротам. Незадолго до этого на территорию въехала машина с цементом, и возле нее сейчас стояло несколько мужчин. Трое, судя по комбинезонам, рабочие, один, в джинсах и льняном пиджаке, скорее всего, начальство.

Мы тут же привлекли внимание.

– Что вы хотели? – спросил тот, кого я определила в начальники.

Берсенев с утра вырядился в костюм и белоснежную рубашку. Прибавьте к этому стильный галстук да еще запонки с черным камнем, загадочно мерцающим на солнце, и легкое обалдение при виде Сергея Львовича станет вполне понятным. Такие люди просто так на стройках Родины не появляются. Я было хотела уточнить у Берсенева, по какому случаю весь этот шик, но потом решила – много чести. Лучше

прикинуться, что на его внешний вид я попросту не обращаю внимания.

– Здесь опасно находиться, – неуверенно продолжил мужчина.

– Убежден, что вы абсолютно правы. У вас недавно человек погиб? – сказал Сергей Львович, мужчина нахмурился, подошел к нам и спросил, понижая голос:

– В чем, собственно, дело?

– Нет никакого дела. Есть пара вопросов. Ответите на них, и мы уйдем.

С этими словами Сергей Львович сунул под нос мужчине удостоверение и тут же убрал в карман. Фокусник, да и только. Наличие удостоверения вызвало у меня такое изумление, что я замерла, точно соляной столб.

– Но... все же вроде бы выяснили.

– Никогда не мешает уточнить еще раз. Итак... Арсений Витальевич Смирнов работал здесь...

– Сторожем, – кивнул мужчина, когда Сергей Львович сделал паузу. – Сторож обычно находится вот там, – ткнул он рукой в вагончик. – За каким чертом, прошу прощения, он на стройку поперся, не знаю. Может, заметил чего?

– То есть он зачем-то поднялся наверх...

– Да, на второй этаж. И оттуда свалился в яму. Прямо на арматуру. Зрелище очень неприятное. Утром его рабочие и обнаружили. Он, знаете ли, выпить был не дурак. Если уж быть точным, запойный. Держали его здесь из жалости. Кстати, когда-то он был хорошим поваром. В «Золотом павлине» работал. А потом скатился до ночного сторожа на стройке.

– И что этому поспособствовало, не знаете?

– По мне, так просто извечная тяга к «зеленому змею». Женат он не был, может, конечно, пить начал от несчастной любви, но я в такое не особо верю. Совершенно опустившийся тип. Жаль, я его не выгнал. Теперь огребаю неприятности лопатой, а у меня сроки. То охрана труда, то ваши коллеги... Беседы веду, вместо того чтобы дело делать.

– С кем-нибудь из рабочих он общался?

– Вряд ли. Его рабочий день начинался, когда у остальных заканчивался. Бухать он предпочитал в одиночестве, хотя, может, и приходил кто. В ту ночь он тоже нарезался. Непонятно, как двигаться мог. Свое мнение я уже высказал: мужик белочку словил, вот его и понесло на стройку. Алкоголь в крови зашкаливал. Да вы сами знаете.

– И пил он на рабочем месте?

– Само собой. Две бутылки выжрал, прошу прощения. Вторую, правда, не до конца. На столе в вагончике стояла.

– Что ж, не будем отнимать у вас время.

Мы простились и направились к машине.

– Думаешь, это действительно несчастный случай? – заговорила я, убедившись, что слышать нас не могут.

– Главное, что так в прокуратуре думают, – усмехнулся Берсеньев. – Тот, кто все это провернул, отнюдь не дурак. Два несчастных случая: один на стройке, другой на дороге, и обе жертвы в состоянии алкогольного опьянения. Между собой не связаны по крайней мере на первый взгляд. Но мы-то знаем, что это не так...

– Допустим, Павел и Вахромеев где-то пересекались: один работал в банке, другой – инкассатором. Но повар-то здесь с какого бока?

– А ты небось уже детектив придумала, – засмеялся Берсеньев. – Родственник с друзьями банк ограбил? Затаились, решили миллионы попозже тратить, а тут кто-то из них начал убивать подельников на почве неумной жадности.

Я посмотрела на него в большом раздражении, потому что как раз нечто подобное и пришло в голову, но теперь представлялось ужасной глупостью.

– И что в этом смешного? – сказала я.

– Да ничего, – покачал головой Сергей Львович. – Я вчера проявил интерес и никаких громких преступлений не обнаружил. Нераскрытых, я имею в виду.

– Но ведь что-то этих людей объединяет?

– Конечно. Причем что-то такое, из-за чего и убить могут. Кстати, родственник к питию как относился?

– Напиться, конечно, мог, но не увлекался.

– Да? Жаль.

– С чего вдруг?

– Просто подумал: что такого они натворили, если вдруг дружно запили? Тебе надо позаботиться о костюме, – без перехода заметил он, мы как раз проезжали мимо торгового центра, и он стал заруливать на парковку.

– О каком костюме? – растерялась я.

– Купим тебе заячьи ушки.

– А тебе упаковку виагры?

– Мне нравится ход твоих мыслей. Пока я, правда, без таблеток обхожусь. На самом деле я имел в виду костюм секретарши, раз уж тебе

придется ее изображать.

– Какой еще секретарши?

– Соберись, милая. Не с любовницей же мне идти на деловую встречу.

– Ты опять издеваешься? – нахмурилась я.

– Очень далек от этого.

– У секретарши должен быть какой-то особый костюм?

– У моей – да. Дуру я на работу не возьму. Значит, что-то строгое.

Узкая юбка ниже колен и блузка с длинным рукавом. При этом все должно выглядеть крайне сексуально. Женщина-трансформер. Горит на работе во всех смыслах.

– Ну ты и скотина! – с горечью констатировала я.

– Сам знаю. В действительности моей секретарше слегка за сорок, она замужем и мечтает о третьем ребенке... Мы будем создавать образ бродячего олигарха. И тут без выреза на твоей юбке никак.

В глубоком замешательстве я побрела за ним в торговый центр. То, что привычки у него дорогие, я уже знала, но считала, что секретарша должна быть гораздо скромнее. И на пороге бутика известного бренда, куда он меня ненавязчиво подталкивал, замерла и сказала:

– Твоя секретарша перебьется.

– Глупо жмотничать, плачу-то я.

– Да с какой стати?

Тут я заметила, что на нас уже обращают внимание, и поспешно вошла в магазин. Две девицы с бейджиками на груди выплыли нам навстречу. По тому, как они смотрели на моего спутника, стало ясно: роль женщины-трансформера их бы вполне устроила. С обидой на весь женский род и большим гневом на Берсеньева я сказала:

– Мне что-нибудь офисное.

Девицы выжали из себя по снисходительной улыбке и проводили меня в примерочную. Вскоре одна явилась с ворохом одежды, а другая щебетала с Берсеньевым, предлагая ему кофе. Я примерила юбку и взялась за блузку. С моей точки зрения, наряд вполне соответствовал.

– Дорогая, можно мне взглянуть? – пропел этот гад, появляясь вблизи примерочной.

– Можно, – ответила я, критически разглядывая себя в зеркало.

Он меня тоже оглядел и спросил девицу, пасшуюся поблизости:

– А есть такая блузка, но на кнопках?

– Есть. С потайной застежкой, – обрадовалась та и удалилась, а я спросила:

– Чем тебе пуговицы не нравятся?

– Так их же расстегивать замучаешься. У меня просто нет на это времени. То ли дело – дернул раз...

– Вот сейчас очень хочется дать тебе в ухо.

– Со всей страстью разделяю твоё возмущение, милая, – заметил он. – Но такой у нас образ.

Девушка вернулась, и полемику пришлось прервать. На этот раз блузка её удовлетворила, и юбка тоже.

– Может, купим тебе платьице? – спросил он.

– Мне что, придется переодеваться?

– Покупки улучшают настроение. Ты выглядишь немного взвинченной... Вот я и решил: два-три платьица тебе не помешают.

Собрав вещи, я метнулась к кассе, но тут он сладким голосом пропел:

– Ты забыла про туфли...

Туфли стоили столько, что захотелось наговорить людям гадостей. Но когда я их надела и увидела своё отражение в зеркале... В общем, Берсенев был прощён, а моё настроение значительно улучшилось.

Сергей Львович расплатился и оставил девушкам чаевые, непомерно большие за чашку-то кофе. По пути к машине он разговаривал по мобильному, а убрав телефон, сообщил:

– Планы немного изменились. Придется ехать прямо сейчас. Где предпочитаешь переодеться – в машине или в магазин вернемся?

– В туалете переоденусь, – буркнула я, забирая из его рук пакеты.

На переодевание ушло минут пятнадцать, двигаясь в сторону выхода, я заметила салон оптики и завернула туда. Выбрала, для полноты образа, очки и, чрезвычайно довольная собой, появилась на парковке. Сергей Львович выпорхнул из машины мне навстречу.

– Дорогая, ты восхитительна! Как это я об очках не подумал?

Тут он подмигнул, а я с удивлением обнаружила, что от всего этого маскарада получаю удовольствие.

По дороге в офис, где работал Павел, Берсенев меня инструктировал:

– На заднем сиденье папка. В ней бумаги, похожие на документы. Изображаешь крайнюю деловитость. Со мной в кабинет не заходишь. Никаких вопросов о Павле не задаешь, а вот по сторонам смотришь внимательно. Задача – выбрать «языка», от которого максимальная польза, то есть он достаточно близок к руководству и одновременно к лошадкам-трудягам. Поняла?

– Да. Что мы будем делать с «языком»?

– Пытаться, естественно. Он выложит нам все страшные тайны. Если сам их знает.

Вскоре мы входили в здание из стекла и бетона неподалеку от старого цирка. Нас здесь уже ждали. Рядом с охранником замер мужчина лет сорока. Завидев нас, кинулся навстречу, приветливо улыбаясь.

– Сергей Львович? Очень приятно. Гаврилов Антон Александрович. За мной, пожалуйста.

В лифте мы поднялись на четвертый этаж. Антон Александрович улыбался, переводя взгляд с меня на Берсеньева, точно не мог решить, кто ему больше нравится.

Выйдя из лифта, я едва не присвистнула: передо мной было просторное помещение, залитое солнечным светом. В несколько рядов стояли столы, за которыми трудились граждане, в основном молодые. В кабинетах здесь не прятались. Впрочем, на начальство данное правило не распространялось. С левой стороны располагалось несколько дверей, на одной – надпись «Приемная», туда мы и вошли.

Берсенев царственно кивнул находившейся там секретарше и еще трем мужчинам и, не задерживаясь, прошел в кабинет с лаконичной табличкой «Шаповалов Г.К.». Антон Александрович предусмотрительно забежал вперед и распахнул перед ним дверь, так что движение Сергея Львовича ни на мгновение не было приостановлено. Дверь захлопнулась, но присутствующие еще некоторое время на нее таращились, видимо, серьезно контуженные видом венценосной особы. В том, кто перед ними, сомнений, похоже, ни у кого не было, и даже отсутствие короны не смущало, а лишь свидетельствовало, что в подобных знаках отличия Берсенев попросту не нуждается.

Тут я вспомнила о своей причастности ко всему этому великолепию и спросила:

– Где я могу устроиться? – Тон мой намекал на крайнюю стервозность и убежденность, что присутствующие по первому требованию должны вскочить и расстараться.

– Вот здесь вам будет удобно? – произнесла секретарша, указывая на стол по соседству, и поспешно придвинула к нему офисное кресло, до той поры стоявшее у окна.

Я в знак благодарности кивнула, села, закинув ногу на ногу, и с сосредоточенным видом принялась просматривать бумаги, гадая при этом, как высмотреть «языка», если от основной массы граждан меня отделяют довольно прочные стены. Мужчины, ожидающие в приемной, теперь все свое внимание переключили на меня. Один, понизив голос, спросил секретаршу:

– Это надолго?

– Встреча продлится двадцать пять минут, – шепотом ответила она. – Так заявлено.

И все дружно уставились на меня.

– Значит, двадцать пять, – сказала я, не поворачивая головы. Добавлять, что у моего шефа нет времени на праздную болтовню, я сочла излишним.

«Ему еще секретаршу надо успеть трахнуть в ближайшем туалете», – ехидно закончила я, само собой, мысленно, но по мужским взглядам, обращенным ко мне, сообразила: наши мысли, скорее всего, схожи.

Переговорное устройство ожило, и хозяин кабинета попросил три чашки кофе. Девушка кинулась к кофемашине, я поднялась и произнесла ледяным тоном:

– Извините, я сама.

Она замерла с открытым ртом, я приготовила кофе, поставила чашки на поднос и кивнула. Несколько заплывшими она дрожащими руками взяла поднос и отнесла шефу. А я продолжила ломать голову, как выполнить задание.

В этот момент раздался звонок на мобильный. Звонила сестра, что было весьма кстати.

– Одну минуту, – сказала я и вышла из кабинета. С сестрой я разговаривала, понизив голос и прогуливаясь неподалеку от столов, обозревая офисное пространство.

Разговор длился недолго. Сестра спросила, как мои дела, я ответила «нормально» и задала свой вопрос:

– Можешь сказать, где работал Павел до встречи с тобой?

– В банке.

– А до банка?

– До банка нигде. Он устроился туда сразу после окончания института. Он в банке практику проходил, и руководство его оценило. Почему ты спрашиваешь?

– Для общего развития. Маме привет. Пока.

Я вернулась в приемную, разговор, который в полголоса вели без меня, тут же прекратился. Трое мужчин вроде бы старались в мою сторону не пялиться, но получалось у них неважно. Особенно старался молодой парень с ярко-рыжей шевелюрой, даже покраснел, так его разбирало. Он явно хотел что-то спросить, но не решился. Теперь все сидели молча, напряженно прислушиваясь, хотя из-за двери не доносилось ни звука.

– Я попозже зайду, – произнес самый старший из мужчин и покинул приемную.

Рыжий, делая вид, что уткнулся в бумаги, которые принес с собой, не спускал с меня глаз. Сидевший рядом коллега не выдержал и ткнул его локтем в бок. Он вздрогнул от неожиданности, покраснел, но плясать не перестал. Я тут же назначила его на роль «языка», уж очень любопытен. Опять же, далеко ходить не надо.

Взглянув на часы, я убедилась: Сергей Львович находится в кабинете уже двадцать пять минут. Через тридцать секунд после этого дверь распахнулась, и появился Берсеньев в сопровождении Антона Александровича и тучного дядьки лет пятидесяти.

Против воли я с удовлетворением отметила: мой-то в этой компании выглядит тигром в ватаге ободранных кошек.

– Рад знакомству, – кивнул он на прощанье и пошел к двери, лишь на мгновение задержав на мне взгляд. Я припустилась следом, отчаянно виляя бедрами.

– Бумаги готовы. Нужна только ваша подпись. Деньги, о которых вы спрашивали, одиннадцать минут назад поступили на счет.

Мы подошли к лифтам, Берсеньев бросил Антону:

– Не провожайте. – И шагнул в кабину.

В лифте мы оказались вдвоем, и Берсеньев буквально на меня повалился, размазывая по стенке. Я собралась дать ему в ухо, решив, что он заигрался, но тут стало ясно: он едва сдерживается от хохота.

– Одиннадцать минут назад, – передразнил он.

– Что, не то брякнула? – испугалась я.

– Ты была бесподобна.

Он поцеловал меня в нос и, одергивая манжеты, произнес:

– Берем Рыжего?

– Ты его заметил? – пролепетала я потрясенно.

– Само собой. Как можно не заметить Рыжего?

– Гад... – буркнула я, но двери лифта открылись, и с эмоциями пришлось повременить.

– Он нам подходит или нет? – уточнил Сергей Львович уже на улице.

– Подходит. Кстати, откуда у тебя удостоверение?

– Какое? – удивился он.

– То, что ты на стройке показывал.

– Напечатал на принтере. Люди очень уважают удостоверения, но никто толком не знает, как они выглядят.

Мы сели в машину и отъехали от офиса. Но недалеко. Заняли позицию на противоположной стороне улицы. Отсюда вход в здание был отлично виден.

– Что теперь? – спросила я.

– Ничего. Можем отправиться обедать в надежде, что в ближайшее время Рыжий не появится. Но рисковать я бы не стал.

Он устроил голову на подголовник кресла, поменяв очки на солнцезащитные, и вроде бы задремал.

– У меня есть новость, – сказала я.

– Валяй.

– Те типы, что на меня напали... «Фольксваген» с таким номером не зарегистрирован.

– Понятно. Машину они, скорее всего, угнали.

– Поэтому ты не стал ею интересоваться?

– Если у них хватило ума найти меня в гостинице, и довольно быстро, значит, на такую ерунду они уж точно способны.

– Слушай, кто ты такой, а? – спросила я почти просительно.

– Сольемся в объятиях? Мое сердце растает, и я все расскажу.

– Расскажешь ты, как же, – проворчала я в великой печали. – Свяжешься с таким, как ты, и все...

– Что все? – взглянул из-под очков Берсенев.

– Кирдык котенку, вот чего.

– Но ведь хочется? Я имею в виду, слиться? Надо потакать своим маленьким слабостям.

– Ага. И ухлопать годы на бесконечные страдания.

– Откуда этот пессимизм? Счастье будет ярким и...

– Недолгим, – подсказала я.

– Ничего подобного. Как и любое счастье, продлится ровно столько, сколько мы этого хотим.

– Сергей Львович, ты производишь ошеломляющее впечатление. И я понятия не имею, что с этим делать.

– Трахнуться. Узнаем друг друга поближе. Поверь на слово, это самое разумное. От жизни надо получать удовольствие сейчас, а не гадать, что будет завтра. Завтра вообще может и не быть.

– Это точно, – вздохнула я, очень хорошо об этом зная.

– Ну так что? – улыбнулся Берсенев. – Будем любить друг друга нежно?

– Любить я не против. Но от тебя хрен дождешься.

Он засмеялся и, придвинувшись ко мне, стал целовать. И я, признаться, увлеклась, ровно до той минуты, пока не подумала: «Да он время решил скоротать!» И уперлась руками в его грудь.

– Отвали.

– Временами ты так груба, что даже неловко, – посетовал он.

Неизвестно, чем бы закончилась наша перепалка, но тут в дверях офиса появился Рыжий в компании женщины лет пятидесяти. Стоя на ступеньках, они некоторое время разговаривали, а потом разошлись в разные стороны. Рыжий направился к машине, скромного вида «Хонде». Берсенев лихо развернулся, наплевав на правила, теперь от «Хонды» нас отделяла сотня метров.

– Твой выход, – сказал он.

И я отправилась к Рыжему. Он собирался сесть в машину, когда заметил меня и замер на месте с довольно глупым выражением на физиономии.

– Сергей Львович хочет с вами поговорить, – сказала я и повернула назад, не сомневаясь, что Рыжий последует за мной.

Так и вышло. Шел он, кстати, точно по минному полю. Косился на меня и отчаянно потел. Берсенев за это время успел пересест на заднее сиденье, там же и Рыжий устроился, а я впереди.

– Я собираюсь вложить в вашу фирму приличные деньги, – не удостоив Рыжего взглядом, начал Сергей Львович без предисловий. – И должен быть уверен, что там все в порядке. А еще я нуждаюсь в преданных людях, которые могут не сомневаться в моей благодарности.

– Так... это... у нас все хорошо. Я бы сказал, отлично, – пискнул Рыжий и торопливо откашлялся.

Близость больших денег лишала самообладания и навевала упоительные грезы.

– По бумагам так и есть. Смущает некое происшествие. Исчезновение вашего сотрудника. Просто так люди не исчезают.

– Вы Гришина имеете в виду? – сообразил Рыжий. Сергей Львович кивнул. – Но... никакого отношения к делам фирмы это не имеет...

– Уверены?

– Конечно. Выпил лишнего и за борт свалился. Менты... прощу прощения... полицейские у нас были... И тут же слухи пошли, что, мол, Гришина убили. Из-за того, что он на должность генерального метил. Вроде как его кто-то из наших устранил, убрал с дороги... Только все это глупости, и болтают те, кто ничего не знает. Никто Гришина генеральным назначать не собирался. Хоть он пыжился и болтал об этом на каждом углу. Специалист он средненький, но с хозяином умел общий язык найти. Стукач и подлиза – это если совсем попросту. И в своей карьере достиг потолка. Дать ему это назначение – значит навредить делу. А хозяин у нас не дурак и выгоду свою знает, оттого и собирался брать человека со стороны. Я даже

знаю, кого и откуда.

– И все-таки это происшествие настораживает. Роняет тень на репутацию фирмы. Могут предположить самоубийство. А это уже повод задуматься.

– Чтобы Гришин на себя руки наложил? Да ни за что! Я думаю, он в тот вечер так напился, потому что узнал про назначение.

– Что он вообще за человек? – спросил Сергей Львович, и Рыжий дал довольно подробную характеристику родственнику, с которой я была в принципе согласна. – Никаких странностей в его поведении в последнее время вы не заметили?

– Нет. Хотя... – тут Рыжий на минуту задумался, стоит говорить или нет, и все-таки продолжил: – Дня за три до происшествия я видел его в очень странной компании. В обеденный перерыв в кафе «Надежда». Это недалеко отсюда, на Алябьева. Я там с девушкой встречался. И вдруг Гришин... Видите ли, у нас есть один клиент, состоятельный человек. Но репутация... одним словом, он из бывших. Пару раз приезжал к нам в сопровождении своих головорезов. Старые привычки, как правило, долго не забываются. Так вот, Гришин сидел с одним из них. И когда заметил меня, занервничал. На следующий день подошел ко мне и принялся болтать всякую ерунду, а потом говорит: мол, вчера случайно в кафе с тем типом встретились. Но это вранье. Я видел, как они разговаривали. Доверительно, склонившись друг к другу, вроде что-то важное обсуждали.

– Вы думаете, ваш клиент может быть причастен к его исчезновению?

– Севастьянов? – вроде бы удивился Рыжий. – Нет, с какой стати. Я знаете, что подумал, когда их увидел? У Гришина неприятности, долги или еще что. Вот он к человеку Севастьянова и обратился за помощью. Такие обычно проблемы решают. Но это, конечно, только мои догадки, – поспешно добавил он. – Исчезновение Гришина на нашей работе вообще не сказалось, что лишний раз подтверждает: специалист он средненький. И если что-то с его исчезновением нечисто, то работа здесь совершенно ни при чем. Какие-то личные проблемы...

– Что ж, – кивнул Берсеньев, – благодарю вас. Надеюсь, в своих предположениях вы не ошибаетесь.

Чуть помешкав, Рыжий простился и полез из машины.

– Поехали в «Золотой павлин», – сказал Сергей Львович, пересаживаясь за руль.

– Зачем? – растерялась я.

– Обедать, естественно. Заодно наведем справки о покойном Сеньке, некогда поваре, а потом стороже.

– Сестра утверждает, что Павел работал только в двух местах: в этой фирме, а ранее – в банке. Где они могли с поваром пересечься?

– Да где угодно! – усмехнулся он. – Жизнь затейлива... Мы же с тобой, к примеру, пересеклись.

«Золотой павлин» мало чем отличался от прочих дорогих ресторанов, разве что обилием позолоты. На мой вкус, ее здесь было в избытке. Я попросила окрошку, официант ответил с покровительственной улыбкой «не держим».

– Если я ничего не путаю, окрошка – это оливье, разбавленный квасом, – влез Берсеньев.

– Кваса у нас точно нет, – сказал официант, но уже без улыбки.

– Вряд ли это проблема. Мы ведь в России. А в России любят квас.

– Я сейчас узнаю, – смутился парень и поспешно удалился.

Смутило его, само собой, не заявление Берсеньева насчет любви России к квасу, а сам Сергей Львович. От такого, как он, можно ожидать всякого. Вот он и поторопился удалиться. Вернулся еще стремительней.

– Окрошку для вашей дамы организуем, – бодро отрапортовал он. – За квасом уже послали. Что желаете вы?

Сергей Львович пожелал чего-то труднопроизносимого и дико дорогого, судя по крайней почтительности, которая читалась на физиономии официанта. Надеюсь, мой спутник не прогадает, и это все же можно есть.

А я принялась размышлять, чего вдруг сунулась с этой окрошкой. Умно, ничего не скажешь. Создала людям лишние хлопоты. Вместо того чтобы помолчать, я начала приставать к Берсеньеву:

– Тебе здесь нравится?

– В общем, да. Посмотрим, как накормят.

– Ты, кажется, сам хорошо готовишь.

– У меня бездна талантов, милая. Готовлю я неплохо, когда есть к тому желание. Обещаю роскошный завтрак в постель. Ты как?

– Забыла тебе сказать: у меня есть мужчина.

– Да ты что! И где он?

– Был в командировке. Сегодня вернулся. Так что завтраком меня есть кому накормить.

– Ты это сейчас выдумала?

– Ничего подобного. Я хотела, чтобы ты мне помог в расследовании, и оттого помалкивала. Но так как ты становишься навязчивым...

– Я понял, милая. Мы всего лишь партнеры. И никакого секса. Боже,

как это грустно.

– То есть расследование мы продолжаем? – уточнила я.

– Само собой. Все надо доводить до конца. К тому же я обожаю загадки. А тебе ничего не стоит передумать.

Нам принесли заказ, Сергей Львович пожелал мне приятного аппетита, я скромно поблагодарила и задумалась. «Откуда такая покладистость? Допустим, я ему действительно нравлюсь, и он решил мне помочь... Слегка отдает мелодрамой... Слова Сазонова настойчиво звучали в голове. Почему я до сих пор не позвонила ни ему, ни Иванову? Кто этот человек напротив? Я играю с огнем, и очень возможно, что доиграюсь...»

Вот тут бы отправиться в дамскую комнату и в самом деле позвонить. Но вместо этого я попросила:

– Расскажи о себе.

– Моя биография на редкость бедна событиями, – пожал плечами он. – Окончил институт, открыл собственное дело... Может, повезло чуть больше, чем другим, или я чуть больше старался. До первого миллиона баксов было интересно, кураж, и все такое... Потом кураж пропал, и остались лишь трудовые будни, пока я не понял, что жизнь одна и прожить ее нужно как-то иначе. Но как – так и не придумал. Словом, я в поиске. Теперь твоя очередь. Давно ты с этим парнем? Где познакомились? Ты собираешься за него замуж?

– Тебе это интересно? – нахмурилась я.

– Еще как.

– На самом деле ты просто уверен, что у меня никого нет. – Он пожал плечами, а я продолжила: – По-твоему, я не могу нравиться?

– По-моему, ты слишком хороша. У таких, как ты, с мужчинами всегда проблемы.

– Очень мило. Почему?

– Ты ищешь достойного. А их немного.

– Спасибо, что все мне так толково объяснил, – фыркнула я.

– Пожалуйста.

Трапеза наша слегка затянулась, Сергей Львович на чаевые не поскупился и сказал, что хотел бы лично поблагодарить повара. Повар незамедлительно явился. Мужчина высокого роста, немолодой и жилистый. В общем, он мало походил на расхожий стереотип – румяного добродушного толстяка. Чаевые принял с достоинством, похвалу выслушал не без удовольствия. Цену себе, безусловно, знал, но в признании своих заслуг нуждался.

Берсенев пел соловьем. Похвала изобиловала эпитетами, но звучала

искренне и сопровождалась благодарной улыбкой. В общем, дядя проникся, и Сергей Львович не преминул этим воспользоваться.

– Не могли бы вы мне оказать услугу? Как давно вы здесь работаете?

– С самого открытия, – с готовностью ответил мужчина.

– Смирнова Арсения Витальевича не припоминаете?

– Как же, помню. У парня был талант. Взял его с испытательным сроком, думал, так себе работник, а он удивил. Да еще как, учитывая, что до этого работал в какой-то столовке, то ли на турбазе, то ли вообще в приюте охотников. Сейчас уж не вспомню. Но водился за ним грех в общем-то понятный, но в работе мешающий.

– Запойный?

– Жуть. Как с цепи срывался. Я бы потерпел, руки-то у него и впрямь золотые, из ерунды сделает шедевр... Но хозяин был против. В общем, уволили. Он еще какое-то время держался, а потом покатился по наклонной. Не знаю, где сейчас, но поваром точно не работает. Я бы знал.

– Спасибо, – улыбнулся Сергей Львович, и мужчина неспешно удалился.

– И что нам это дает? – съязвила я.

– Тебе окрошка не понравилась? – удивился он.

– Мы ведь не за этим пришли?

– Я и за этим. До «Золотого павлина» Сенька работал то ли на турбазе, то ли в приюте охотника. Или рыболова? Куда не так давно, возможно, отправился Петр Вахромеев и узнал о смерти своего знакомого. После чего принялся звонить Сеньке и написал письмо твоему родственнику.

Теперь, когда он это произнес, оставалось лишь удивляться, как я сама до этого не додумалась.

– Но... как мы узнаем, где эта турбаза?

– Узнаем.

– Но Павел там точно не работал.

– Он мог не рассказать об этом твоей сестре.

Я кивнула. В самом деле, почему бы нет?

– Вдова Вахромеева сейчас наверняка оформляет пенсию, ведь у нее ребенок... А работники собеса довольно придиричивы. Навещу ее еще раз...

– Опять без меня? Она тебе понравилась?

– Милая, – засмеялся он, – откуда эти нотки ревности? У тебя ведь есть парень...

– Простое любопытство, – скривилась я.

Мы покидали ресторан, когда позвонил Илья. Поначалу я обрадовалась и с жаром заявила в ответ на его вопрос:

– Конечно, встретимся. Хочешь, буду ждать тебя возле школы?

Он хотел и даже очень. Встретиться договорились через полчаса.

– Я тебя отвезу, – сказал Сергей Львович. – Говори куда. И не забывай: у тебя есть враги, и они не дремлют. Надеюсь, твой парень сможет тебя защитить?

– Сможет. Он спортсмен.

– Быстро бегают? Ладно, не злись. Я уверен, он прекрасен, иначе с какой стати тебе тратить на него время?

Он посмеивался надо мной, и никакой ревности в нем не чувствовалось, что было обидно. Довез меня до спортивной школы и, сделав ручкой, умчался, а я осталась стоять с сиротством в душе и стойким желанием немедленно оказаться рядом с ним.

Тут появился Илья, и я попыталась радоваться жизни, ведь передо мной был мужчина, о котором я когда-то мечтала. Видно, осуществилась мечта слишком поздно. Радость была натянутой. Почему-то очень хотелось реветь. Потом явилась мысль: а жизнь, желая того или нет, мне Берсеньев основательно подпортил, потому что отныне всех мужчин я буду сравнивать с ним. И вряд ли в их пользу. Красавец Илья теперь казался серой мышкой, хотя Сергей Львович броской внешностью похвастать не мог.

«Да что ж такое! – думала я в досаде. – Неужто влюбилась? Ни с того ни с сего? А как еще влюбляются? Долго приглядываясь?»

– Ты сегодня задумчивая, – заметил Илья, устав в одиночку поддерживать разговор.

– История с сестрой не дает мне покоя.

– Сестра ведь улетела? Повода для тревоги нет. Поехали ко мне.

Теперь подобная перспектива никакого энтузиазма не вызывала. «И зачем мы только встретились?» – в досаде подумала я и ответила:

– Сегодня не самый подходящий день, – уже зная, что подходящих дней не будет.

– Хорошо, давай прогуляемся.

Мы отправились к набережной и исправно гуляли часа два. Зашли в кафе и съели мороженое.

– Наверное, я тоже уеду, – не совсем к месту сказала я.

– Почему? – нахмурился Илья.

– Там мама, сестра с племянницей.

– Надеюсь, ты все-таки этого не сделаешь, – проговорил он, не без труда подбирая слова. – Для меня очень важно, чтобы ты осталась. Теперь мне даже подумать страшно, что столько лет я жил без тебя.

«С чего это вдруг?» – едва не съязвила я, но вовремя одумалась, сжала его руку и благодарно улыбнулась.

Закон подлости в действии: когда Илья был нужен мне до зарезу, он обо мне даже не вспомнил, а теперь, когда без надобности, чуть ли не в любви признается.

– Проводишь меня? – заторопилась я домой.

– Конечно.

Прощаться я начала еще до того, как он притормозил у подъезда. Обошлось без поцелуев, с чем я себя и поздравила.

«Надо сменить мобильный и в квартире не показываться», – с досадой подумала я, входя в подъезд, и решила заглянуть к соседу. Но его не оказалось дома.

Постояв возле собственной двери, я подалась на улицу. Дошла до сквера, позвонила Олегу. Он был в поликлинике. Спросил, как мои дела.

– Нормально, – вздохнула я и, закончив разговор, принялась вертеть мобильный в руке. Самолюбие вставало на дыбы, но ему пришлось заткнуться, так хотелось позвонить Берсеньеву.

И я позвонила. Само собой, утешая себя тем, что делаю это в интересах следствия.

– Ты где? – спросила я.

– Где-то тут, – ответил он. – Не могу поверить, что ты вспомнила обо мне в объятиях своего парня.

– Нет у меня парня, – вздохнула я.

– Хорошая новость.

– Если ты не занят ничем полезным, может, забереешь меня? Я в сквере возле своего дома.

– Разумеется, милая.

Он подъехал через двадцать минут, и я села рядом с ним с таким чувством, точно мы не виделись целую вечность и мне не терпится заключить его в объятия. Вполне вероятно, я бы так и сделала, если бы не заметила след от губной помады на его белоснежной рубашке. Совсем рядом с воротом.

– Она брюнетка? – спросила я ехидно.

– Кто?

– Девица, с которой ты обнимался.

Он посмотрел в зеркало и усмехнулся.

– Я утешал вдову. Женщины чувствительны и нуждаются в поддержке.

– Ты бабник, да? Ни одной юбки пропустить не можешь?

Я злилась, и слава богу, могла ведь и разреветься. Он засмеялся и скалил зубы не меньше пяти минут, пока я не спросила:

– И чего смешного я сказала?

– Милая, с какой стати ты мне закатываешь сцену ревности? Мы ведь еще даже не любовники.

– И не будем. На фига мне такой, как ты?

– Доразбрасываешься мужиками. Помрешь в девках, – продолжил веселиться он. – Кстати, за нами хвост.

Прозвучало сие так неожиданно, что в первую минуту я решила, что это такой хитрый ход, чтобы отвлечь меня, но Берсенев вполне серьезно продолжил:

– Пристроился от самого сквера. Черный «Лендкрузер».

– А номер видишь? – заволновалась я.

Номер он назвал, и я со вздохом сообщила:

– Это Илья. Тот самый парень, с которым у меня было свидание.

– Так парень у тебя все-таки есть?

– Нет. То есть мы встречаемся, но ничего серьезного не было.

– Утешительно. А за нами он с какой стати припустился?

– Я... я думаю, он заподозрил... ему показалось странным мое поведение, и он захотел узнать, в чем дело. Увидел, как ты подъехал...

– И что прикажешь делать? Светить наше убежище очень бы не хотелось, где еще такое найдешь?

– Удрать от него мы сможем?

– Само собой.

Берсенев принялся петлять по переулкам, а я напряженно ждала, когда зазвонит мобильный. С моей точки зрения, Илья был обязан позвонить. Или нет? Звонка не последовало, а оторвались мы от него довольно быстро.

Через полчаса мы уже входили в дом, поставив машину в гараж. Сергей Львович занялся ужином, я отиралась поблизости. После ужина он устроился на диване с бокалом вина и ноутбуком на коленях.

– Иди ко мне, – позвал он, и прозвучало это так естественно, так просто, что я подошла и села рядом.

Он поставил бокал на журнальный стол и обнял меня. Я пристроила голову на его груди, чувствуя, как все во мне замирает от счастья.

– Судя по трудовой книжке, Вахромеев девять лет назад работал в ООО «Факел». Инструктором. Довольно странная должность, учитывая, чем это ООО занимается. Однако выяснилось кое-что интересное. Среди объектов, принадлежащих фирме, числится «Приют рыбака». – На экране

появился бревенчатый домик, а рядом – сооружение поменьше, скорее всего баня. – Вот там наличие инструктора вряд ли бы удивило.

– Ты хочешь сказать, Вахромеев и Смирнов работали там?

– Учитывая, что сказал повар в «Золотом павлине», это вполне логично.

– Но Павел там точно не работал. В это время он институт оканчивал. Что ему делать на этой базе?

– А если он там отдыхал?

– По-моему, к рыбалке он равнодушен. Но, допустим, ты прав. И что?

– Давай прокатимся в этот «Приют».

– Хорошо. А где он находится?

– Деревня Нижние Клепики. Не так далеко от города, километров пятьдесят.

– Я знаю это место. Там лагерь, в котором я отдыхала... – Тут возникло нечто вроде предчувствия, и я хмуро спросила: – Когда, ты говоришь, Вахромеев работал в «Приюте»?

– Девять лет назад. Проработал чуть больше года. Устроился в сентябре, а уволился в декабре следующего года.

После некоторых подсчетов я удовлетворенно кивнула:

– В то лето я как раз отдыхала в лагере.

– Серьезно? Занятное совпадение.

– Родственника я там точно не встречала. Хотя и базу эту совсем не помню. Должно быть, она находится на другом берегу озера...

– А не припомнишь ли каких-то событий в то лето? Сгодится любое происшествие...

– Шутишь? – усмехнулась я и тут же пораженно замерла.

– Ну? – поторопил он, и я ответила:

– Из лагеря пропали двое молодых людей. Парень и девушка. Их вроде бы так и не нашли. Господи... – пробормотала я. – Ты думаешь...

– Ничего я не думаю, – перебил он. – Первое правило: избегай поспешных выводов. Хотя факт интересный. Придется вновь напрягать моего приятеля. Пусть выяснит, что там с этой пропавшей парочкой, нашлись или до сих пор в розыске.

Я сидела, прижавшись к нему, мысли лихорадочно метались, хоть Сергей Львович и предлагал не торопиться с выводами, но версии уже являлись, одна фантастичнее другой.

– Хватит лоб морщить, – со смешком сказал Берсенев, убирая мои волосы и целуя в висок. – Лучше выпей вина и подумай о чем-то приятном.

– О тебе? – вздохнула я, задрав голову и глядя ему в глаза.

– Почему бы и нет?
– И что я должна о тебе думать?
– Что я тебе очень нравлюсь и ты хотела бы заняться со мной любовью.
– А я тебе нравлюсь?
– Ты не можешь не нравиться, – фыркнул он. – Как только я увидел тебя на веранде ресторана, сразу понял: моя песенка спета. Так и вышло.
– У тебя же тяга к перемене мест. Ты уедешь, а я буду страдать.
– В принципе мне нравится ваш город, – дурашливо сморщил он нос. – А потом: зачем так далеко загадывать? Существует только здесь и сейчас. Вот этот миг, когда ты рядом, и мне очень хочется тебя поцеловать. Кто знает, что нас ждет завтра? Может, такого момента уже не будет, и мы станем сожалеть, что бездарно прошляпили свой шанс.
– Ты змей-искуситель, – улыбнулась я.
– Я человек с большим жизненным опытом.
Он провел рукой по моему лицу, а потом меня поцеловал.
«Он даже в шутку не сказал, что мы будем вместе», – с печалью подумала я, а сердце щемило от нежности к нему и предчувствия муки, которая, наверное, всегда неизбежна, если речь идет о любви. А я любила его. Это было так неожиданно и вместе с тем предельно ясно. Бескомпромиссно. Я его любила.
– Ты прав, – сказала я. – Ничего нет важнее этой минуты.

Думаю, даже у женщины куда более опытной крышу бы снесло от такого любовника, чего уж говорить обо мне? И, лежа рядом с ним, я думала: «Какой это царский подарок! Это бесконечное счастье и бесконечная радость, что я пережила сейчас, точно мы вместе взмыли в облака». Но даже тогда меня не оставляло чувство утраты, потому что каждый миг неповторим, и, проживая его, мы навсегда его теряем.

И я смеялась от счастья и уснула со слезами на глазах. А проснулась ближе к утру. За окном – серые сумерки, и, еще не открывая глаз, я поняла, что в постели, которую мы делили с ним, я лежу одна. Одна, хоть и заботливо укрытая одеялом.

«Нельзя дать человеку все, а потом отнять», – подумала я и сказала тихо:

– Не бросай меня...

Знала, что он не услышит, вот и не боялась сказать.

Ночник стоял на полу, пятно света среди тьмы. Я протянула руку, выключила его, опять включила. Поднялась, набросила рубашку

Берсеньева. Ту самую, со следами чужой помады, и тихо вышла из спальни.

Он сидел в гостиной, на полу перед окном, прислонясь спиной к креслу. Прозрачный тюль был сдвинут в сторону, и последние звезды догорали в предутреннем небе.

Он пил вино и смотрел в эту бесконечную даль, и, наверное, тоже тосковал о чем-то – о мирах, что навсегда исчезли? И теперь оставалось лишь одно: любоваться их отраженным светом, за которым ничего нет. Пустота. Я испуганно замерла, точно нарушила табу, а он спросил, не поворачиваясь:

– Проснулась?

Я подошла и села рядом. Обняла его, прижавшись теснее, бокал ему пришлось поставить. Он был рядом, и вновь возникла иллюзия того, что мы одно целое.

– Плохой сон? – заботливо спросил он.

– Испугалась, что тебя нет рядом.

– Вот он я, – засмеялся Берсеньев.

– Не спится? Мог бы разбудить меня, с удовольствием составила бы тебе компанию.

– Юным девушкам важно высыпаться, чтобы не портить цвет лица.

– Извини, если помешала, – сказала я.

– Глупости. Чем таким я занят?

И замолчал. И это молчание я ощущала почти физически, оно было точно стена, разделяющая нас. И чем дольше длилось, тем невозможнее казалось его нарушить.

– У тебя кто-то есть? – собравшись с силами, спросила я.

– Что? – удивился он. – А-а... нет. Я свободен, как ветер.

– Хорошее сравнение.

– Банальное.

– Ветер не удержишь.

– Давай сформулируем иначе: я раздолбай, в голове которого свищет ветер.

– Раздолбаю все пофиг, – возразила я. – А тебе нет. Тебе больно.

– Да с чего ты взяла? – засмеялся он. – У меня бессонница, предвестие недалекой старости. Дяденька-то уже в возрасте.

– Я видела твой паспорт, так что не прибедняйся.

– Ах, ну да... Но ведь и от юности успел удалиться.

– Значит, ты о юности тоскуешь?

– Милая, я просто квасил в одиночку. Ты замерзла, руки – точно ледышки. Пойдем-ка, я тебя согрею.

Он вскочил, легко поднял меня на руки и понес в спальню, а я уткнулась лицом ему в грудь, чтобы не разреветься.

Утром он готовил завтрак и строил планы на сегодняшний день. Я сидела, подвернув под себя ноги, пила кофе и таращилась на него.

– Ты красивый, – сказала невпопад.

– Да? Вот уж действительно новость. У тебя первая стадия влюбленности, когда все в партнере нравится, все умиляет и вызывает восхищение. Потом разглядишь кое-какие недостатки, а потом их будет столько, что они легко перевесят немногие достоинства.

– Я вызываю у тебя восхищение?

– Безмерное. Особенно когда сидишь в моей рубашке и заливаешь ее кофе.

– Ты жмот? Жалко рубашку для любимой девушки?

– Как быстро ты прошла первую стадию. Начинаю беспокоиться: такими темпами от твоей любви к вечеру и следа не останется.

– Это вряд ли.

Он поставил передо мной тарелку и поцеловал меня в макушку.

– Ешь.

– Спасибо, ты заботливый.

– Не обольщайся. Я привык хорошо завтракать, а от тебя, понятное дело, ничего не дождешься.

– Я умею готовить, – похвасталась я.

– Да ну?

– У меня бездна скрытых талантов.

– Мне и явных за глаза.

Через час мы отправились в Клепики. Дорогу от районного центра я помнила смутно, пришлось воспользоваться навигатором. Вскоре мы выехали к озеру, и я увидела с десяток деревянных домов, пристань у воды и развешанные на треногах сети.

– Никакой базы тут не видно, – проворчала я.

Дорога начала удаляться от озера, и мы обнаружили целую улицу добротных домов, в основном из кирпича, автобусную остановку и магазин. Возле магазина мы остановились, намереваясь уточнить дорогу.

Тут в досягаемой близости появился мужчина в резиновых сапогах, ветровке и с удочкой в руке. Сергей Львович открыл окно и громко его окликнул:

– Не скажете, как проехать к «Приюту рыбака»?

– Так вам надо было свернуть еще до въезда в деревню, – ответил он. – Теперь придется круг делать. Поезжайте прямо, на развилке свернете – и дальше по дороге вдоль озера. Километра три будет.

– Спасибо, – поблагодарил Берсенев, собираясь закрыть окно, но мужчина опять заговорил.

– Только ведь не работает приют-то.

– Не работает? Почему?

– А пес его знает. Говорят, вроде затопило его. Работников распустили и никого не принимают.

– Давно?

– Да вроде месяц уже, может, поболее. – И зашагал дальше.

«Приют» мы отыскиали без труда. На пологом берегу примостились несколько домов, больше похожих на бани, с трех сторон их огородили добротным забором, с четвертой стороны забора не было вовсе, здесь грунтовая дорога обрывалась. Вскоре стало ясно: на базе грядут большие перемены, о чем свидетельствовали стройматериалы под навесом, бульдозер и дорожный каток, приткнувшийся у забора.

Оставив машину на дороге, мы вошли на территорию, оглядываясь в поисках живых существ. Таковых не обнаружилось. Никто не спешил навстречу, задаваясь вопросом, что нам здесь понадобилось.

– Хозяева! – крикнул Берсенев, ответом была тишина.

– Кто-то должен за стройматериалами присматривать. Положим, каток вряд ли свистнут...

– Не скажи. Кому-то запросто и он понадобится.

Осторожно ступая, чтоб не подвернуть ногу на взрытой земле, мы дошли до ближайшего дома. На двери замок. Левее – бревенчатое здание, довольно большое, рядом с дверью висит корабельный колокол. Я дернула за веревку и невольно вздрогнула. Звук получился внушительный, его отголоски еще некоторое время разносились над округой.

– Чего надо, молодые люди? – услышали мы голос, из-за угла дома появился мужичок в телогрейке на голое тело.

– Отдохнуть у вас хотели. Порыбачить, – ответил Сергей Львович.

– Это теперь не скоро, видите, перестройку затеяли. Каждый год, как вода поднималась, нас подтапливало. Вот, решили, значит, все до ума довести.

– А что, ни лодок, ни снастей нет?

– Есть, конечно, в ангаре. Девушка тоже рыбачит?

– Большая любительница, – заявил Сергей Львович со всей

серьезностью. – Ну, так что скажете?

– Да я-то не против, – хмыкнул мужичок. – Но не я здесь главный. Идите по тропинке к озеру, там хозяина найдете. Разрешит, дам и лодку, и снасти.

– Хозяин – это господин Никольский? – вроде бы не поверил Берсеньев.

– Юрий Николаевич, – кивнул мужичок.

Мы пошли по тропинке, в просвете между домами виднелось озеро. На деревянных мостках сидел мужчина в полосатой майке и шляпе с широкими полями, держа в руках удочку. Сидел неподвижно и вроде бы дремал. Но, услышав наши шаги, оглянулся.

У него было интересное лицо, с большим носом и глазами чуть навыкате. Немного за пятьдесят, загорелый и крепкий, из тех, кто свободное время предпочитает проводить на воздухе.

– Доброе утро, Юрий Николаевич, – приветствовал его Берсеньев.

– Доброе...

– Ключет?

– Не очень. У вас ко мне дело?

– Разговор.

– Озадачили. Чем обязан? Ладно, идемте чай пить, все равно болтовней всю рыбу распугаем.

Он поднялся и зашагал к дому, где висел колокол, мы шли следом. Видимо, здесь тоже намечался ремонт – вся мебель была сдвинута в одну сторону и укрыта пленкой, но возле окна стоял стол с электрическим чайником, две лавки и открытый шкаф с посудой.

Юрий Николаевич включил чайник, достал чашки и вазочку с вареньем, сообщив не без гордости:

– Свойское.

– Спасибо, – сказала я.

– На здоровье. Угощайтесь. Так что у вас ко мне за разговор?

– Девять лет назад здесь работал некто Вахромеев, Петр Викторович. Не припоминаете?

– Отчего же, отлично помню, он мне вместе с этой базой достался. Продавали ее за сущие копейки. Я и купил. Сам толком не знал – то ли все как есть оставить, то ли построить дом да жить здесь летом. Места эти мне всегда нравились. Красота. И комаров мало. Заметили?

Мы дружно кивнули – комары во время нашей короткой экскурсии к озеру в самом деле не досаждали.

– Купить купил, а что-нибудь путное сделать руки так и не дошли.

Теперь вот вроде решился. В общем, когда база ко мне отошла, здесь был единственный работник – Вахромеев. Зимовал в одиночку. Сменщик, правда, у него был. Из местных... Федотов Максим. Работы особой нет, сюда редко кто навещался, потому что о базе мало кто знал, и я ее особо не рекламировал, так и не решив, что здесь будет.

– А Федотов, случайно, чуть больше месяца назад не скончался?

Юрий Николаевич внимательно посмотрел на Берсеньева и кивнул.

– Утонул по пьяни. Говорят, с мостков упал. Он был большой любитель ночной рыбалки, да, видно, перебрал в ту ночь. Нашли утром, возле берега.

– Досадное происшествие.

– Ага, народ здесь в основном пьющий. Бывает, что тонут. Один вон под собственный трактор попал. До сих пор все гадают, как угораздило.

– Вахромеева, кстати, недавно похоронили. Машина сбила. Шел домой поздно вечером, тоже навеселе.

– Выпить он был не дурак, – усмехнулся Никольский. – Они с Федотовым самогонку гнали и продавали местным. Самогонный аппарат работал без перерыва.

– Незадолго до своей смерти Вахромеев приезжал сюда.

– Да? Не знал. Может, у Федотова останавливался?

– Федотов, вероятно, был уже мертв. А потом и Смирнов скончался.

Помните, работал у вас поваром?

– Сенька? – нахмурился Юрий Николаевич.

– Он самый.

– А с ним что?

– Неудачно упал на стройке с высоты второго этажа.

– На стройке? Что он там делал? Он же в «Золотом павлине» работал. Сам мне хвастался.

– Работал, но «зеленый змей» победил. И он стал работать сторожем на стройке.

– Жаль. Повар был от бога. Квасили они здесь все по-черному. От безделья, наверное.

– То есть Сенька работал здесь в одно время с Вахромеевым и Федотовым?

– Зимовали, как я уже сказал, вдвоем. А весной взял на работу Сеньку. Мать его за него просила, она у меня уборщицей в офисе работала. Хорошая женщина, хотелось помочь. Сказала, после училища никуда не берут, а работать парню надо. Я и взял. Думал, повар из него средненький, а он такие котлеты из щуки... Жалко, что все так повернулось.

– Значит, работников было трое?

– До лета – да. Два мастера на все руки: и охранники, и инструкторы, ну и повар. Летом еще студента взял. Толковый парнишка, был администратором. Летом народ приезжать стал, даже в будни. А потом пошли дожди, и базу затопило. По деревянным настилам ходили, под ногами болото. Тут я понял, почему так дешево за объект просили, да поздно. Весной беда, и летом не лучше, но мне здесь нравилось. Приезжал, хоть и не часто. И у мужиков работа, а для меня невеликие деньги. Любимая игрушка, одним словом, которая доходов не приносила. И так все девять лет.

– Но парней вы в конце концов уволили?

– Сами ушли. Я ж сказал, для меня деньги невелики. За хозяйством смотрят, соберусь сюда – баню натопят, поесть приготовят, как в лучшем ресторане. Чего еще надо? Я и с гостями сюда ездил, один раз даже с губернатором. Прежний губернатор рыбалку уважал. По осени мужики в город засобирались. То есть студент еще раньше уехал, что было понятно, за ним Сенька и Вахромеев. Остался один Федотов, ему деваться некуда. Пять месяцев назад чуть здесь все не подпалил со своей самогонкой. Я сгоряча послал его. Думал, уговаривать будет, а он вроде как обрадовался. Ушел к матери на шею... А теперь я бы тоже хотел задать вопрос. Почему вас все это интересует?

– Эта девушка, – кивнул на меня Берсеньев, – родственница того самого студента. Не так давно Павел исчез с прогулочного корабля. По версии полиции, утонул, будучи нетрезвым. Однако тело до сих пор не нашли.

– Вот как? – кивнул Никольский и нахмурился.

– Четверо мужчин, – продолжил Сергей Львович, – работавшие здесь девять лет назад, погибают друг за другом в течение полутора месяцев. Интересное совпадение, как вы думаете? Каждая из этих смертей сама по себе у правоохранительных органов вопросов не вызвала. Разве что история с Павлом, да и то потому, что труп не найден. И не прояви милая девушка настойчивость, вряд ли кто связал бы все эти события воедино. Студенту вы трудовую книжку не заводили? Значит, связать Павла с этой базой и остальными тремя работниками практически невозможно.

– И какой вы делаете вывод? – усмехнулся Никольский.

– Логично предположить, что девять лет назад здесь произошло некое событие...

– Девять лет назад здесь пропали двое молодых людей, которые отдыхали в летнем лагере, – подхватила я.

– Да, я помню эту историю. Очень хорошо помню. Потому что примерно в то же время пропала моя сестра. Говорю примерно, так как точная дата ее исчезновения до сих пор не установлена.

Я немного посидела истуканом, а потом спросила:

– Вы не могли бы рассказать об этом подробнее?

– Пожалуйста, – пожал он плечами. – Моя сестра Кассандра покинула свой офис в 17.30, села в машину, о чем впоследствии сообщил охранник, и больше ее никто не видел. Машину три дня спустя обнаружили в аэропорту, после того как муж заявил об исчезновении супруги. Больше двух суток она не отвечала на телефонные звонки, и он забеспокоился. К тому моменту здесь уже вовсю велись поиски пропавших из лагеря детей.

– Я правильно понял: вы связываете исчезновение вашей сестры с этим местом? Хотя последний раз ее видели в городе? – задал вопрос Сергей Львович, Никольский нахмурился.

– У меня для этого есть основания. После ее исчезновения я пытался провести собственное расследование и кое-что узнал. Сестра бывала в «Приюте». Дважды – совершенно точно. Я определил это по звонкам с ее мобильного. И мне об этом не было известно, я имею в виду, что она приезжала сюда в мое отсутствие, не сообщив об этом мне.

– И кому-то звонила, находясь здесь?

– Да. Но узнать кому, я так и не смог.

– Мобильный не был зарегистрирован? – спросил Берсенев.

– Именно.

– И что по поводу ее присутствия здесь вам сообщили работники базы?

– Признались, что несколько раз она действительно приезжала. Одна. Клялись и божились, что одна. Останавливалась в крайнем домике, ближе к озеру, и просила ее не беспокоить.

– Встречалась с любовником?

– Ну не рыбу же ловила, – хмыкнул Никольский. – Отношения у нас с сестрой были сложные. Я бы, кстати, очень порадовался, разведись она с мужем. Но эти тайные встречи, да еще здесь... В общем, она предпочла не ставить меня в известность.

– Вы думаете, покинув офис, она отправилась сюда?

– Возможно. Хотя все четверо клялись, что на базе ее не было.

– Считаете, они лгут?

– Почему же? – Он вновь пожал плечами. – Они могли и не знать. Допустим, машину она оставила на берегу за кустами. Отличное укрытие. И прошла со стороны озера. Учитывая, что мои работники любили

выпить... В тот день рыбаков на базе не было, середина недели. В общем, отдыхали люди...

– А этот таинственный любовник? Вряд ли он был из местных. Трудно представить, что ваша сестра увлеклась сельским жителем.

– Кто знает? Это мог быть кто-то из дачников. На самом деле я думаю, они не рисковали светиться в городе, вот и выбрали это место. Никого из чужаков в деревне не видели. Я ведь сказал, что предпринял собственное расследование. Либо он очень осторожен, либо встречались они здесь всего-то пару раз. Не успел примелькаться.

– Что, если он приезжал сюда на рыбалку и останавливался в «Приюте» вполне официально?

– Я тоже так подумал. Но, по словам работников, в те дни, когда она звонила отсюда, на базе вообще никого не было. И записи в журнале это подтверждают.

– Парни могли лгать, а записи в журнале не делали сознательно.

– Могли, – кивнул Николай. – Я ведь их с пристрастием не допрашивал.

– Но о своих подозрениях вы в полицию сообщили? – влезла я.

– Нет, не сообщил, – усмехнулся он.

– Почему?

– Были причины. Прежде всего боялся сам оказаться под подозрением. Ее муженек развил бурную деятельность и открыто обвинял меня чуть ли не в убийстве.

– И на это тоже были причины? – проявил интерес Сергей Львович, вновь вызвав ухмылку Никольского.

– Отец оставил нам наследство. Очень приличное. И обвинить меня при желании можно было в чем угодно. Заикнись я о том, что сестра здесь с кем-то встречалась... В общем, я поступил как трус. Но в свое оправдание скажу: тогда я не верил, что сестра погибла. Считал, что она сбежала от своего муженька. У них был общий бизнес, и после ее исчезновения выяснилось, что она уже пару лет переводила деньги на заграничные счета. Подготавливала, так сказать, почву. Вот я и подумал: она сбежала с любовником, обокрав собственного мужа.

– Но сейчас вы так не думаете?

– Сейчас я уверен: ее муженек всех перехитрил. Убил мою сестру и присвоил деньги. Со счетов они таинственным образом исчезли. Фирма, само собой, досталась ему, как и совместно нажитое имущество. Будь моя сестра жива, она бы непременно дала знать о себе. Но за девять лет о ней ни слуху ни духу. Мы могли ссориться, в детстве даже дрались, но кровные

узы и для нее, и для меня много значили. Ее нет в живых, я это знаю.

– И к ее убийству могли быть причастны четверо мужчин, которые здесь работали?

– До сегодняшнего дня такое мне в голову не приходило. Иногда я думал: они о чем-то знали или догадывались. Например, о том, кто ее любовник. Возможно, видели его. То, что он никак себя не проявлял после исчезновения сестры, вполне объяснимо: он ведь автоматически попадал под подозрение, вот и не желал светиться. Но теперь, конечно, все выглядит иначе.

– Допустим, они что-то знали, – принялась я рассуждать вслух, – но какой смысл убивать их через девять лет? И кому это нужно?

– На второй вопрос ответить просто: разумеется, это нужно убийце. Девять лет – большой срок, но от ответственности не освобождает. А почему вдруг сейчас... Не знаю. Возможно, всплыло нечто такое, что напугало убийцу.

– И вы по-прежнему уверены, будто убийца вашей сестры – ее муж?

– Он больше всех выиграл от ее смерти. В конце концов она бы развелась с ним, и он остался бы ни с чем. Женился он на деньгах, мою сестру не любил. Она не хотела в это верить, но сомневаться уже начала... Однако доказательств у меня нет. Скажу вам честно: от того, чтобы разделаться с Геращенко, как он того заслуживает, меня удерживает лишь боязнь совершить ошибку.

– Геращенко – это муж вашей сестры?

– Он добился признания ее смерти, так как несколько лет о ней нет никаких известий, подгрел под себя весь бизнес, женился вторично и даже завел детей. В общем, жизнь удалась. И основательно подпортить ее может лишь одно: возобновление расследования. Чем не мотив свести счеты с вашим родственником и прочими, если они в чем-то замешаны?

– Вы считаете, исчезновение школьников из лагеря может быть связано с убийством вашей сестры? – спросила я.

– Возможно. А возможно, и нет. К сожалению, все, чем я располагаю, – это догадки. По свежим следам преступление не раскрыли, а теперь, когда прошло столько времени, это и вовсе сделать трудно. Могу вам посоветовать встретиться с бывшим участковым. Толковый мужик, между прочим, и на память не жалуется.

– Встретиться с ним было бы не лишним, – кивнул Сергей Львович.

Никольский достал мобильный и набрал номер. Разговор занял меньше минуты.

– Никита Петрович к сыну уехал, вернется завтра и с вами встретится.

Записывайте номер.

Он продиктовал номер мобильного, и вскоре мы простились, выяснив у Никольского, где жил покойный Федотов.

– Третий дом по Большой улице, – ответил он. – Мать его – женщина с характером, вряд ли вы от нее что узнаете, может статься, она вас и в дом не пустит.

– Попытаться всегда надо, – усмехнулся на это Сергей Львович, и мы отправились к Федотовой.

– Что скажешь? – спросила я, лишь только мы покинули территорию базы. Машину брать не стали, решили пройти пешком.

Берсенев пожал плечами.

– Ясно, что зятя он не жалует. И кстати, сам признал: исчезновение сестры и ему на руку.

– Мне показалось, он был откровенен.

– Ага. Вот только с чего вдруг?

– Надеется, что мы раскопаем нечто такое, что поможет упечь Геращенко в тюрьму.

– Довольно наивно на это рассчитывать. В одном я не сомневаюсь: твой родственник об исчезновении Кассандры что-то знал. И поспешил смыться, когда выяснилось, что трое бывших дружков скоропостижно скончались.

– То есть ты уверен: Павел жив и прячется от убийцы?

– Уверен на девяносто девять процентов. Твоя сестра ведь видела его на пленке?

– Она могла ошибиться.

– Если он жив, наша задача найти его до того, как его найдет убийца. Павел предпочел утонуть, понимая, что скоропостижная кончина ему обеспечена.

– Иными словами, он знает, кто убийца?

– Надеюсь.

– А как мы его найдем?

– Что-нибудь придумаем.

Надо полагать, он имел в виду себя, я-то представить не могла, как отыскать Павла.

– О своих намерениях он жене, случайно, не рассказал? – усмехнулся Сергей Львович, поглядывая на меня.

– Полина мне бы врать не стала.

– Уверена? Она изображает несчастную вдову. И, чтобы развязать мужу руки, уезжает за границу. Для него наверняка важно знать, что семья

в безопасности. Павел надеется либо сдать убийцу ментам, либо срубить на этом бабла. Факт его встречи с подозрительными типами, о которых нам поведал Рыжий, скорее свидетельствует о втором. Кстати, как у родственника с бабками? Не густо?

– Мне казалось, он хорошо зарабатывает, но квартиру купил в ипотеку.

– А насчет его человеческих качеств что скажешь? – Я пожала плечами. – Это не ответ, – попенял Сергей Львович.

– Если честно, он мне никогда не нравился. Но представить его в роли шантажиста, а уж тем более убийцы мне все-таки трудно. И еще. Что такого он мог знать, чтобы через столько лет заставить раскошелиться? Например, того же Геращенко?

– Допустим, Павел о чем-то догадался. Поначалу не обратил внимания на кое-какие факты. А по прошествии лет, успокоившись, сообразил, что к чему. Опять же не стоит забывать: на базе работали четверо, и кто из них в действительности прокололся, еще вопрос. Прочих могли убрать за компанию, чтобы основательно за собой подчистить.

– И это либо Геращенко, либо сам Никольский?

– Никольский – хозяин «Приюта», и его откровенность наводит на размышления. – Тут он кивнул на табличку с названием улицы. – Ну вот она, Большая.

Нужный нам дом оказался приземистым строением из белого кирпича с тремя окошками на фасаде. Не успели мы подойти к калитке, как со двора появилась женщина, встала, уперев руки в мощные бедра, и громко спросила:

– Чего надо?

– Поговорить, – приветливо ответил Сергей Львович и помахал удостоверением.

Признаться, я слегка запаниковала, тетка была из тех, кого называют бой-баба, и липовое удостоверение могло выйти нам боком. Но она, даже толком не взглянув на него, поспешила открыть калитку, хмуро поздоровавшись.

– Вы по поводу кражи? – спросила она, когда мы вслед за ней вошли в дом, и, видя легкое недоумение на наших лицах, ворчливо пояснила: – Сосед у меня бочку украл. В саду бочка стояла. Я участковому звонила.

– Нет, мы не по поводу бочки, – со всей серьезностью ответил Берсенев. – Мы по поводу вашего сына.

– Максима, что ли? Так ведь утонул он. Какой теперь с него спрос?

Она, похоже, успела пожалеть, что пустила нас в дом, но было поздно, Сергей Львович расположился в чистенькой кухне, заняв место у окна.

Уверена, хозяйка сама любила здесь сидеть и теперь вроде бы не знала, где пристроиться.

– Почто вам покойник? – осведомилась она.

– Возникли кое-какие вопросы.

– Если он чего на базе украл, так я о том не знаю и знать не хочу. Так и передайте.

– Кому? – удивился Берсенев.

– Ну... – Тетка поерзала, глядя на него с сомнением.

– Вы как с сыном жили – душа в душу?

– Скажете тоже... Пил он. И нигде не работал, как от Никольского уволился. Так, подкалымит малость, когда звереть начну. Кому дрова распилит, кому грядку вскопает... Руки-то у него золотые, голова дурная. Жалко его...

Она вдруг разрыдалась, вытирая лицо цветастым фартуком.

– Друзья к нему приезжали?

– Друзья? Не было у него никаких друзей, если не считать Вовки Кривого. Живет тут с запойной мамашей, и сам алкаш. Я-то своему сказала, чтоб к ним ходить не смел. Но он, когда зенки зальет и ничего не соображает, бывало, забредал.

– А как же парни, что вместе с ним у Никольского работали?

– Мало ли, кто с ним работал! Хотя этот... Петька приезжал. В последний раз, когда Максима уже схоронили.

– Расстроился, наверное?

– Это да. Все поверить не мог... Повторял: как же так случилось? Вот так... Все пьянство проклятое. А он опять: странно это, говорит. Когда ведро-то выпьешь, и в луже утонешь. Отец его покойный сам себя спалил. Бензин сливал да себе на грудь плеснул. А потом закурить решил. Ожоги, несовместимые с жизнью.

– Печально. Максим на Никольского был сердит? Когда тот его уволил?

– Обрадовался, что теперь делать вид не надо, будто на работу ходишь. Никольскому памятник бы поставить, ни за что ему столько лет деньги платил. А мой-то еще брюзжать начнет: «чертово место». Это он про базу так.

– Странно. А что там такого особенного?

– Чего его слушать-то? Болтает всякую ерунду.

– А поконкретней?

– Вы чего от меня хотите? – разозлилась она. – Стану я пьяный бред слушать! Ему любая работа опричь души, вот и ныл.

– А на комнату его взглянуть можно?

– Смотрите сколько хотите. Я там ничего не трогала, до сорокового дня нельзя, а сейчас и некогда, сена козе запасти надо. Только зря время потратите. Если свистнул чего, то домой бы не принес. Я этого не одобряю. Пойдете смотреть-то?

Комната оказалась самой обыкновенной, чтобы попасть в нее, пришлось пройти через сени. Небольшое окошко, кровать, комод и продавленное кресло. Над кроватью – полка с книжками, в основном фэнтези.

Сергей Львович оглядывался, не вынимая рук из карманов джинсов. Надевать костюм, отправляясь на природу, он счел излишним. Просмотрел книжки, скорее для порядка, и, поблагодарив хозяйку, направился к выходу. В сенях его неожиданно заинтересовал верстак.

– Его инструменты? – кивнул он.

– Его. Продать бы кому, хоть за тыщу. Хороший инструмент, еще от отца...

– А это что? – Сергей Львович ткнул рукой в карту, висящую над верстаком. Судя по очертанию, перед нами было озеро, вблизи которого мы сейчас находились. Деревенские улицы, лес, болото и дорога. Несколько мест было отмечено красным фломастером.

– Почему я знаю? Небось помечал места, где на озере клев хороший. Толк в рыбалке он знал.

Сергей Львович достал мобильный и сфотографировал карту. Причем не один раз, а минимум три.

«Тоже решил порыбачить?» – подумала я.

– Писем он незадолго до смерти не получал? – задал вопрос Берсенев, уже стоя в дверях.

– Нет. К нам почтальон ходит раз в месяц. С пенсией.

– Может, кто-то звонил?

– У Максима и телефона-то не было. Почто он ему? На базе есть телефон, может, туда звонили? Разбредили вы мне душу, – в досаде махнула она рукой и поспешила закрыть за нами дверь.

– Почему тебя заинтересовала карта? – тут же полезла с вопросом я.

– А чем там еще интересоваться? – усмехнулся он.

– Надо было как следует комнату обыскать.

– Сомневаюсь, что нам открылись бы страшные тайны. С такой мамашей только дурак станет там что-то прятать. – Берсенев привлек меня к себе и поцеловал. – Поехали в город.

– Появилась идея? – заинтересовалась я.

– Желание. Безмерное. Навязчивое. И страстное. – Он засмеялся, и я тоже, хоть и покачала головой в притворной досаде.

По дороге в город я вновь принялась ломать голову.

– Получается, что у нас двое подозреваемых: муж Кассандры и Никольский. Родители – большие оригиналы, если дали дочери такое имя.

– Брату повезло больше, – усмехнулся Берсеньев. – А что касается подозреваемых... Ты забыла про таинственного любовника. Вполне возможно, что, боясь разоблачения, это он устроил серию несчастных случаев.

– По-твоему, он тоже мог убить Кассандру? – удивилась я.

– Почему нет? Любовники убивают не реже, чем мужья.

– А мотив?

– Она хотела его бросить или, напротив, хотела за него замуж, а он был несвободен. Кстати, что тебя интересует – убийство этой дамочки с замысловатым именем или беглый родственник?

– А если сестра ошиблась и Павел все-таки погиб? Ведь на все сто процентов и ты в этом не уверен.

– Милая, на все сто процентов может быть уверен только наш Господь, а мы, бедные грешники, можем лишь предполагать с той или иной долей вероятности. В том, что троих вроде бы безобидных пьяниц убили и это как-то связано с базой, у меня сомнений нет. Все остальное пока за уши притянуто: и исчезновение Кассандры, и уж тем более потеряшки-школьники.

Пришлось с ним согласиться, ведь ничем, кроме догадок, мы похвастать не могли.

Лишь только мы вошли в дом, Берсеньев заключил меня в объятия, и убийства мгновенно перестали меня интересовать. Но, странное дело, вместо того чтобы чувствовать себя счастливицей, я ощущала смутную тревогу. И поначалу решила, будто это приступ беспричинной ревности, той самой, что возникает вроде бы на пустом месте, но зачастую является вовсе не прихотью подозрительного ума, а интуицией. Говоря попросту, я сомневалась в ответной любви. И винила в этом другую женщину. Для того чтобы успешный бизнесмен, бросив все, развлекался расследованием, должна быть причина, причем серьезная. Я тут же придумала Берсеньеву несчастную любовь. И теперь в каждом его слове, взгляде и жесте искала подтверждения своей догадки. Как известно, в своих подозрениях можно зайти очень далеко, я и зашла.

Воспользовавшись тем, что Сергей Львович отправился в ванную, я

схватила его смартфон и принялась изучать. Наличие иконки «ВКонтакте» скорее удивило, я-то уже знала: он не из тех, кто любит являть себя миру. Еще в тот момент, когда я собирала по крохам сведения из Интернета, возникла мысль: эти три-четыре фотографии – нечто вроде заявления: я такой же, как все. Может, неставляю свою жизнь напоказ, но уж точно ни от кого не прячусь.

В общем, первым делом я коснулась именно этой иконки и не прогадала. Открылась она на странице девицы с редким именем Ефимия. Судя по фото, она красавица. А вот все остальное сбивало с толку. Прежде всего активным пользователем она тоже не была, и, судя по объявленному статусу, дама замужняя. При этом никаких умильных фото закатов и рассветов, букетов роз, печенюшек и прочего. Строго раз в месяц – фото, и одна и та же подпись: «Жизнь прекрасна». Точно условный знак. Именно это пришло в голову, когда я просматривала пятую по счету фотографию. Желających выразить свое мнение по поводу фото девицы и утверждения под ним оказалось немного. И Берсеньева среди них я не обнаружила.

Видимо, я так увлеклась, что шагов за спиной не слышала, впрочем, Берсенев умел передвигаться бесшумно. Воду, кстати, не выключил, выходит, хотел, чтобы я считала, что он еще в душе.

В общем, обнаружив его рядом с собой, я подпрыгнула от неожиданности и телефон выронила. Он его поднял и сказал серьезно:

- Похож на мой.
- Извини, – пискнула я.
- Хорошо воспитанные девушки стараются не совать свой нос куда не просят.
- Я же извинилась.
- Что ты надеялась найти? – взглянул он исподлобья, и я поразились тому, как выглядит его лицо без очков. Они словно заслоняли его от мира до той поры, пока он не сочтет нужным предстать перед ним в своем истинном обличье.

Я сидела, по-дурацки хлопая глазами, насмерть перепуганная, сама толком не зная, чего боюсь.

- Ты внезапно лишилась дара речи? – усмехнулся он.
- Кто такая эта Ефимия? – в приступе внезапно вспыхнувшей отваги спросила я.
- Фенька? – вроде бы удивился он. – Если честно, затрудняюсь ответить.
- Вы любовники?
- Нет, – засмеялся он. – Ничего похожего. Она страдала от любви. Не

ко мне, слава богу. И между делом занималась расследованиями, хотя могла бы обойтись без этого. Девушка работает в адвокатской конторе и вообразила себя сыщиком. А я ей помогал, уже тогда маясь от безделья. Я ведь тебе, кажется, рассказывал?

– Она это пишет для тебя? – прикидывая, много ли содержится правды в его словах, спросила я.

– Что?

– «Жизнь прекрасна». Это что-то вроде условного знака?

– Любишь шпионские фильмы? – хмыкнул он. – У нее есть номер мобильного. По-моему, проще позвонить.

– Сомневаюсь, – сказала я.

Он поднял бровь, демонстрируя удивление.

– Сомневаюсь, что проще, – пояснила я в очередном приступе отваги. Может, все дело в том, что он надел очки и теперь выглядел совершенно безопасно. Впрочем, лишь на первый взгляд. Стоило присмотреться, и становилось ясно: он совсем не тот, кем бы хотел казаться. Сердце вдруг болезненно защемило, но молчать я уже не могла. Да и какой в этом толк? – Я тоже знаю номер твоего мобильного. Но не уверена, что смогу дозвониться, когда ты решишь уехать.

– Что это на тебя нашло? – нахмурился он. – Идиотская манера портить то, что даже и не началось как следует.

Я поняла: еще чуть-чуть, одно неосторожное слово, и я его потеряю. Он-то сдерживаться точно не собирается, а я далеко не все обиды смогу простить. Придется с независимым видом послать его к черту и уйти. Кстати, весьма правильный был бы поступок... Вот беда, уйти-то я, может, и уйду, а дальше что?

Сама мысль о нашем разрыве вызывала панический ужас, хотелось топтать ногами и орать во все горло, но при этом я не сомневалась: так и будет. Мне его не удержать. И дело даже не в этой Феньке, дело в нем самом. В его неспособности любить? Ни в ком не нуждаться?

Я медленно, но верно погружалась в бездну отчаяния, и тут он спутал все карты. Улыбнулся и сказал:

– Иди ко мне. – И протянул руку.

И я, мгновенно забыв свои безрадостные мысли, скользнула к нему на колени, уткнулась в грудь, крепко обняв, и заревела, теперь уже от счастья, что, находясь в трех шагах от величайшего горя, я вновь практически на вершине блаженства. Такие вот американские горки. «С ним по-другому и быть не может», – успела подумать я.

Берсенев ухватил меня за подбородок и спросил, смеясь:

– Чего реветь-то? Если тебе станет легче, могу поклясться: мы никогда не были любовниками. Подобная идея мне даже в голову не пришла ни разу.

– Почему? Она ведь красивая?

– Потому что она любила другого.

– А ты? Ты тоже кого-то любил?

– Дружка в детстве. Был у меня пес с такой кличкой. И с тех пор ни разу не сподобился. И стало мне обидно. Все вокруг влюбляются или хоть врут, что влюбились, а я нет. Вот и отправился в дальние края, чтоб найти свою суженую. А она, дурочка, пристаёт с глупостями и запросто может принца лишиться, потому что терпения у него – кот наплакал.

– Ты всегда жил один? – не унималась я, понимая: другого шанса все это выяснить у меня не будет.

– Ага. И вполне счастливо, кстати.

– И никогда не возникало желания с кем-то связать свою судьбу?

– У тебя еще много дурацких вопросов?

– Что, так трудно ответить?

– Один раз я хотел жениться. Мы подали заявление в ЗАГС, она купила платье.

– А потом полезла к тебе с вопросами? – улыбнулась я.

– Нет. Ее убили.

Он тоже улыбнулся, точно счел это удачной шуткой, а я растерялась.

– Как убили? Почему?

– До конца с этим так и не разобрались.

– О господи... – пробормотала я.

– Если ты обойдешься без проявления сочувствия, я буду очень благодарен. Это было довольно давно, и все мои раны затянулись.

– Ты любил ее? – не удержалась я, радуясь, что вот-вот забрезжит на горизонте простое и ясное объяснение...

– Нет. Но был ей благодарен. Незадолго до этого мы попали в аварию. С подружкой все обошлось, а у меня были весьма серьезные проблемы. Она преданно меня выхаживала, и я решил: такая женщина в доме не лишняя. Вот и сделал предложение. Но судьба распорядилась иначе, и я, бывает, до сих пор гадаю: это она меня так наказала? Или наоборот?

– Знаешь, что я думаю? – сказала я со вздохом. – Ты строишь из себя циника...

– Но душа у меня прекрасная, – радостно закивал он. – И сердце доброе. Только терпения нет. Так что завязывай. Лимит понимания замысловатой женской логики на сегодня уже исчерпан.

Он стал меня целовать, а я только что не визжала от счастья. И даже подумала почти без сомнения: «Он меня любит, просто не хочет признаться в этом. Стоит лишь потерпеть...»

Из постели мы выбрались ближе к вечеру, и Берсенев сказал:

– Приглашаю тебя в ресторан.

– У нас какое-то событие? – поспешила обрадоваться я.

– Лень ужин готовить. Но если хочешь, событие придумаем. День глупых вопросов и дурацких ответов. Подойдет?

– Я тебя люблю, – заявила я, широко улыбаясь. При желании ничто не мешает ему принять мои слова за шутку.

– Ага. Мне начать беспокоиться?

– В смысле, вещи паковать?

– В смысле, смириться с тем, что теперь о спокойной жизни мечтать уже не приходится. Каждые пять минут вопрос: «А ты меня любишь? А как ты меня любишь? А ты уверен, что любишь? Нет, ты меня не любишь...» Детка, я мужчина в возрасте и проходил все это десяток раз. Ты восхитительна, не отравляй мне жизнь, и я буду с тобой до скончания века.

– Правда?

– Ничего, кроме правды, – подняв руку, провозгласил он.

– Не боишься лишиться свободы?

– Я поставил условие, ни для одной женщины не выполнимое.

– Хитрец.

– Стараюсь, милая. Давай-ка лучше отправимся в магазин и купим тебе платье.

– У меня есть платье, и даже не одно.

– Лишнего не бывает.

– Хочешь откупиться? – засмеялась я.

– Конечно. Путь к сердцу женщины лежит через магазин дамской одежды. А потом пойдем ужинать. Ты будешь самой красивой, а я – самым счастливым.

Мы в самом деле отправились в торговый центр, но, в отличие от первого нашего посещения, я получала удовольствие. Набрала ворох платьев и выходила из примерочной, точно на подиум, строила ему забавные рожицы, а он смеялся в ответ и без конца повторял: «Ты прекрасна, ты восхитительна, нет на свете девушки красивее тебя». И я думала: может, однажды он прибавит к этому «я люблю тебя», но даже если нет... Даже если нет, я не стану расстраиваться, лишь бы только он был рядом.

В ресторан я отправилась в ярко-голубом. По дороге он купил мне букет цветов, и когда мы вошли в зал, все, от метрдотеля до посетителей, смотрели на нас и улыбались, наверное, решив, что он сделал мне предложение. Или у нас годовщина свадьбы. Или день нашей встречи. И я подумала: ничто мне не мешает считать так же, сегодня наш маленький юбилей. И радоваться, и быть счастливой, и верить, что мы всегда будем вместе. В конце концов, у меня столько же шансов, сколько у любой другой девушки. Никто не знает своей судьбы, и в моем случае это скорее хорошо.

В общем, я была намерена вовсю наслаждаться жизнью. Но она вновь внесла свои коррективы. То есть поначалу все было прекрасно: мы выпили и отменно закусили, болтая о пустяках. Собирались перейти к десерту, когда в зале появился мужчина невысокого роста, по-мальчишески стройный, с волосами цвета льна, которые уже начали редеть. На вид ему было лет сорок.

Он вошел, нетерпеливо огляделся и направился к нашему столу. Берсеньев тоже обратил на него внимание, а мужчина начал ему улыбаться еще за два десятка метров. Кивком поздоровался со мной и обратился к Берсеньеву:

– Сергей Львович, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – ответил мой спутник, приглядываясь к мужчине.

У него была безупречная кожа, белая, с нежным румянцем. Такая обычно встречается лишь у младенцев, ну и еще разве что у монашек. Эдакая лучезарная личность, не просто чистенький, а прямо-таки надраенный.

– Моя фамилия Геращенко. Дмитрий Геннадьевич, – продолжил мужчина и указал на стул. – Позволите? – И, не дожидаясь ответа, сел.

В глазах Берсеньева появилась насмешка, а я, еще раз взглянув на Геращенко, подумала: неприязнь Никольского к нему вполне объяснима. Человеку с такой внешностью я бы не стала доверять ни за какие коврижки.

– Чем обязан? – откинувшись на спинку стула, спросил Сергей Львович.

– Вы встречались с моим бывшим родственником, – улыбнулся Геращенко. – Я прав?

– Возможно. Вы, собственно, кого имеете в виду?

Улыбка на его лице начала таять, но он поторопился вернуть ее на прежнее место.

– Господина Никольского.

– Так вы родственники?

– Уверен, вам это известно. Он наверняка сообщил, что я был женат на его сестре.

– Не припомню, – немного подумав, ответил Сергей Львович.

Физиономия Геращенко пошла пятнами, сделавшись похожей на мраморную говядину.

– Извольте шутить? – хмыкнул он. – Ну-ну...

Он продолжал улыбаться, но в глазах плескалась злость.

– С чего ему вдруг об этом рассказывать? – развел руками Берсенев.

– Все, что он наболтал вам, чушь, – понизив голос, сообщил Геращенко. – Если не сказать – клевета. Это он убил мою жену. Я в этом уверен.

– Да на здоровье. От меня вы чего хотите?

Простой вопрос вызвал замешательство. Видимо, наш гость не ожидал, что разговор пойдет таким образом, и сейчас терялся в догадках, как направить его в нужное русло.

– Мне непонятна ваша роль... Чего вы добиваетесь, копаясь во всем этом?

– В чем? Нельзя ли поточнее?

– Что вам понадобилось на базе Никольского? – уже не пытаясь скрыть раздражение, спросил Дмитрий Геннадьевич.

– Хотел порыбачить, а он ремонт затеял. Весьма не вовремя.

– Вы человек приезжий. – Теперь он пытался говорить внушительно. – И я бы не советовал вам...

– Пошел вон, – перебил его Берсенев и ласково улыбнулся.

– Жаль, очень жаль, – покачал головой Геращенко, но встал весьма поспешно. – Запомните, вы идете на поводу у убийцы.

– Я чересчур ленив для этого, – отмахнулся Берсенев.

– Весьма сожалею, что разговора у нас не получилось.

– Поверьте, ваших сожалений я точно не заслуживаю.

В общем, Геращенко удалился с видом побитой собаки, хоть и силился держаться молодцом.

А вот Берсенев задумался. Я терпела, сколько могла, потом полезла с вопросами:

– Откуда он узнал? Не Никольский же ему сообщил?

– Почему нет? Решил сыграть на нервах. Есть еще пара вариантов: либо он приглядывает за Никольским, либо за нами, что особенно интересно. Потому что попасть в сферу его интересов мы могли лишь в одном случае: если четверка с базы его весьма занимает.

– Значит, он и есть убийца.

– Или до сих пор занят его поисками.

– Физиономия у Геращенко на редкость скверная. Никольский вызывает доверие куда больше.

– Очень мило – судить, преступник человек или нет, по выражению лица. В любом случае сам он никого не убивал. Такие типы предпочитают мочить жен чужими руками. А вот мне следовало быть внимательнее. Вероятно, все это время у нас кто-то сидел на хвосте. А я, разомлев от твоих прелестей, по сторонам не смотрел.

– Только попробуй по сторонам смотреть, – пригрозила я и тут же вздохнула: – Может, нам стоило его выслушать?

– Вряд ли ему известно больше, чем Никольскому. В том случае, если он не виноват, конечно. А если виноват, вряд ли станет каяться.

Из ресторана к дому, где жил Берсенев, мы добирались довольно долго. Я гадала, с какой стати он выбрал эту дорогу, но тут он произнес, вроде бы просто подумал вслух:

– Не похоже, что нас пасут.

Уже в доме прошелся по этажам, что-то насвистывая. Оказалось, прошелся не просто так.

– Незваных гостей не было, – сообщил он, данное обстоятельство, судя по интонации, его скорее насторожило. А я, наблюдая за ним, вновь почувствовала беспокойство.

Как только мы очутились в спальне, оно вроде бы исчезло, но лишь на то время, что мы любили друг друга. Стоило мне закрыть глаза, и в груди заныло. Хотелось вновь прижаться к нему, ощутив себя в полной безопасности. И я прижалась, обняла его, но саднящее чувство близкой беды не отступило.

Он вроде бы уснул, дышал глубоко и ровно, а мне не спалось. Я лежала, боясь его потревожить. И точно против воли думала, что ничего о нем я по-прежнему не знаю или знаю очень мало, причина его появления здесь выглядит сомнительно, и он совсем не похож на известных мне бизнесменов. От этих мыслей до соответствующего вывода был один шаг, но я, само собой, не могла его сделать, ибо для меня это было равносильно самоубийству.

Так я и лежала до первых солнечных лучей, рука затекла, я чуть приподнялась, чтобы сменить позу, и вот тогда заметила шрамы, тонкие белые рубчики, скрытые волосами. Такие шрамы остаются после пластической операции, и это открытие стало последней каплей, сделавшей мои догадки практически незыблемой истиной, и я бы, наверное, заорала в голос от отчаяния, наплевав на последствия, вообще на все наплевав, но тут

Берсеньев лениво произнес:

– Авария. Я тебе рассказывал. Физиономию пришлось сшивать по кускам. Говорят, раньше я был привлекательней.

– Я тебя люблю, – сказала я. Собственно, больше сказать мне было нечего, потому что его слова не имели значения, раз я не могла их проверить, да и не хотела ничего проверять. Стремление узнать правду порой заводит в такие места, где ты бы не пожелал очутиться ни за какие коврижки.

Берсеньев сел, отбросив одеяло в сторону, взял джинсы, лежавшие на полу, и натянул их прямо на голое тело, ремень застегивать не стал. Я испугалась, что он сейчас уйдет, вопрос «куда ему уходить из этого дома?» не стоял, в моих мыслях и поступках не было логики.

– Сережа, – позвала я жалобно и вдруг подумала: имя для него – точно чужое. Оно было само по себе, и реагировал он на него по-особенному, точнее, никак не реагировал. И я избегала его так называть, что, согласитесь, довольно странно. Человеку обычно нравится слышать свое имя, по крайней мере, психологи это утверждают, а влюбленным нравится произносить имя возлюбленного. А вот я как-то обходилась. И за все время впервые обратилась к нему по имени.

Он не ответил и даже головы не повернул, и я почувствовала себя так скверно, что впору волком выть. Сел в кресло рядом с кроватью и теперь сверлил меня взглядом. Потом, точно опомнившись, надел очки и спросил насмешливо:

– Ты в чем меня подозреваешь, милая?

– Ни в чем, – потрясла я головой, зная, что выгляжу неубедительно, и торопливо добавила: – Я боюсь.

– И чего же ты боишься?

На этот вопрос простого ответа не было. То есть, конечно, был, но произнести его я бы ни за что не рискнула. Сказать правду, значит, в любом случае его потерять.

– У тебя опять проблемы со слухом? – усмехнулся он.

– Я боюсь, что ты не тот человек, за которого себя выдаешь, – собравшись с силами, сказала я, отводя взгляд и чувствуя себя так, точно земля подо мной качнулась и теперь стремительно уходит из-под ног.

Он присвистнул и с усмешкой покачал головой.

– Чем обязан такому счастью? – но смотрел внимательно, и я гадала, к чему это стоит отнести – к нормальному желанию во всем разобраться или к возникшим трудностям, с которыми необходимо что-то делать.

– Так вышло... – начала я и мысленно себе приказала: «Не мямли,

такого, как он, это только раздражает. Говори, что думаешь, смотри уверенно... по возможности. А там – что будет... Решать все равно не тебе». – Полгода назад я отправилась к своему парню на дачу...

Он слушал внимательно, ни разу не перебил и не задал ни одного вопроса. Когда я поведала о беседе с Сазоновым и замолчала, он еще некоторое время разглядывал меня, словно пытался что-то решить. А вот меня все страхи оставили, я сидела на кровати, подвернув под себя ноги, и даже улыбнулась. Должно быть, выглядела я полной дурой, потому что он вновь покачал головой. Досадливо.

– А я-то гадаю, что не так с моей девчонкой! – наконец произнес он со смешком. – Значит, ты ждешь киллера в гости?

Я пожала плечами:

– Может, сразу двух.

– Обнадеживает. Неплохо было бы, пристрелили они друг друга, не вмешивая тебя во все это. Но так редко бывает. По-твоему, я похож на киллера?

– Нет, – испуганно сказала я. – Нет.

– Рассчитывать на другой ответ в данных обстоятельствах довольно наивно. Киллером ты меня не считаешь, но на всякий случай боишься?

– Я боюсь, что не нужна тебе. Что все это лишь притворство.

– То есть тебе пофиг, кто я, лишь бы не бросил?

Он смотрел в упор, и стало ясно: отвечать надо максимально правдиво.

– Нет, мне не пофиг. Надеюсь, что мне повезет и ты действительно окажешься скучающим бизнесменом, который от нечего делать копается в чужих тайнах. Ну а если не повезет... В живых ты меня все равно не оставишь. Поэтому я спрошу прямо: ты тот самый тип, которого мне следует бояться?

– Нет, я скучающий бизнесмен, – усмехнулся он. – На самом деле мне теперь самому впору бояться. Киллеры – народ привязчивый. Бегать от них бесполезно...

– Откуда бы тебе это знать? – попыталась я шутить. – У тебя есть опыт?

– Да сколько угодно, милая. Я же в большом бизнесе, а куда там без лихих парней с винтовкой? Ладно, я просто выпендриваюсь. Мои знания о киллерах поверхностны и примитивны, и в нашем случае это минус. Как я тебя спасти-то буду, дурочка?

– Ты будешь меня спасать? – засмеялась я.

– А что еще остается? Эти деятели из ФСБ вряд ли ночами не спят, думая о твоей безопасности. Ты, кстати, Иванову позвонила?

- Когда? – не поняла я.
- Когда со мной познакомилась.
- Нет. А надо было?

Моя серьезная физиономия и испуг, что опять не угодила, сделав все неправильно, вызвали у него смех.

- Чего ж мне так везет-то?..
- Я не поняла...
- У нас лучшие в мире женщины – самоотверженные до глупости.
- Что я сделала не так? – испугалась я.
- Обо мне ты не сообщила. Гадай теперь, чего ты еще не сделала.
- Сережа, вовсе не факт, что эти типы вообще появятся. Это только догадки Сазонова.

– Ты меня утешаешь, что ли? – хмыкнул он. – Лучше бы подумала...

А я отважно перебила:

– Теперь, когда я знаю, что ты... что ты – это ты... это для меня самое главное, – получилось не очень толково, но он понял. – А киллеров пусть Иванов ловит.

– Он, конечно, расстареется, – проворчал Берсеньев. – Так, напряглась и вспомнила, кто в последние дни возник в твоей жизни. Может, не так ярко, как я, но хоть чем-то отметился. Слесарь в автосервисе, почтальон... Для начала все сгодится.

– И напрягаться нечего, – пожала плечами я. – Только ты.

– Звучит, как начало поэмы. Помнится, ты на свидание бегала. Давно с этим парнем знакома?

– С детства. Влюбилась в него в девятом классе.

– Отношения, проверенные временем. Мне стоит ревновать, как думаешь?

– Не смейся надо мной. Соперников ты не боишься. У тебя их просто нет.

– Не возгордиться бы, – усмехнулся он. – И все же Расскажи мне об этом парне.

– Я отдыхала в лагере, он был там тренером. Я влюбилась. Собственно, это все.

– Ты какой лагерь имеешь в виду? – спросил он.

– Тот самый, что возле базы Никольского, – начала я весело, а заканчивала уже с сомнением.

– И твоя любовь приключилась как раз в тот год?

– Да. Но какое Илья может иметь отношение к «Приюту рыбака»?

– Может, и никакого. Но совпадений я не люблю. Вы вернулись,

продолжили встречаться в городе...

– Нет, – покачала я головой. – Мама забрала меня из лагеря, испугавшись, что ребята пропали. Я даже не успела проститься с Ильей. Я знала, что он работает в спортшколе, даже заходила туда, но... В общем, мы так и не встретились. А на днях случайно столкнулись в магазине, возле кассы.

– И он назначил тебе свидание.

– Он не особо спешил. Не очень-то приятно говорить об этом, но я практически сама навязалась. Подошла первой...

Берсеньев смотрел на меня с таким видом, точно диву давался, откуда я ему на голову свалилась. Я с опозданием подумала, что чересчур откровенничать не стоит, но тут стало ясно: думаем мы о разном. Его больно ранило отсутствие у меня не девичьей гордости, а начальных знаний психологии. Именно так он выразился.

– Милая, лучший способ возбудить интерес – не демонстрировать свой собственный.

– Иди ты к черту! – разозлилась я. – Парень живет в этом городе, работает в спортшколе, у всех на виду.

– Ну да. Растит чемпионов, а в свободное время занят душегубством. Такое бывает. И повод для отлучек всегда есть. Соревнования, сборы...

Я не могла понять, говорит он серьезно или насмешничает, и с ехидством заметила:

– Тогда и соседа надо подозревать.

– Что за сосед?

– Инвалид. Мы познакомились недавно.

– То есть он недавно поселился в твоём доме?

– Дом новый, я там сама живу чуть больше месяца. Бывший военный. Попал в аварию. Передвигается в инвалидной коляске.

– Руки-ноги у него на месте? – хмуро осведомился Берсеньев.

– Да, но самостоятельно двигаться он не может.

– На самом деле инвалидная коляска – идеальное прикрытие. Окружающие испытывают неловкость, отводят глаза и на лицо практически не обращают внимания. В памяти остается только эта самая коляска. К тому же ноги всегда можно прикрыть пледом, а под ним спрятать что угодно, хоть снайперскую винтовку.

– Откуда тебе все это знать? – хмуро спросила я.

– Я же бизнесмен...

– Ага, а в бизнесе без киллеров никак.

– В бизнесе важно просчитать все варианты, – усмехнулся он. – И

действовать на опережение. Как видишь, в двух разных профессиях нечто общее, безусловно, есть.

– Олег – хороший парень. И мне очень помог.

– Не сомневаюсь. А ты ему, случаем, о своих проблемах не рассказывала?

Тут я почувствовала крайнюю неловкость, но соврать не рискнула.

– Рассказывала. Мне же надо было как-то объяснить, чего я так боюсь.

– Про Илью он спрашивал? А про меня?

– О тебе он ничего не знает. А с Ильей знаком...

– И разумеется, ни о том, ни о другом Иванову ничего не известно?

– По-моему, это белая горячка – доносить на всех подряд. Ты не находишь?

– Ладно, – отмахнулся Берсенев. – Закончим с родственником и займемся киллерами. Если они раньше нами не займутся.

– Почему нами, а не мной? – испугалась я. – Ты-то здесь при чем?

– Я ни при чем. Я при тебе. А если я постоянно при тебе, то для друзей у тебя времени нет, а уж для бывшей любви – тем более. Придется парням начать шевелиться. В постель тебя Илья так и не уложил?

– Нет, – испуганно ответила я.

– Как я вовремя появился... Хотя он наверняка считает по-другому. Все выяснили, а теперь спать. Ты всю ночь глаз не сомкнула, и я с тобой тоже. Напомни позвонить участковому, он должен сегодня вернуться.

Мы легли, и через пять минут я уснула в объятиях Берсенева абсолютно счастливая, с чувством вины, что могла... нет, не подозревать, а лишь на минуту усомниться... Теперь мысль об этом казалась дикой, а я самой себе ненормальной.

Проснувшись я от запаха кофе. Дверь в спальню была распахнута, и я, сладко потягиваясь, видела, как Берсенев возится в кухне, что-то мурлыча себе под нос. Я натянула футболку и пошла к нему. Прижалась к его спине, обхватив руками за талию, и уткнулась носом куда-то между лопаток.

– Ну вот, – сказал он. – А я хотел подать кофе в постель.

Повернулся и, подхватив меня на руки, усадил на стол. Наклонился ко мне, упираясь руками в столешницу.

– С добрым утром, красотка.

– Лучшее утро в моей жизни, – улыбнулась я.

– И что в нем такого особенного?

– Ты рядом.

– Немного тебе надо для счастья.

– Так это же хорошо, – засмеялась я и спросила, стараясь, чтобы

вопрос прозвучал весело: – А ты врать умеешь?

– Мастерски, – кивнул он.

– Правда?

– Конечно.

– Сейчас ты врешь или правду говоришь?

– Как тебе нравится.

– Тяжело с тобой, – вздохнула я. – А ты мог бы сказать, что любишь меня?

– Это легче легкого. Милая, слова ничего не стоят. Важны лишь поступки. Вот ты, к примеру, не стала сообщать обо мне Иванову. О чем это говорит?

– О том, что я люблю тебя?

– О том, что ты дурочка доверчивая и запросто можешь попасть в историю.

– Но ты ведь меня спасешь?

– Конечно. Я прирожденный заступник девиц, особенно красивых, особенно в короткой футболке.

Он стал целовать меня, и кофе был забыт. Впрочем, позднее мы к нему вернулись. И я, сидя напротив и подперев щеку рукой, счастливо улыбалась. Но кое-что бросало крохотную тень на мое бесконечное счастье, и я не удержалась.

– Ты так и не сказал.

– Что? – удивился он.

– Что любишь меня.

– Забыл, наверное.

– Это хорошо.

– Чего хорошего?

– Выходит, врать ты не умеешь. Во всем надо видеть положительные стороны.

– Я люблю тебя, – перегнувшись через стол и целуя меня, произнес он.

Я едва не свалилась со стула от счастья и собралась издать вопль радости, но тут он добавил:

– Видишь, умею.

С воплем радости пришлось повременить.

– Гад, – констатировала я.

– Еще какой. Ты не особо расслабляйся.

Тут он засмеялся, и я простила ему все на свете, мысленно сказав себе: «Что-то он ко мне чувствует. А для любви нужно время». Сомнительное утверждение, учитывая, что мне-то его практически не понадобилось.

Однако глупо было портить это во всех отношениях замечательное утро. Я хотела быть счастливой – и была.

Берсеньев потянулся к своему мобильному. Звонил он, как выяснилось, участковому. Разговор занял пару минут, Никольский успел его предупредить еще накануне, и против встречи он не возражал.

Вскоре мы отправились в Клепики. По дороге я лезла к Берсеньеву со всякими глупостями, он насмешливо улыбался, но то и дело поглядывал в зеркало. Я тоже проявляла беспокойство, однако ничего подозрительного заметить не смогла.

Кураев жил на отшибе, в добротном бревенчатом доме, довольно далеко от воды, зато вплотную к лесу. Сразу за его забором он стоял сплошной стеной. Хозяев мы нашли в саду, сидя за столом под яблоней, они пили чай из самовара.

Никита Петрович оказался мужчиной лет пятидесяти с небольшим, могучего телосложения, с окладистой бородой и пышными усами. Почему-то бывшего участкового я представляла шустрым старичком с хитрым прищуром, а теперь слегка удивилась, как далека моя фантазия от реальности. Жене его на вид было чуть больше тридцати, крупная, румяная и улыбчивая. Она нам вроде бы обрадовалась и принялась поить чаем.

Чаю мы выпили, похвалили хозяйкино варенье, после чего она, взглянув на мужа, ушла в дом.

– Хорошо у вас здесь, – заметила я, оглядываясь.

– Хорошо, – согласно кивнул Кураев. – Я сам не местный, на работу из города ездил. Квартира у меня там. Но за двенадцать лет привык. Когда на Любаше своей женился, надумал здесь обосноваться. Мог бы еще послужить, но решили – хватит, пора для себя пожить. – Он немного помолчал и перешел к делу: – Никольский мне звонил. Объяснил ситуацию, так сказать.

– Значит, вы занимались розыском его сестры? – произнес Берсеньев, Никита Петрович кивнул.

– Опыта у меня в таких делах, может, и немного, зато в округе я всех знаю. И мне расскажут то, о чем в разговоре со следователем, скорее всего, промолчат.

– И как успехи?

– Если честно, похвастать особо нечем. Хотя я год, даже больше, пытался след отыскать. Да и сейчас, бывает, лежу, когда не спится, и все заново перебираю.

– Из лагеря примерно в то же время пропали двое школьников. Не возникло мысли, что эти исчезновения связаны?

Никита Петрович задумался, повертел чашку в руках, потом вздохнул.

– Может, связать и надо было, – сказал он наконец. – Когда дети пропали, тут такой шум поднялся. ЧП. Вся область шумела. Что область, по центральным каналам сообщение прошло. А Никольский ко мне только через неделю после этого обратился. Он ведь думал поначалу, уехала сестра...

– Я не сомневаюсь в вашей компетентности, но разве не логичнее было нанять сыщика в городе? Или Никольский был уверен, что исчезла его сестра именно отсюда, то есть совершенно точно находилась здесь, на базе?

– Вряд ли у него уверенность была, – пожал плечами Кураев. – По крайней мере, он мне такого не говорил. Его любовник интересовал. Сестра сюда не просто так ездила... Нашла кого-то. Может, здесь и познакомились. У нас народ разный появляется. А может, он к ней сюда специально приезжал, от мужниных глаз подальше. Она вроде к брату в гости... Брат с мужем не ладили, вряд ли бы муж стал ему звонить да проверки устраивать. Место тихое, никто не помешает, и все удобства. Никольский о том, что сестра пропала, узнал лишь через несколько дней. До этого думал – не звонит, значит, занята очень. Она ведь бизнесом занималась, и знающие люди говорили: обоих мужиков за пояс заткнет – и мужа, и брата. Но потом Никольский забеспокоился: не принято у них надолго пропадать. Муж к тому моменту уже в полицию сообщил, тоже насторожился, что ее телефон молчит. Закавыка еще в том, что они друг друга обвиняли: муж Никольского, а тот – мужа. И, если честно, причины-то были. Следствие установило следующее: Кассандра свой офис покинула, а дальше – как в воду канула. Машину ее в аэропорту нашли, пытались отследить по камерам, но засветилась она лишь раз по дороге в аэропорт. На парковке на нее никто внимания не обратил, парковка бесплатная, следовательно, когда там машина появилась, неясно. Могла и день простоять, и пять. Но главное даже не это. Отсюда есть короткая дорога в аэропорт, не скажу, что хорошая, но на ее машине проехать можно.

– И Никольский сделал вывод, что она могла быть на базе?

– Да.

– А что говорили обитатели базы?

– Мужики клялись и божились, что никто не приезжал, а Кассандру, мол, видели вообще только пару раз и всегда с братом.

– Ввали?

– Безусловно. Думаю, она им за молчание приплачивала. Но была ли она конкретно в те дни? Мужики самогон гнали и часто были не в себе. Для

меня вообще загадка, почему их Никольский держал. Хотя приезжие рыбаки всегда были довольны, наверное, пили вместе. Снасти, лодки у них в порядке... Да и не найти тут работников непьющих. До города пятьдесят километров, а живем точно в другом мире. Кассандра могла оставаться на базе и без их ведома, вот что я хотел сказать. Но в одном я уверен: если б чего-то стоящее знали, в конце концов рассказали бы. Любовника бы точно сдали, когда поняли, что дело серьезное.

– А не мог этим любовником быть кто-то из четверых? – спросил Берсеньев.

Кураев усмехнулся, потер нос.

– Если только студент. Пашка. Он парень видный и с образованием. А эти... Уж больно просты для такой женщины. Хотя кто этих баб поймет... – Он вновь усмехнулся и развел руками. – Одно могу сказать: шило в мешке не утаишь. Будь это в самом деле Павел, слухи бы пошли. Проболтались бы мужики... Знаете, как бывает: один другого подколол, кто-то услышал... Речь ведь о сестре хозяина, а народ любопытен... Нет, не верю я, что это Пашка...

– Однако получается, они знали нечто такое, за что их жизни лишили.

– Да... вы правы, – вздохнул Кураев. – Был уверен, ничего толкового они не знают, но выходит, что знали... Где-то я прокололся. Недоглядел, не сообразил... Хотя вдруг убили их совсем по другой причине? И дело не в Кассандре? Бог знает, что они еще могли видеть.

– Тогда логично вернуться к исчезновению школьников. Вы в поисках участвовали?

– Конечно. Я же говорил: ЧП, всех по тревоге подняли.

– Лес прочесывали?

– Тут вот в чем дело... – вроде бы смутился Кураев, хотя смутить такого, с моей точки зрения, было трудно. – Поначалу решили, что они попросту сбежали, оттого и мобильные выключили. Любовь у них была, а в таком возрасте они на любую глупость способны. Взрослому человеку даже в голову не придет... В общем, объявили в розыск. Родню, друзей всех проверили. Лес в первый день добровольцы прочесали, со всех деревень народ собрался...

– Я так полагаю, искали живых? – уточнил Берсеньев. И вновь Никита Петрович вроде бы смутился.

– Ну да... Думали, может, заблудились. Или там ногу подвернули, к примеру... мало ли что...

– А если к тому моменту ребят, к примеру, уже похоронили, каковы были у добровольцев шансы их обнаружить?

– Да никаких, – помедлив, ответил Кураев и, усмехнувшись, добавил: – Сейчас многое видится совсем по-другому. Гадай теперь, что тогда произошло. Почему вдруг исчезли женщина и двое подростков? Теперь мы эту тайну вряд ли узнаем.

– Как повезет, – засмеялся Берсенев, но Кураев его оптимизма явно не разделял. – Полицейские на базу заглядывали во время поисков? – продолжил Сергей Львович.

– Так парни сами в поисках участвовали... Я же сказал, все в округе знали, что дети пропали.

– То есть никто из полицейских базу не осматривал и нашу четверку не допрашивал?

– Черт, – пробормотал Кураев. – Но ведь и повода не было...

– Выходит, что все-таки был.

– Да уж... выходит. Что-то они знали... Жаль, нельзя их сейчас допросить...

Тут я подумала, что одного, возможно, допросить удастся, если он жив, конечно. Что за страшная тайна была у Павла?

– Я правильно понял, – вновь заговорил Берсенев, – вы год занимались исчезновением Кассандры, но ни одного подозреваемого так и не появилось?

– Почему же? То одного постояльца подозревал, то другого... В любовной связи с Кассандрой, я имею в виду. Любовника я искал в уверенности, что ему что-то да известно. Не зря он так и не объявился, хотя речь шла о женщине, которую он вроде бы любил.

– Разные бывают обстоятельства.

– Не скажите. Если любишь, все обстоятельства побоку. Иначе выходит, любовь не настоящая. И тогда сразу вопрос: может, любовник-то появился неспроста?

– Да. Такой вопрос сам собой напрашивается. Ведь у мужа был повод от благоверной избавиться.

– Если б только у мужа, – вздохнул Кураев. – При всем уважении к Юрию Николаевичу, и у него тоже. Всякое-разное про них болтали. В семейных делах, вроде этого, сам черт ногу сломит. И с братом могла поспориться, а он сгоряча ударил, к примеру. И с мужем, особенно если тот о любовнике прознал.

– А можно ситуацию спровоцировать, – подсказал Сергей Львович. – Если нет любовника, так помочь им обзавестись...

– А вы человек непростой, – со смешком покачал головой Кураев. – Соображаете быстро. Не служили? На мента вы точно не похожи. ФСБ?

– Служить не довелось, – засмеялся Берсенев. – Но с разными людьми дело имел и кое-что в жизни повидал. Насмотрелся, одним словом. Кроме постояльцев базы никто вашего интереса не вызвал? – поспешил он вернуться к прежней теме.

– Парнишка один, – ответил Кураев. – Из лагеря. Тренером там работал.

При этих словах я пораженно замерла – вот уж действительно тугой клубок получается!

– Его в деревне видели. Ничего в этом подозрительного нет, на всю округу магазин только у нас, а вожатые и тренеры – тоже люди и иногда хотят отдохнуть. Вот, может, в магазин и приходил за пивом или за чем покрепче. Продавщица наша, Валька, его не помнила, но она вообще никого не помнит. Ее как оштрафовали за то, что подросткам сигареты продала, так память у нее начисто отшибло. В общем, подумал я: мог он в магазин заглянуть, а мог явиться по другой надобности. Когда дети пропали, в лагере всех опрашивали, отвечал он спокойно, обстоятельно, хотел помочь. Но чувство у меня было... странное. Вроде он что-то скрывает. Бывает такое: и придраться не к чему, а душа не лежит.

– Это называется интуиция, – влезла я и тут же пожалела об этом, чего доброго Кураев обидится.

Он, кстати, на меня внимания не обращал, оно и понятно – когда мужчины разговаривают... В общем, соваться с замечаниями не следовало. Но, как ни странно, он к моим словам отнесся благосклонно.

– Вот-вот, интуиция, – кивнул со смешком. – Ну, я и решил за ним последить, как говорится, для очистки совести. Поздно вечером застукал его на озере с девчонкой из лагеря. Стало ясно, чего он ерзал. Девчонка-то несовершеннолетняя. Ничего такого у них не было, в тот вечер, я имею в виду. Целовались да за руки держались. Не грех, девчонка-то в него влюблена была, это же видно. Но неприятностей бы огреб лопатой. Он мужик, да еще при исполнении, а она школьница.

Тут до меня дошло, что Кураев, вероятно, говорит обо мне, если Илья, само собой, не целовался под луной с кем-то еще.

– Вот и все мои достижения, – добавил Никита Петрович.

– Детей, я так понимаю, не нашли? – уточнил Берсенев.

– Нет. До сих пор в розыске. Может, живы, а может, давно в сырой земле лежат. Задали вы мне задачу, – криво усмехнулся он. – Что ж я тогда базу не осмотрел как следует? Выходит, в самом деле хреновый из меня сыщик.

Последнее замечание Берсенев оставил без ответа, достал свой

смартфон, поколдовал над ним немного и протянул Кураеву.

– В доме Федотова я видел карту. Вот она, на фото. Что скажете?

Никита Петрович довольно долго разглядывал фотографию.

– Что сказать? Небось отмечал места, куда рыбаков водил. Здесь у каждого свое место прикормленное, на чужаков смотрят косо. А Максим насчет рыбалки хваткий был. Что сам, что гости – без рыбы с озера никогда не возвращались. Талант у мужика или удача большая.

– Как же он с такой удачей да утонул? – засмеялся Берсеньев.

– Так то на рыбу удача, а по жизни он редкий раздолбай был. И пил в последнее время, даже по местным меркам, сверх меры, а мера здесь – ведра полтора.

– То, что он утонул, подозрения у вас не вызвало?

– Нет. Да и не вникал, если честно. На пенсии как-никак. Когда человек пьет, с ним что угодно может случиться.

– Что ж, – кивнул Берсеньев. – У меня к вам еще просьба. Мы могли бы взглянуть на какое-нибудь место, отмеченное на его карте?

Такая просьба, по всей вероятности, вызвала недоумение, но возражать Кураев не стал.

– Если хотите... – и с готовностью поднялся из-за стола. – Можем отправиться прямо сейчас. Одно место совсем неподалеку.

– Поедем на машине? – спросил Сергей Львович.

– Пешком быстрее получится.

И мы отправились к озеру. Минут через десять оказались на берегу, Кураев немного потоптался и удовлетворенно кивнул:

– Вот здесь, если верить отметке на карте.

Я внимательно оглядывалась, пытаюсь понять, что здесь понадобилось Берсеньеву. Берег в этом месте был крутой, внизу – узкая песчаная полоса, в общем, ничего интересного. Но Кураев что-то углядел, ткнул пальцем вниз и сказал:

– Ветки торчат, видите? Рыбачил он тут.

Берсеньев кивнул, вроде бы соглашаясь, и вновь достал смартфон с картой.

– А что, по-вашему, он отметил здесь? Согласитесь, рыбачить в этом месте затруднительно. Или он еще охотой промышлял?

Никита Петрович взял из его рук мобильный и вновь принялся рассматривать карту. Досадливо покачал головой:

– Как же я... Видно, совсем расслабился на пенсии. Ни на что внимания не обращаю.

Само собой, мне стало интересно, и я на карту тоже взглянула. Один

крестик на ней находился очень далеко от воды.

– Место указать сможете?

– Чего ж тут мудреного, если карта есть? Там овраг, и идти придется по заболоченному полю, вам лучше обувь сменить. Лишние резиновые сапоги у меня найдутся.

Всю дорогу до дома Кураев молчал и хмурился, а когда вошли на крыльцо, спросил:

– Вы что же думаете... – Он покачал головой и чертыхнулся.

– Ну, вы же тоже сейчас об этом подумали. Давайте проверим.

– Проверим? Как?

– У нас есть два пути: весьма длинный и короткий. В первом случае мы сообщаем в полицию о карте в доме Федотова и наших умозаклечениях. Сколько на это примерно уйдет времени? Правильно: очень много. Куда проще взять лопаты и проверить самим.

Кураев продолжал хмуриться, потом окинул Сергея Львовича тяжелым взглядом и сказал:

– Одеты вы неподходяще для такой работы. Вот как мы поступим. Я мужиков организую, есть здесь пара-тройка, небось уже возле магазина ошиваются. Им копать куда сподручней, чем вам. – И добавил: – Ну что, едем?

Чувствовалось, что ему уже не терпится проверить свои подозрения. Впрочем, неудивительно, он ведь больше года потратил на разгадку здешних тайн.

У Кураева был «уазик», на нем мы и отправились. Никита Петрович прихватил три лопаты, бросил их между сидений. Возле деревенского магазина, деревянного, некогда покрашенного синей краской, с решетками на окнах и обитой железом дверью, мы сделали остановку. Бывший участковый оказался прав: на крыльце магазина обретались несколько личностей неопределенного возраста. Все в мешковатых штанах и рубашках, точно с чужого плеча. На ногах – драные кроссовки или сандалии. Один вообще был в сланцах, точно выскочил из бани, но грязные ноги делали это предположение сомнительным.

Мужики курили и смотрели на жизнь без оптимизма. Завидев «уазик», немного оживились. Один даже встал и отошел на пару шагов от крыльца. Кураев затормозил и распахнул дверцу машины, вызвав у граждан прилив энтузиазма.

– Привет, Петрович! – заголосил тот, что был ближе к нам. – На рыбалку собрался? – И окинул заинтересованным взглядом меня и Берсеньева. Наши городские наряды сбивали с толку, он переминался с

ноги на ногу, ожидая ответа.

– Дело есть, мужики, – выходя из машины, сказал Петрович.

Слово «дело» явно ассоциировалось у них с чем-то неприятным, лица потускнели.

– Проверить кое-что надо. – Мужики дружно моргнули, ожидая продолжения. – Придется яму копать, – закончил Кураев.

– Большую? – слышалось с крыльца.

– Как получится.

– Так это... пару бутылок поставить придется...

И тут вмешался Берсеньев:

– Ящик водки, если работу быстро сделаете.

Мужиков качнуло, видно, в приступе восторга, трое дружно рванули к машине, четвертый тоже вскочил, но, сделав шаг, внезапно рухнул, в последней надежде протянул руку, но обладатель сланцев рыкнул:

– А ты куда? Налакался с утра, здесь и сиди. Горазд на чужом-то горбу в рай.

– Что ж вы, Сергей Львович, нам расценки сбиваете? – с усмешкой спросил Кураев, понизив голос.

– Яркое событие лета, – пожал тот плечами.

Тут я забеспокоилась, прикидывая, как мы с такой командой доберемся до места. Выходило, что мне придется делить заднее сиденье с этими субъектами. Берсеньев об этом тоже подумал, потому что позвал:

– Иди ко мне.

Через полминуты я уже сидела у него на коленях, пристроив голову на его плече, чтобы не упираться ею в потолок. В этом смысле «уазик» удобствами не баловал, но я была вполне довольна. Личности с двух сторон загружались в машину.

– Уместились? – спросил Кураев.

– Да не вопрос, – отозвался обладатель сланцев. Жажда деятельности мужиков прямо-таки переполняла.

Мы тронулись с места, поверженный товарищ так и остался лежать на траве, правда, перекатился на спину и сложил на груди руки.

«Точно покойник», – подумала я.

– А чего копать-то будем, Петрович? – спросил самый деятельный из троицы.

– Максим Федотов отметку на карте оставил, хочу проверить.

– А карта где?

– Карта у него дома висит. Есть фотография.

Кураев кивнул, Сергей Львович достал мобильный и протянул ему,

открыв карту, а Кураев передал его назад, сказав:

– Глянь, Вова.

Что там Вова мог глянуть, для меня большой вопрос. Оказалось, что внешность, а также физическое состояние бывают обманчивы. Вова взглянул на карту и заинтересованно спросил:

– Увеличить можно?

Я показала, как это сделать, он поскреб затылок и сказал:

– Чудно... Прямо теряюсь в догадках, что покойник имел в виду.

– Место знаешь?

– Само собой. Чертов овраг. На что он Федотову сдался? Наши туда без большой нужды – ни ногой.

– Почему? – насторожилась я.

– Понятно почему, если так прозвали.

Мне было не особо понятно, но я не перечила.

– Помнишь, лет пять назад, – продолжил Вова, – там этот... забыл фамилию... удавился? Плотничал в соседней деревне. И как его в овраг этот вынесло? Мамаша говорила, туда словно тянет... Гиблое место, одним словом. Не только копать, а и вовсе туда соваться...

– Но за ящик водки можно? – напомнил Берсенев.

– За ящик-то само собой.

Проселочная дорога закончилась, и Кураев сказал, обращаясь к Вове:

– Командуй, куда дальше.

– Давай левее, – перегнувшись к нам, ответил он. – Держись по кромке оврага, с километр еще проехать сможем.

Мы двигались малой скоростью, наконец Вова произнес:

– Стоп. Дальше пешком.

Трава здесь была по пояс.

– Может, тебе в машине остаться? – предложил мне Берсенев.

– Нет, я с тобой.

– Придется крюк делать, – закидывая на плечо лопату, сообщил Вова, – чтобы болотину обойти. Держитесь за мной.

И зашагал вниз. Его товарищи шли следом, за ними Кураев и мы. Берсенев держал меня за руку. Я думала, идти придется долго, но вскоре мы спустились на дно оврага.

– Примерно здесь, – ткнул пальцем Вова. – А если надо точнее... У тебя на телефоне есть функция, чтобы широту и долготу показала? – Берсенев кивнул. – Глянь и с картой сверься. Справишься?

Слово «функция» в его устах прозвучало неожиданно, а навыки вызвали уважение вкупе с недоумением. Да, в русских селеньях есть не

только женщины, но и мужчины.

Берсеньев замер с мобильным в руке, потом протянул его Вове. Тот взглянул, расплылся в улыбке и сказал:

– Молодец. А по виду-то не скажешь.

– Приступаем, – ответил Берсеньев не без ядовитости.

Мужики, предварительно отметив границы будущей ямы, поплевав на руки, взялись за работу.

Мы устроились на пригорке, Кураев закурил, посмотрел на нас и спросил с сомнением:

– Неужто найдем чего?

– Скоро узнаем, – равнодушно отозвался Сергей Львович.

Мужчины между тем сняли дерн, сложили его в сторонке и вновь взялись за лопаты. Теперь работа пошла быстрее. Она прервалась лишь на миг, Вова грозно рыкнул:

– Ты чего, гад, халтуришь?!

– Да неудобно в сланцах-то...

– Неудобно... А пить наравне со всеми удобно?

Мужик матюгнулся сквозь зубы и стал демонстрировать рвение. Вторично выругался минут через двадцать, но уже по другому поводу.

– Твою мать, – услышали мы. – Глянь, ботинок...

И в самом деле среди комьев земли виднелся ботинок, давно потерявший и цвет, и форму. Судя по размеру, детский или женский. Кураев вскочил, крикнув:

– Ничего не трогайте! – И бегом спустился вниз.

Берсеньев поспешил за ним, сказав мне:

– Тебе лучше здесь остаться.

Трое мужчин, опершись на лопаты, стояли на краю раскопа. Кураев аккуратно разгребал землю руками, Берсеньев стоял рядом, наблюдая. Наконец Кураев выпрямился и сказал:

– Это кость. Вызываем полицию?

– Вам видней, – пожал плечами Берсеньев.

– Может, это... корова дохлая или еще чего? – подал голос Вова. – А ботинок... здесь всякого добра по кустам навалено.

– Черт, – Никита Петрович явно не знал, на что решиться. – Разгребаем аккуратно, чтобы убедиться...

Мужчины, бросив лопаты, спустились к нему, начали расчистку руками и очень быстро обнаружили череп. Человеческий. Кураев кивнул нам, мы отошли в сторону, и он, понизив голос, заговорил:

– Здесь труп, сомнений нет. Не знаю, кого он или они убили, но... На

душе у Федотова было хреново, иначе не стал бы он место на карте указывать.

– Согласен, – кивнул Сергей Львович.

– С вами как быть? – вдруг спросил Кураев, нахмурившись.

– Хотим ли мы тратить свое время и нервы на разговоры с полицией, которые все равно никакой пользы не принесут? Нет, не хотим. Нас интересует судьба Павла, родственника вот этой милой девушки. Вы человек бывалый и знаете: объяснять замучаешься, почему мы связали его исчезновение с базой и этой самой картой. – Кураев кивнул, вроде бы соглашаясь, а Сергей Львович продолжил: – Вам все объяснить гораздо проще. Мент он, как известно, всегда мент, даже бывший. Взгляд у вас наметанный. У Федотовой давно были?

– На днях заходил, за молоком. Она козу держит.

– Отлично. Увидели карту, запал вам в голову этот крестик вдали от озера, да еще в таком месте, которое аборигены «чертовым» прозвали. Никто сюда зря не сунется, вот и решили догадку проверить, вспомнив историю девятилетней давности. По сути, все так и есть. Если о нас мужики проболтаются, не беда. Были у вас в гостях, вы о догадках своих рассказали, а мы приняли участие. Из любопытства.

Кураев вновь кивнул, а Сергей Львович полез в бумажник. Отсчитал купюры и протянул ему.

– Это мужикам на ящик водки, как обещал.

– Здесь много, – сказал Кураев, принимая деньги.

– Дорогой купите.

– Шутите? Они такого расточительства не поймут.

– Решайте сами.

Берсеньев зашагал прочь, подхватил меня за руку, и мы стали выбираться из оврага.

– Дорогу найдете? – крикнул Кураев.

– Найдем.

Когда я оглянулась, мужики пересчитывали деньги, радостно матюгаясь, а Кураев звонил по мобильному.

– Как думаешь, это Кассандра? – спросила я, когда мы вышли к «уазику».

– Наверное. Если, конечно, Федотов с товарищами не делали начинку для пирожков из доверчивых путников, попросившихся на ночлег.

– Я серьезно.

– И я не шучу.

– Это же просто сказки.

– Да?

Тут я напомнила себе, что самые страшные сказки могут стать кошмаром наяву, и вздохнула.

– В любом случае, – продолжил Берсеньев, – пора нам встретиться с родственником для прояснения ситуации.

– Но как же мы его найдем? – вздохнула я.

– Милая, – усмехнулся Сергей Львович, – если можно что-то спрятать, значит, можно и найти. – И кивнул в сторону раскопа.

До дома Кураева мы добрались без происшествий, предупредили его жену, что он задержится, и поехали в город. Всю дорогу Берсеньев молчал, о чем-то размышляя, и я не рискнула эти размышления прервать.

– Ужин приготовить сможешь? – спросил он, когда мы поравнялись с первыми домами на окраине. – В холодильнике полно продуктов.

– Смогу. А что будешь делать ты?

– Родственника выслеживать.

– Один?

Он усмехнулся.

– Предполагается, что мы теперь навек неразлучны?

– Предполагается, что ты мне помогаешь в расследовании.

– В смысле, ужин готовлю? – хохотнул он.

– В смысле, мы все делаем вместе.

– Значит, я все-таки прав. Не хочешь немного отдохнуть от меня?

– То есть я тебе уже осточертела?

– Боже избави. Мой взгляд отдыхает на красивой девушке... Выслеживать кого-то ужасно скучно. Я просто хотел избавить тебя от серых будней.

– Звучит почему-то неубедительно.

– Хорошо, ужинаем в ресторане, а к Севастьянову отправимся вместе.

– Почему к Севастьянову? – не поняла я, сообразив, что это тот, о ком рассказывал Рыжий. Тип с сомнительной репутацией, с людьми которого встречался родственник незадолго до своего исчезновения.

– Зачем-то Павлу понадобились лихие ребята. Возможно, им известно, где он сейчас. Я в этом практически уверен. Посмотри, где находится офис Севастьянова.

Офис мы нашли без проблем – трехэтажное здание в восточном районе. Берсеньев его разглядывал, медленно проезжая мимо.

– Забор, проходная... все по-взрослому, – со смешком заметил он.

– Будешь изображать бродячего олигарха?

– Повторяться – дурной тон. К тому же здесь этот номер не прокатит. Но «язык» нам не помешает.

Довольно скоро выяснилось, что за «язык» он имел в виду, а также почему намеревался избавиться от меня, определив в кухню.

Из офиса вышли две девушки, расцеловались и направились каждая к своей машине на парковку по соседству.

– Блондинка или брюнетка? – спросил Берсеньев.

– Что?

– Просто ответь.

– Блондинка.

– Отлично. Наши вкусы схожи.

Он дождался, когда девушка отъедет, и отправился следом.

– Ты намерен с ней познакомиться? – озарило меня.

– Это проще, чем похищать ее средь бела дня, а потом допрашивать с пристрастием.

– А если у нее есть любимый?

– Значит, твой выбор был неудачным.

– А если она едет домой?

– Побойся бога, сегодня пятница...

Я успела забыть, что существуют дни недели, и о многом другом тоже. Блондинка направилась в центр города, и мы от нее не отставали.

Наконец она свернула к торгово-развлекательному центру «Октябрьский», Берсеньев мне подмигнул, а я вдруг почувствовала раздражение. На самом деле, конечно, ревность. Он начнет охмурять эту девицу и, разумеется, преуспеет. Я в этом не сомневалась. Интересно, как далеко он намерен зайти? В лоб ее не спросишь, что у вас за дела с конторой Павла и кто хозяина туда обычно сопровождает. Но не потащит же он ее в постель?

Я покосилась на Берсеньева, пытаюсь решить, потащит или нет. Он был занят девушкой и на меня внимания не обращал.

– Между прочим, ей за тридцать, – съязвила я. – Среди девиц ее возраста тьма-тьмущая излишне привязчивых, от которых не так просто избавиться.

– Среди нас тьма-тьмущая таких же, – с серьезным видом заявил он и тут же засмеялся. – Хочешь, дам тебе кредитку? Прогуляйся по магазинам. Купи эротическое белье, потом похвастаешь.

– У меня есть кредитка, – буркнула я.

– Моя – волшебная, деньги на ней практически не кончаются.

– Я не собираюсь тебя разорять.

– Да? Жаль. Я как раз мечтал об этом.

Он бросил мне на колени ключи от машины и кредитную карту, назвал пин-код и чуть ли не бегом бросился к лифту, крикнув:

– Надоест ждать, отправляйся готовить ужин.

– Гад, – буркнула я, убирая ключи и кредитку в сумку.

Может, правда, по магазинам пройтись? Чего это он про эротическое белье вспомнил? Ему мое не понравилось? Учítывая, что он видел меня в белье считанные секунды...

Я припустилась к лифтам, но вовсе не за бельем. Решила проследить за тем, как будут развиваться события, хотя и подозревала, что мое любопытство Берсеньеву вряд ли понравится. Возле лифтов я его уже не застала, поднялась на третий этаж, где были сосредоточены кафе и рестораны, и принялась оглядываться.

Через полчаса безуспешного снования по этажам я отправилась в отдел дамского белья, где часа полтора получала настоящее удовольствие, прибавьте к этому чувство гордости и мстительное удовлетворение, что Берсеньеву сегодня нелегко со мной придется.

В общем, отдел я покидала счастливой, шла, весело помахивая бумажными пакетами с покупками, и вот тогда увидела их. Они сидели в кафе, нас разделяла стеклянная стена. Берсеньев что-то говорил девушке, и его рука лежала на ее руке. Он смотрел на нее с нежностью, а в ее взгляде уже было обожание. Если бы я не знала, что они познакомились от силы два часа назад, решила бы, что передо мной влюбленная пара, без ума друг от друга. На них хотелось смотреть и счастливо улыбаться.

«Он притворщик, – с горечью подумала я. – И его слова и взгляды, когда он со мной, ничего не значат, как не значат и сейчас. Я люблю человека, которого совсем не знаю, даже не догадываясь, какой он на самом деле. Калейдоскоп масок, и я не уверена, мелькнуло ли среди них его настоящее лицо, если только тогда, ранним утром, после нашей первой близости. Он сидел на полу и смотрел в окно. Куда и что там видел?»

Я испуганно попятилась, боясь, что ноги вдруг откажут мне и я грохнусь в обморок, к изумлению людей, спяющих вокруг. Бросилась в туалет, чувствуя дурноту и головокружение. В туалете умылась холодной водой и долго стояла, прижавшись лбом к двери кабинки, в которой укрылась от посторонних глаз. Это было как цепная реакция, и теперь я все подвергала сомнению, не только его чувства. Все, что он говорил и делал, могло быть таким же притворством.

Я умылась еще раз и, глядя в зеркало, пыталась призвать себя к порядку. Собственно, ничего такого не произошло. Он охмуряет девицу с

моего ведома и для общего дела, а я успела бог знает что вообразить. Уговоры подействовали ровно настолько, чтобы я могла покинуть туалет – ненадежную крепость, в которой укрылась.

На душе пакостно и беспокойно, и я уже не знала, кого и в чем обвиняю – его в притворстве или себя в предательстве, ведь сомнения в любимом – это предательство. Но самой настойчивой, перекрывавшей все другие, была мысль о том, что мне его не удержать. Явился из ниоткуда, сверкнув ярким метеором, и вновь исчезнет в никуда.

«Ну и пусть, – подумала я с неожиданной злостью. – Могло бы и вовсе ничего не быть. Нечего жаловаться на судьбу, что все продлится так недолго, лучше скажи ей спасибо за эти несколько дней». Странное дело, но это подействовало.

Я отправилась домой. Еще одна странность: теперь я мысленно называла так дом, который ни мне, ни Берсеньеву не принадлежал. Но это все равно был наш дом. Еще раз примерила покупки, чтобы поднять настроение, а потом занялась ужином. И дала себе слово, что Берсеньеву звонить не буду.

Мое терпение подверглось серьезному испытанию. Вернулся он довольно поздно. Все это время я металась между желанием то ли зареветь, то ли все-таки позвонить. Обошлось без того и другого. Наконец я услышала, как подъехало такси, а потом хлопнула входная дверь, я вышла ему навстречу, а он заключил меня в объятия.

– От тебя ее духами пахнет, – сказала я, улыбаясь. Нелегко мне это далось.

– Сейчас приму душ. Хочешь со мной?

Я решила было отказаться, но вовремя одумалась, и мы принялись раздевать друг друга: одна моя вещь против одной его, а потом стояли под струями воды, он целовал меня, а я прижималась к нему все крепче и крепче.

Мы зажгли свечи, устроившись за столом, и я спросила:

– Есть новости?

– Звонил Кураев.

– Тело извлекли?

– Три тела. Там оказалась братская могила.

Тут я подумала: задавать подобные вопросы за ужином вряд ли стоило, ответы у кого угодно отобьют аппетит.

– И что они думают по этому поводу?

– Как правило, с выводами они не торопятся.

– А ты что думаешь?

– Я думаю, там трое потеряшек: Кассандра и школьники из лагеря. По крайней мере, о других исчезнувших в тех местах Кураеву неизвестно. Если я прав, установить их личности будет нетрудно: у Кассандры есть брат, и родители ребят наверняка живы.

– Но как они оказались в одной могиле? Что их связывало?

– Об этом лучше спросить твоего родственника.

– И ты знаешь, как его найти?

– Ну, я же не зря тратил время на блондинку. Представился начальником охраны фирмы, где работал Павел. Сказал, кто-то из наших сливает информацию Севастьянову. Проявил интерес к его людям. Оказывается, у него есть личная охрана. В наше время это для бизнесмена его уровня нетипично, если, конечно, у бизнесмена нет больших проблем. Блондинка шефа не жалуется, повествуя о нем, сбивается на ненормативную лексику. Всех его людей сдала с потрохами с большим удовольствием и без тени сомнений. Месяц назад отмечали юбилей шефа, она как раз отвечала за поздравления, в телефоне остались фотографии сотрудников, в том числе личной охраны в количестве шести человек. Работают по двое и везде сопровождают своего шефа, то есть Рыжий видел кого-то из них. Неделью назад ушли в отпуск Суханов и Редин. У одного якобы мать чуть ли не при смерти, у другого у жены проблемы со здоровьем. Оба вроде город покинули, мать живет далеко отсюда, жене необходима консультация медицинского светила в Петербурге. Но Редин совершенно точно в городе, блондинка случайно встретила его вчера, – с этими словами Берсеньев протянул мне свой мобильный. – Взгляни.

– Это же тип, что напал на меня...

– Точно?

– Точно. Я ему в ухо дала... Совершенно точно – он. О втором так уверенно не скажу, но очень похож на его дружка.

– Отлично, – кивнул Берсеньев. – Адреса девушка не знает, но после ужина мы заглянем в Интернет и попытаемся их найти, а когда найдем, эти типы, скорее всего, выведут нас на родственника.

– Я все гадаю, зачем Павлу понадобилось это исчезновение. Допустим, он причастен к гибели людей, чью могилу мы обнаружили. Но получается, что об этом знал еще кто-то и расправился с тремя его друзьями через столько лет. Кто это может быть? Родственники одного из убитых?

– Учитывая, что трупы появились лишь сегодня, – весьма сомнительно, – ответил Берсеньев.

– А если у человека, решившего с ними разделаться, не было доказательств? Только подозрение?

– Тогда это кто-то из родственников Кассандры, скорее всего, брат. Пропавших школьников с базой никто не связывал, а вот Никольский вполне мог заподозрить что-то и даже обнаружить доказательства.

– С доказательствами он бы в полицию пошел, – нахмурилась я.

– Это кто как решит. Он мог разделаться с Федотовым, воспользовавшись случаем, а потом и с остальными, раз уж первое убийство легко сошло с рук. Впрочем, с таким же успехом мстителем может оказаться и муж Кассандры. Вдруг он любил ее преданно и нежно, а Никольский его попросту оклеветал? Теперь, когда трупы обнаружены, следствие возобновится, и для убийцы или убийц это будет неприятным сюрпризом.

Ужинать мы закончили, я убрала посуду, а Берсенев устроился на диване с компьютером. Я села за его спиной, обняла, положив голову ему на плечо. Он как будто вовсе не обращал на меня внимания, стучал по клавишам, время от времени делая глоток из бокала с красным вином, потом вдруг повернулся ко мне и спросил:

– Может, скажешь, в чем дело?

– Я тебя ревную, – помедлив, ответила я, и он засмеялся.

– Приличной девушке не предлагают секс в день знакомства.

– Возможно, у блондинки другое мнение на этот счет.

– В любом случае это ничего не значит. Разве нет?

– Что-то да значит, – усмехнулась я. – Ты отворачиваешься от любимого в сторону, пусть на короткий миг, но когда поворачиваешься обратно, все уже изменилось.

– Наверное, ты права, – кивнул он и привлек меня к себе. – Не вздумай в меня влюбиться. Я не тот человек, который тебе нужен.

– Возможно, ты прав. Жаль, что с советом опоздал.

– И что прикажешь теперь делать? – усмехнулся он и поцеловал меня.

И все перестало иметь значение, хотя бы на те несколько часов, что мы были вместе и любили друг друга.

Он уснул, а я лежала в серых сумерках раннего утра и пыталась понять: это со мной что-то не так? Или все-таки с ним? Почему он решительно отвергает саму идею нашего будущего, словно оно невозможно по определению? Ответ вроде бы на поверхности: он просто не любит меня. Но откуда тогда эта щемящая нежность, эта доброта с легкой усмешкой, эта страстность, когда он со мной? Забота, внимание, желание сделать приятное, наконец? Неужто это ничего не значит? И что это такое тогда, если не любовь?

«Он притворщик», – напомнила я себе. Но какой смысл в его

притворстве? Смысл игры в игре. В желании выиграть, вот и все. Чувства можно имитировать, когда не способен их испытывать, заполнять пустоту в душе. Но в какой-то момент ты устаешь от этого, от своего притворства, от женщины, и бежишь дальше.

А если все наоборот, и я безуспешно пытаюсь занять чужое место, а он, точно зная, что это невозможно, хватается за соломинку в надежде убежать от самого себя? От своей любви, которую не в силах забыть? И чувство ко мне, и я сама – лишь бледная тень той, другой, о которой он тоскует, в одиночестве сидя перед окном? Словно навсегда запутавшись в мирах и не в силах вернуться назад.

Я поднялась с кровати, прошла в кухню, выпила воды. Постояла возле окна, словно ища ответ. Когда я вернулась в спальню, он лежал на спине, закинув руки за голову и сбросив одеяло. Я приблизилась на цыпочках с намерением его укрыть, наклонилась, и тут он перехватил мои руки, а я мгновенно оказалась на полу, взыв от боли.

Он взглянул недовольно и сказал:

– Черт...

А я ответила:

– Я просто хотела поправить одеяло.

– Милая, я не младенец и как-нибудь обойдусь.

Он помог мне подняться и сказал виновато:

– Какая-то чушь снилась. Я тебя напугал?

– Нет, – покачала головой я, и, когда мы вновь лежали, обнявшись, он сказал:

– Спи.

Я закрыла глаза, мысленно шепча: «Все хорошо. Я просто его напугала... Это ничего не значит, ничего...»

Утром Берсенев встал рано, и я тут же проснулась, почувствовав, что его нет рядом.

– Ты где?! – крикнула, получилось испуганно, что меня саму разозлило.

– Тут неподалеку, – ответил Сергей Львович, появляясь из ванной. – Полночи не спала и проснулась в такую рань...

Он собирался бриться, судя по мыльной пене на лице, и я спросила:

– Ты-то чего вскочил?

– У меня есть дело. А ты можешь наслаждаться сном до самого обеда.

– Хочешь, приготовлю завтрак?

– Чувствую, ты взялась за меня всерьез, – засмеялся он, возвращаясь в

ванную. – Готовь, если спать не хочешь.

– Яичница подойдет?

– Креатив на троечку, так тебе мужика в ЗАГС не загнать.

– Сырники, блинчики, каша?

– Я оценил твой душевный порыв. Сгодится яичница. Кофе я сам приготовлю. Прости, милая, но в смысле кофе ты безнадежна.

– Обещаю исправиться. Я способная ученица.

– Это да...

Он появился в кухне с полотенцем в руке, накинул мне его на плечи, притянул к себе и поцеловал.

– Что у тебя за дело? – спросила я без нажима.

– Хочу проверить, чем заняты парни из охраны Севастьянова.

– Тогда мне следует тебе помочь. Их ведь двое. За одним присмотришь ты, за другим – я.

– Должен предупредить: это совсем не увлекательное занятие.

– Ага. Особенно когда тебя нет рядом. Но я готова на жертвы.

– Ты потрясающая женщина.

Он сварил кофе, а я приготовила завтрак.

– Нашел их адреса? – спросила я, он кивнул.

– Кого предпочитаешь – Суханова или Редина?

– Вряд ли кто из них мне понравится, так что выбор за тобой. Мне понадобится машина, надо будет ко мне заехать.

– Заедем. Надеюсь, в это прекрасное субботнее утро они никуда не торопятся.

Через сорок минут мы уже были возле моего дома.

– Адреса и фотографии я сбросил на почту, – сказал Берсеньев, останавливая машину на въезде во двор. – Живут они довольно далеко друг от друга, мой – Суханов, твой – Редин. Если он появится, звонишь мне. Сразу за ним не бросайся, немного выжди и держись на расстоянии. Из машины ни при каких обстоятельствах не выходи.

Кивнув, я отправилась к своей «Ауди» и вскоре покинула двор. Некоторое время Берсеньев ехал за мной, потом, посигналив, свернул.

Редин жил в новостройке на Луначарского. По табличкам с номерами квартир над дверью я нашла нужный подъезд и припарковалась в глубине двора. Через час стало ясно: Берсеньев прав, подобное занятие увлекательным не назовешь. Субботнее утро, двор пуст, никто не спешил покинуть дом, большинство его обитателей, должно быть, еще крепко спали. Если честно, я и сама едва не уснула, сказывалась бессонная ночь.

Очень хотелось позвонить Берсеньеву, но мысль о том, что это может его рассердить, останавливала.

Включив радио, я таращила на дверь подъезда, думая о том, что, скорее всего, Редина так и не увижу, он, вполне возможно, уехал из города.

И тут он появился. То есть поначалу я вовсе не была уверена, что это он. Но, увидев молодого мужчину, насторожилась. Он прошел совсем рядом, я успела сползти вниз по сиденью, однако его лицо хорошо рассмотрела.

Пока я набирала номер Берсеньева, Редина сел в стоящий неподалеку «Фольксваген». Номера другие, но машина, скорее всего, та самая, на которой он был с дружкой во время нападения. Он завел машину, вышел, закурил и немного потоптался рядом. Физиономия выглядела помятой.

– Он вышел из дома, – зашептала я, когда Берсеньев ответил.

– Отлично. Держись от него на расстоянии, мобильный не отключай и комментируй каждое свое действие.

Докурив сигарету, Редина вновь устроился за рулем и выехал со двора. С трудом сдерживая нетерпение, я досчитала до ста и поехала за ним.

– Мы на проспекте, – включив громкую связь, сообщила я.

Следуя на расстоянии за «Фольксвагеном», я вскоре оказалась на улице Алябьева, и тут Берсеньев сказал:

– Все, я его вижу, – а вслед за этим я заметила машину Сергея, она выехала из переулочка. – Держись за мной, – приказал он.

Пропустив его вперед, я вздохнула с облегчением – он-то Редина точно не проворонит.

Между тем мы оказались на окраине города, здесь движение интенсивностью похвастать не могло. И я вновь забеспокоилась. По моему мнению, Берсеньев держался от «Фольксвагена» слишком далеко. Редина свернул в переулок, Сергей Львович остановил машину и дальше пошел пешком. Только тогда я обратила внимание на знак «тупик». Припарковалась позади «БМВ» Берсеньева и открыла окно, ожидая его. Он позвонил минут через десять.

– Спрячь свою тачку, там напротив подворотня.

– А... – начала я, но он уже отключился.

Машину я перегнала, через несколько минут после этого по дороге проехал седан синего цвета, определить марку я не успела, а вскоре в подворотне появился Берсеньев.

– Где Редина? – спросила я, когда он сел со мной рядом.

– Вошел в тридцать второй дом, последний в переулке. Думаю, Павел там.

– Мало ли к кому он мог приехать... – начала я.

– Он прибыл на смену Суханову, тот вышел из дома через пятнадцать минут после того, как приехал Редин. Они либо охраняют родственника, либо держат здесь принудительно. Местечко подходящее, частный дом на отшибе, в двух соседних, похоже, никто не живет.

– Что будем делать? – спросила я.

– Пока не знаю. Немного понаблюдаем. Пошли.

Покинув подворотню, мы некоторое время двигались параллельно переулку, свернули и, миновав полуразвалившийся сарай, а также сооружение из красного кирпича, видимо подстанцию, вскоре оказались на пустыре.

Фасад тридцать второго дома выходил в переулок, отсюда до него расстояние приличное. Вдоль покосившегося забора мы прошли к соседнему дому, судя по его виду, давно не жилому, и поднялись на крыльцо. Теперь вести наблюдение можно было с комфортом, не привлекая к себе внимания.

Тридцать второй дом тоже казался нежилым, шторы на окнах плотно задернуты, но, видно, висели так давно, что посерели от пыли. Взгляд Берсеньева возвращался к подстанции, точно его что-то по непонятной причине беспокоило. Хотя это скорее мои фантазии.

Сидя на ступеньках крыльца рядом с Сергеем, я прижалась к его плечу, а он жевал сорванную травинку, наблюдая за домом. Несмотря на кажущуюся заброшенность, тропинка к нему натоптана, калитка закрыта, и забор не покосился.

Машину, на которой приехал Редин, загнали во двор, наверное, подальше от досужих глаз. Хотя в этой части переулка жизнь уж точно ключом не била. Не знаю, как укрытие, но место, где можно довольно долго держать пленника, безусловно, подходящее. Кому понадобилось заточать родственника? Ясно, что Редин с Сухановым действуют не по собственной инициативе. Они работают на Севастьянова, но Павел зачем-то общался с одним из них до своего исчезновения, вызвав недоумение Рыжего. Вот только добровольно общался или нет?

Тут я подумала: нечего в одиночку голову ломать, лучше все это обсудить с Берсеньевым. Но не успела. Дверь тридцать второго дома распахнулась, и появился Редин. Я обратила внимание: дверь он запирает не стал, что довольно странно, если в доме пленник. Открыл ворота, и я спросила:

– Бежим к машине?

– Лучше в дом заглянем, – отозвался Сергей.

Редин уехал, а мы, дождавшись, когда его машина скроется за поворотом, подошли к тридцать второму дому со стороны двора, захламленного и грязного. Сюда выходило окно террасы. На том месте, где когда-то была форточка, теперь просто дыра, заткнутая старой подушкой. Рядом – низкая дверь. Она оказалась запертой изнутри, никакого замка с этой стороны мы не обнаружили.

– Я смогу влезть в форточку, – шепнула я, – если ты меня подсадишь.

Берсенев взял ящик, валявшийся неподалеку, приставил к окну, вытащил подушку и подхватил меня на руки.

«Надеюсь, рама выдержит», – запоздало подумала я и, опираясь ногой на руки Берсенева, полезла внутрь. К счастью, девушка я гибкая. Самой большой проблемой оказалось не влезть в дом, а сделать это бесшумно. С той стороны подоконник был довольно широким, что задачу значительно облегчило. Аккуратно спустившись, я огляделась. Этот закуток использовали как кладовку для всякого хлама. Прошмыгнув к двери, выходящей во двор, я убедилась: она заперта на щеколду. Открыла ее и с облегчением вздохнула, увидев Берсенева.

Он приложил палец к губам и указал за свою спину, что означало: «Помалкивай и следуй за мной». Немного постоял, прислушиваясь, а потом зашагал к двери, которая, как оказалось, вела в кухню.

Дверь была не заперта, мы вошли и увидели Павла. Стоя спиной к нам, он что-то жарил на допотопной двухконфорочной газовой плите, весело насвистывая, в фартуке поверх спортивного костюма и мохнатых тапочках. Выглядел счастливым пенсионером.

Берсенев заглянул в распахнутую настежь дверь, она вела в переднюю часть дома, Павел на его передвижения никак не реагировал. Тут я заметила в его ушах наушники и удивляться внезапной глухоте перестала. Берсенев их заметил гораздо раньше, вот и смог осмотреть дом. Подошел к Павлу почти вплотную, выдернул наушники и сказал:

– Бог в помощь.

Тот смешно подпрыгнул, хватаясь за сердце.

– Вы кто? – спросил испуганно и в этот момент заметил меня. – Алла? Ты почему здесь? Что вообще происходит?

– Вот и я задаюсь тем же вопросом: ты утонул или нет?

– Я... я все объясню, – сказал он, глаза нервно забегали. Ясное дело, он был занят совсем обратным: придумывал, как бы ничего не объяснять.

– Безутешная вдова в курсе вашего внезапного воскрешения? – спросил Берсенев, а я подумала: «Что, если сестра действительно обо всем знала? Такое трудно представить...»

– Алла, кто этот человек? – попробовал возмутиться Павел, но получилось довольно жалко.

Берсеньев ткнул его кулаком в бок, и он согнулся пополам, сдавленно охнув.

– Редин надолго уехал? – спросил Сергей.

– Не знаю...

От следующего удара он взвизгнул и, судя по всему, начал подумывать о сотрудничестве, потому что ответил:

– На час, максимум полтора.

– Отлично, у нас есть время побеседовать.

Берсеньев запер дверь, ключ, торчащий в замке, убрал в карман и подтолкнул Павла в сторону комнаты, сказав:

– Газ не забудь выключить.

Мы оказались в передней, шторы на окнах плотно задернуты, оттого здесь горел свет, вдоль стен – старая мебель. Сергей Львович устроился на диване, Павел – в кресле напротив, а я – в кресле между ними.

– Слушаем очень внимательно, – кивнул Берсеньев.

– Я оказался в очень трудной ситуации, – вроде бы обращаясь исключительно ко мне, начал Павел. – И мне пришлось... Другого выхода я не видел...

– Это все лирика, – перебил Сергей Львович. – Переходим к главному.

– У меня долги, – скороговоркой выпалил Павел. – Мне угрожали, и моей семье тоже.

– Кому ты задолжал? Севастьянову? Берусь уладить все проблемы одним звонком.

Берсеньев достал мобильный, а родственник заволновался.

– Нет... нет, другое. Другие люди.

– Вчера полицейские обнаружили три трупа неподалеку от «Приюта рыбака», где ты работал девять лет назад. Расскажи нам об этом.

Слова Берсеньева произвели такое впечатление, что родственник лишился дара речи и теперь сидел с выпученными глазами, беззвучно шевеля губами.

– Эй, – позвал Сергей. – Пора возвращаться в этот мир.

– Какие трупы? – заикаясь, пробормотал Павел. – Вы что, с ума сошли?

– Ну, если тебе о них ничего не известно, – вздохнула я, – тогда беспокоиться нечего, я звоню сестре и в полицию. Люди сбились с ног, ищут тебя...

– Подожди, – взмолился он. – Не надо никому звонить. Мы же не

чужие, и ты просто обязана мне помочь. Ради сестры, ради Сашки.

– Ты ради них уж точно расстарайся, – серьезно сказала я. Берсеньев едва заметно усмехнулся, а Павел спросил:

– Кто этот человек?

– Мой друг, – пожала плечами я. – Он мне помогал в поисках.

– Каких поисках?

– Твоих. Ты внезапно нас покинул...

– Я же сказал, обстоятельства сложились так, что...

– Кто убил твоих дружков? – лениво поинтересовался Берсеньев. – Тех самых, с которыми ты работал в «Приюте рыбака»?

– Вы и это знаете... – нахмурился Павел, данное открытие его совсем не радовало.

– Мы столько успели раскопать, что тебя уже впору закапывать, – заверил Берсеньев. – Каяться нам будешь или полиции?

– В чем я, по-вашему, должен каяться?! – возмутился он.

– Поехали, – поднимаясь, сказал Сергей, двинул ему кулаком в ухо, а потом ухватил за шиворот.

– Алла! – вновь заверещал родственник.

– Добавь ему еще и от меня, от сестры и от дочки.

Сергей Львович просьбу выполнил, теперь Павел уже рыдал. Сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь его бил, новый опыт оказался весьма чувствительным, а главное, болезненным.

– Расскажи мне о Кассандре... – ласково попросил Сергей. – И без наводящих вопросов, нервы у меня практически на пределе. Кто из вас ее убил?

– Это не я! – отчаянно закричал Павел.

– Принимается, – кивнул Сергей. – Далее. Подробно и без вранья, оно наказуемо: на том свете – Господь, здесь – я. И еще вопрос, где будет хуже.

– Мы ее не убивали, – сказал Павел.

Эти слова словно открыли невидимые шлюзы, он говорил и говорил, должно быть, разом почувствовав облегчение.

– Она приезжала иногда, раз в неделю или реже. Думаю, у нее был любовник. Мы его никогда не видели, да и не хотели, если честно. Не наше это дело. Она приезжала, останавливалась в доме, что ближе к озеру, и мы узнавали об этом, только когда видели свет в окнах. В тот вечер мы напились. Если честно, пили мы много, Федотов помешался на самогонноварении, на всех этих хреновухах, можжевельовках и прочем, настоящий маньяк. Когда рыбаков на базе не было, заняться там, собственно, нечем, вот у нас крыша и ехала. В общем, мы напились так, что

впоследствии никто из нас ничего не помнил.

Меня разбудил Федотов, его так трясло, что сначала я ничего не понял. Он повторял: «Идем, идем». И я пошел за ним. В столовой уже были Петька и Арсений, оба зеленые. Я-то сначала думал – с перепоя. Пока ее не увидел. Кассандру. Она лежала на полу за диваном. Подол задран к самому лицу, ноги раздвинуты, грудь разворочена выстрелом. Ужас. Мы не могли взять в толк, что произошло. Никто из нас не сомневался: мы ее не трогали. С какой стати? Но кто бы нам поверил? Тем более что о той ночи ни у кого воспоминаний не осталось. Полный провал в памяти. То ли так упились, то ли нам в самогон чего-то подсыпали. Подсыпал убийца, ведь кто-то ее убил? И мы решили – это ее любовник. А кто еще? Но его найти надо, а мы тут, рядом. Станет полиция разбираться или нет – большой вопрос.

– И вы решили ее прикопать по тихой?

– А у нас был выбор? Федотов, когда немного пришел в себя, ружье проверил. Ружье, как положено, держал в сейфе, но ключ висел на крючке рядом. У нас же все свои. А войти в дом мог кто угодно. Так вот, из федотовского ружья ее и застрелили. Оно под столом валялось. Подстава, да такая, что нам одна дорога – в тюрьму. Федотов и предложил: ее зарыть, ружье почистить, выскоблить все, и в нашем доме, и в том, где она останавливалась. Там, кстати, все аккуратненько выглядело. Постель разобрана, вещички на вешалке висят. Вещи мы собрали, тело спрятали под старыми лодками и принялись все отмывать. Целый день драили, очень боялись, что хозяин явится или кто-то из рыбаков. Но нам повезло. Вечером загрузили труп в тачку и пошли к Чертовому оврагу. Федотов сказал, надежнее места нет, туда без дела не ходят. Машины у нас не было, с этой чертовой тачкой намучились. От дороги Кассандру в старом одеяле несли. Вырыли могилу...

– И тут появились ребятишки из лагеря, – подсказал Берсенев. Павел дернулся, как от удара.

– Ребятишки? Парень с девкой. В темноте разве поймешь, сколько им лет? Они за нами следили, небось видели, как мы с тачкой по дороге шли. Их Петька засек. Ветка хрустнула. Эти двое испугались и бежать. И он за ними с лопатой. Парня ударил, девка орать принялась, ее Сенька придушил. Просто хотел, чтобы заткнулась. Мы были в шоке, понимаете? Никто и опомниться не успел, как все это произошло – ни Петька, ни Арсений, ни мы с Федотовым. Федотов вообще сказал – в полицию звонить надо, но я его отговорил. Боялся, что эти двое и его чего доброго убьют. А затем и меня. Закопали всех троих поглубже, дерн на место вернули. Максим в таких делах мастер. Потом опять напились. Я даже повеситься

хотел, так тошно стало. Но когда школьников искать принялись, никто из нас о полиции уже не думал, а только о том, как бы не засыпаться. Пошли добровольцами на поиски, взяли себе тот самый участок. Зуб на зуб от страха не попадал. Но все обошлось. Нам и вопросов-то особо не задавали. Спросили просто, не видели ли ребят возле базы. А через несколько дней явился Никольский и давай о сестре расспрашивать. Участковый стал наведываться. В общем, не знаю, как я все это выдержал. Не спал, не ел, все ждал, что вот-вот за нами явятся. Но никто не явился. Лето кончилось, я уволился, началась привычная студенческая жизнь. И все понемногу на свои места встало. Но я и врагу не пожелаю пережить то, что я пережил. Я не сделал ничего плохого и никого не убивал. Мне просто не повезло... Года три я спать спокойно не мог, потом все понемногу улеглось, почти забылось. Пока я Федотова не встретил. На рынке. Поехал Сашке фруктов купить, а он идет мне навстречу. Рожа такая, что краше в гроб кладут, видно, что пьет по-черному. Я надеялся, он меня не заметит, какое там! Пошли пива выпить, и он сразу начал: «Они мне каждую ночь снятся...» Я стал уговаривать: не мы их убили, и все такое, он вроде согласился. Но прежние страхи ко мне сразу вернулись.

– И ты решил дружка утопить?

– Вы что?! Ничего подобного у меня и в мыслях не было.

– Я охотно поверю, – согласился Сергей Львович, – если ты назовешь убедительную причину, по которой кто-то мог желать вашей кончины.

– Разумеется, это убийца Кассандры. Разве не ясно?

– А чего вдруг он решил от твоих дружков избавиться через столько-то лет? Какой ему резон, если все так удачно сложилось? Вы за ним подчистили, труп убрали... А тут – откровенный риск: вдруг да и обратят внимание на связь между вами, что, собственно, и произошло. И то старое дело вновь всплывет.

– Откуда мне знать, что в голове у убийцы? – разозлился Павел.

– Сдам-ка я тебя ментам, – вздохнул Берсенев. – Пусть они с тобой возятся. Ни малейшего желания помогать человеку, который врет на каждом шагу.

– Я не вру. Я понятия не имею...

– Картинка не складывается, дорогой друг и почти что родственник, – заметил Сергей Львович. – А если не складывается, значит, ты лапшу развешиваешь, то есть искажаешь факты, так звучит, безусловно, интеллигентнее. Ты, придурок, решил его шантажировать? – вдруг рывкнул Берсенев, да так, что и Павел, и даже я подскочили, одновременно втянув голову в плечи.

– Я... мы... – заикаясь, начал он. – Мы думали, Кассандру убил любовник. Что-то не поделили и... он нас подставил. Но потом... Фирма, где я работал, нуждается в инвестициях, и Севастьянов проявил к этому интерес. Мы пару раз обедали вместе, речь зашла о наших бизнесменах, в том числе и о Геращенко. И Севастьянов сказал: этот хмырь на что угодно способен. Завалил жену, и ему это с рук сошло. И я подумал: вот решение проблемы – заставить Геращенко раскошелиться. И уехать за границу, чтоб не бояться, что Федотов побежит в полицию каяться. Я отправил Геращенко письмо, сообщил, что знаю об убийстве, и знаю, где захоронено тело. Советовал позвонить, чтобы договориться. Симкой обзавелся незарегистрированной...

– Но страх, что Геращенко окажется умнее и тебя пристрелит в момент передачи денег, заставил тебя обратиться к людям Севастьянова.

– Они уголовники, как и их хозяин, и подобные дела им не в диковинку. Я обещал им двадцать процентов. Только особого толка от них нет. Геращенко на письмо не прореагировал. Я написал еще одно, упомянув «Приют рыбака», чтоб он не сомневался: это не шутки...

– И вскоре выяснилось, что бывшие приятели стали жертвами несчастных случаев, принявших размах эпидемии.

– Да. Я понял, этот гад догадался: автор письма – кто-то из нас, а может, и мы все...

– И ты решил скончаться заблаговременно.

– А что мне оставалось?

– Ты как дальше думал жить? – спросила я.

– Второе увеличить сумму, получить деньги, разжиться липовым паспортом и свалить, – вместо Павла ответил Берсенев. – У Редина с Сухановым аппетиты тоже возросли?

– От этих идиотов толку немного, но...

– А Полина с Сашкой? – спросила я. – А мать?

– При чем здесь это?! – возмутился он. – Я бы сообщил им позднее.

– Ты был в своей квартире уже после исчезновения?

– Был, – ответил он весьма неохотно.

– На сестру твой дружок напал?

– Господи, да у меня просто не было выбора! Я нашел паспорт. Давно. Какой-то мужик потерял. И оставил его у себя. Сначала лень было отвезти его по месту прописки, потом просто забыл. А тут вспомнил. И подумал, что паспорт мог бы пригодиться. Дождался, когда все из квартиры уйдут, и пошел. И только потом о камере подумал. Пришлось этим звонить. Но я предупредил, чтобы с Полиной обошлись максимально корректно.

– Вот ведь сволочь! – подивилась я. – Поехали в полицию.

Я поднялась, Берсенев кивнул:

– Слово дамы – закон.

– Вы не можете так со мной поступить! Если Геращенко узнает... Это страшный человек, он убьет меня. Вы же понимаете...

– Сестра тебя уже практически похоронила, – пожала плечами я. – А мне чего расстраиваться? Убьют – так тому и быть.

К такому повороту Павел был не готов, и когда Берсенев поволок его к двери, сначала взывал к родственным чувствам, Сашка без отца и прочее в том же духе, потом стал предлагать Берсеневу деньги, начал с двадцати процентов и быстро дошел до пятидесяти. Добился только одного: отправляться в полицию ему предстояло в чем был, то есть в переднике и мохнатых тапочках.

Берсенев распахнул входную дверь, готовясь выставить его на крыльцо, но вдруг вместо этого швырнул на пол, а потом втащил в дом. В догадках я терялась недолго, сообразив, что дверной косяк обзавелся дырой не просто так. Это след от пули.

Павел верещал, лежа на полу и держась за ухо. Я-то думала, его слегка задело, оказалось, обошлось, это меня, скорее, расстроило. Лишись родственник уха, я бы не возражала.

За то время, что я размышляла на этот счет, Берсенев успел захлопнуть дверь и подхватить Павла за шиворот, крикнув:

– Во двор. Быстро. У нас пара минут, пока он будет менять позицию.

Павел заметно оживился, услышав это, и теперь несясь без посторонней помощи.

Мы покинули дом и вскоре вышли на соседнюю улицу. Укрылись в подворотне, и я сказала:

– Будем пробираться к машине?

Сергей покачал головой.

– Опасно. Лучше вызвать такси. – И стал звонить.

– Что это было? – полез ко мне Павел, передник он снял и бросил под ноги, с печалью взглянул на тапочки, но избавляться от них не стал. – В меня стреляли, да? Вы же видели, в меня стреляли... Как он меня нашел? Это вы сообщили?

– Не трынди, – перебил Берсенев, убирая мобильный. – У тебя теперь один выход: явка с повинной. За сотрудничество со следствием выторгуешь себе послабление, повезет – вообще пойдешь свидетелем. По крайней мере, тебя будут охранять и не позволят придушить в первый же день.

– Вы в своем уме? По-вашему, я должен добровольно отправиться в

тюрьму?

– Ну, это как тебе больше нравится. Можно и на кладбище. Геращенко подошел к идее избавиться от шантажиста со всей серьезностью. На него профессионал работает. Есть заказ, значит, его выполняют. Вот как-то так.

Когда подъехало такси, родственник, чертыхаясь, первым полез в машину, устроившись на заднем сиденье подальше от окна. Берсенев сел впереди, а я за его спиной.

Были вопросы, не дающие покоя, и я, перегнувшись к нему, зашептала на ухо:

- Как ты догадался?
- Увидел. Оптика на солнце блеснула...
- Стреляли с крыши подстанции?
- Пять с плюсом, милая.
- Тебе она сразу не понравилась.
- А ты наблюдательна, – улыбнулся он.

У меня был еще вопрос: откуда у нормального человека привычка между делом отмечать удобную позицию для стрелка? Но задавать его я не стала, скорее всего, Берсенев ответил бы что-нибудь в своем обычном духе: в бизнесе без таких знаний – беда, или объявил бы себя любителем боевиков. Но на душе стало пакостно, точно холодная змея свернулась клубком где-то в районе сердца.

Однако вскоре мне уже было не до душевных переживаний. Мы подъехали к отделению полиции неподалеку от дома Павла. Он предпринял попытку смыться, весьма неудачную, учитывая, что далеко не убежал, и в отделение входил, трясая головой и с изумлением озираясь, точно гадая, где он и по какой надобности.

– В человека только что стреляли, – заявила я дежурному в надежде, что подобное сообщение настроит его на серьезный лад и он отнесется к нам с повышенным вниманием.

Не тут-то было. Он принялся лениво переспрашивать, всем своим видом давая понять: потакать чужим глупостям тут никто не намерен. Берсенев, кстати, пасся возле входной двери и никакого участия в беседе не принимал.

– Павел Александрович хочет сделать заявление по поводу трупов, обнаруженных вчера в Клепиках, – добавила я.

Павел побледнел, а вот дежурный скорее обиделся. Но тут взгляд его упал на прикрепленный к стене листок в компании подобных, на котором прямо над фотографией Павла крупными буквами было написано «Розыск».

Дежурный сфокусировался на листке, затем посмотрел на Павла и потянулся к телефонной трубке. После этого мы стали объектом живейшего интереса. Сначала появился один офицер, потом другой, потом нас развели по кабинетам, а через час я уже почти жалела, что явилась сюда. Вопросов становилось все больше, и подозрений у полицейских тоже, по крайней мере, сложилось впечатление, что меня подозревают во всех смертных грехах.

Во время этой затяжной беседы я неоднократно ловила себя на мысли, что весьма неохотно говорю о Берсеневе, то есть он в моем рассказе присутствует минимально. Приятель, который мне помогал в основном как личный водитель. Была бы такая возможность, я бы и вовсе о нем не упомянула. И это наводило на размышления.

Закончив уже в третий раз историю своего расследования, я поняла: еще немного – и свалюсь со стула, так меня это вымотало. Но тут внезапно все кончилось, следователь попросил подписать бумаги и сказал:

– Что ж, я вас не задерживаю.

Последнее слово прозвучало небесной музыкой. Оказавшись в коридоре, я огляделась в поисках Сергея, но его не обнаружила. Я бы несколько не удивилась, узнав, что он тихо смылся, не желая общаться с полицией. Но дежурный, увидев меня, сказал:

– Ваш спутник освобожден раньше, просил позвонить, когда вы закончите.

Я вышла из отделения, набрала номер сестры, но почти сразу его сбросила. Говорить с ней сейчас я была не готова. И позвонила Берсеневу.

– Вновь на свободе? – весело осведомился он. – Минут через двадцать подъеду.

Я ждала, устроившись на скамейке, с неприятным чувством, что судьба вновь преподносит сюрприз, без которого я вполне бы обошлась.

Наконец подъехал Берсенев, я села в машину, и он сказал:

– Святая обязанность гражданина часто выходит ему боком.

– С этим не поспоришь. Как тебе удалось так быстро от них отделаться?

– Сам удивляюсь, но рад безмерно. За сэкономленное время успел много чего сделать. Вернул в прокат «БМВ» и ключи от дома его владельцу. Ну и предупредил своего несостоявшегося компаньона, что наши пути, увы, разошлись.

– Ты уезжаешь? – не в силах скрыть дрожь в голосе, спросила я, успев подумать: предчувствие не обмануло. – Когда?

– Днем раньше, днем позже – какая разница? Отвезти тебя домой?

Это было неожиданно. Не то, что он меня бросит, а то, что сделает это вот так. Сообщит между делом, ничего не объясняя... Впрочем, что тут объяснять? Надо бы сцепить зубы и молчать, но я спросила:

– Мы увидимся? Я имею в виду...

– Вряд ли.

– Спасибо, что ничего не обещаешь, – кивнула я.

– О, об этом можешь не беспокоиться, – засмеялся он.

Теперь было трудно представить, что всего несколько часов назад он был нежным, страстным... Равнодушие и желание поскорее уехать, вот и все. Еще одна из масок, которые он меняет с легкостью, за ними его настоящего не разглядишь.

Я бы хотела разозлиться, заорать, наговорить ему гадостей, но на это не было сил. Так утопающий идет на дно, смирившись с тем, что на поверхность ему уже не подняться.

– Сестре звонила? – спросил Берсенев.

– Нет. Собираюсь с силами.

– Хочешь совет? О своей роли особо не распространяйся. Женщины – существа загадочные: кинется мужа спасать, а ты окажешься виноватой.

– В том-то все и дело, что кинется. А этот гад хотел смыться, бросив ее с ребенком.

– Пусть сами разбираются. Ну что ж... – Мы въехали во двор, он кивком указал на мою машину. – Тачку на эвакуаторе доставили.

– Спасибо.

– Старался.

– Человек, который стрелял в Павла... Как думаешь, его найдут?

– Если смогут прижать Геращенко, шансы неплохие. Но прижать его будет нелегко. Конечно, теперь есть труп Кассандры, но прошло девять лет. Сам он никого не убивал, доказать его связь с кем-то из погибших мужчин сложно, тем более что речь вроде бы шла о несчастных случаях. В дело вступают адвокаты и прокуроры, а там как карта ляжет. В любом случае ловить киллера – затея опасная, а главное, неблагодарная. Думаю, сегодня ты убедилась: ждать грамоты с именными часами довольно наивно.

– Значит, мы так и не узнаем...

– Ты нашла Павла, – перебил он. – Вроде бы это было основной задачей: выяснить, что с ним случилось.

– У меня еще два киллера на подходе, – пошутила я, а на самом деле хотелось сказать «не бросай меня», но какой в этом смысл?

– Если они до сих пор не появились, вряд ли их следует ждать, особенно сейчас, при повышенном внимании к тебе полиции.

– Да я так сказала... Вдруг тебе захочется еще немного поиграть в сыщика...

– Мне быстро все надоедает, – улыбнулся он, я кивнула и сказала:

– Пока... – и поспешила выйти из машины, чтобы не наговорить глупостей или, не дай бог, не разреветься.

Вошла в подъезд, ни разу не оглянувшись, и на это ушли все силы. Я опустилась на ступеньку, уткнулась лбом в колени и сидела, пока не услышала, как заработал лифт. Не хватает, чтобы меня застали в таком виде.

Поднявшись по лестнице и потоптавшись немного в нерешительности, направилась к квартире Олега. Позвонила, очень надеясь, что он окажется дома. Дверь распахнулась, и я вздохнула с облегчением.

– Привет, – обрадовался сосед. – Я уж думал, ты куда-то уехала. Беспокоился.

– Но не позвонил.

– Не хотел быть навязчивым. Проходи, очень рад тебя видеть.

Сбросив обувь, я прошла в комнату, села в кресло.

– Хочешь кофе? – спросил он.

– Не откажусь. Давай я сама...

– Сиди, я приготовлю. Тебе покрепче? – крикнул он из кухни.

– Нет. Боюсь, полночи спать не буду.

Олег вернулся с двумя чашками кофе. Сделал глоток, приглядываясь ко мне, и спросил:

– Что случилось?

– Нашелся муж моей сестры.

– Живой?

– Живой. Но теперь думаю, лучше бы мертвый.

Я рассказывала ему о причине исчезновения Павла, а думала о Берсеньеве. Когда он уедет? Сегодня, завтра? Или еще немного задержится? Возможно, будет совсем рядом, а я даже не узнаю. Я могу ему позвонить? Наверное, могу. Вот только что скажу? «Привет, как дела?» Ну и что, хотя бы это... Вполне естественно поинтересоваться, где он. Мы ведь вроде бы друзья... На самом деле мы никто. Просто несколько раз занимались любовью. И это не повод, чтобы звонить.

– Алла, да не расстраивайся ты так, – услышала я и поняла, что реву. – Может, и хорошо, что сестра узнает, что он за гусь... Успеет еще свою жизнь устроить.

– Да, конечно, – кивнула я. В этот момент я услышала шум, точно кто-то возился в кладовке. – Что это? – спросила Олега.

– Соседи, наверное.

Звук вновь повторился, я сказала:

– Такое впечатление, что в кладовке собака.

– Кстати, подумывал завести. У друга лабрадор, по-моему, они симпатичные.

– Мне тоже нравятся. Можно мне еще кофе?

– Конечно.

– Ты не беспокойся, я сама.

Взяв чашку, я прошла в кухню и принялась шарить по шкафам.

– Где у тебя кофе?

– В ящике справа от мойки.

– Может, приготовить тебе чаю?

– Захвати стакан воды.

Я взяла банку кофе, потянулась за чайником, и тут явилась мысль: банка стояла на верхней полке. Олег бы не смог ее достать, сидя в коляске.

Косясь в сторону комнаты, я вновь заглянула в шкаф в надежде увидеть еще одну упаковку кофе, которой и воспользовался сосед. Песок в дозаторе, чай... Банка стояла на верхней полке, и он смог ее достать? Я обшарила взглядом кухню в поисках второй банки. Быстро проверила шкафы.

Пора было возвращаться, моя задержка выглядела подозрительно. Взяв чашку и стакан с водой, я вернулась в комнату. Олег взглянул на меня и улыбнулся. Берсенев говорил: инвалид в коляске – отличное прикрытие. Кому придет в голову подозревать человека, не способного передвигаться самостоятельно? Ему проще вызвать симпатию и даже познакомиться проще, достаточно обратиться с просьбой о помощи. Он мог наблюдать за моими перемещениями и попасть в мою квартиру тоже мог. Для киллера это вряд ли проблема. А еще оставить в квартире следы чужого присутствия и предложить свою помощь, чтобы нервная девица прониклась к нему доверием и рассказала всю подноготную. Что я, собственно, и сделала. Одно утешает: ничего толкового он так и не услышал, потому что о его собрате по профессии я ничего не знаю. «И о Берсеневе я промолчала», – мысленно усмехнулась я.

– О чем задумалась? – спросил Олег.

– Надо звонить сестре... Все никак не могу решиться.

– Может, будет лучше, если ей сначала менты позвонят? Сообщат, что муж нашелся... Ты не могла бы окно открыть? – попросил он. – Что-то душно.

Я кивнула, прошла к окну, приоткрыла фрамугу и вернулась в кресло.

– Как складываются твои отношения с молодым человеком?

– С Ильей? Никак. Он не звонил, и я тоже.

«Илья видел меня с Берсеневым, даже пытался следить. И после этого не звонил ни разу, наверное, обиделся...» Мысли вдруг стали вязкими, я сделала последний глоток кофе, попыталась поставить чашку на стол, но она выскользнула из рук. Голова внезапно отяжелела.

«Что со мной?» – успела подумать я, скатываясь в беспамятство, но успела увидеть, как Олег поднялся с кресла и шагнул ко мне.

Звуки возвращались постепенно. Крик... Отдаленный, словно со дна колодца. Потом все ближе, ближе. Человек захлебывался в крике и вновь начинал кричать. А потом все стихло. Но я смогла пошевелиться и открыть глаза.

В первое мгновение показалось, что меня окружает беспросветная тьма, но, повернув голову, я увидела светящуюся точку, не понимая, что это. А потом все чувства вернулись, и стало ясно: я сижу на бетонном полу. Помещение огромное, с высокими потолками. Зброшенный заводской цех, вот на что это похоже. На длинном шнуре свисает электрическая лампочка, освещающая пространство в несколько метров. Голова раскалывается от боли, и очень хочется пить.

Я попыталась передвинуться, принять более удобную позу. За спиной стена, я сижу, привалившись к ней. Странно, но ни руки, ни ноги у меня не связаны. Я подтянула ноги, намереваясь встать, и тут в луче света появился Олег. Присел передо мной на корточки и, улыбаясь, протянул бутылку с водой. Я жадно выпила почти половину.

– Где мы? – спросила. Голос звучал хрипло, едва слышно.

– Какая разница? – пожал он плечами и задал свой вопрос: – Банка кофе?

Я молча кивнула, он засмеялся:

– Засыпаться проще всего на мелочах.

– Это тебя я видела там, в доме?

– Нет, в том доме меня не было. Ты видела его.

Он кивнул за свою спину, и тут стало ясно: мы не одни. На веревке, переброшенной через балку, висел человек, привязанный за руки. Голова свесилась на грудь. Илья. Голый, с жуткими ожогами по всему телу. У его ног стояла паяльная лампа и ведро с водой. Воплощение ночного кошмара или фантазия маньяка. Я подумала: Илья мертв, но он пошевелился, застонал, а Олег усмехнулся:

– Никто не обещал, что смерть будет легкой. Тебе следует благодарить

нашу девушку, – возвысил он голос, обращаясь к нему, а потом вновь повернулся ко мне. – Когда ты сказала, что вы встретились после длительного перерыва, я решил присмотреть за парнем и не прогадал. Мы тут побеседовали, пока ты была в отключке.

– У меня к нему тоже есть вопросы, – сказала я. – Можно удовлетворить любопытство?

– Да ради бога, – усмехнулся Олег. – Я ведь твой должник.

Он помог мне подняться, и я увидела пистолет. Он сунул его за ремень джинсов, сбоку, под правой рукой. Мы подошли ближе, и меня замутило от ран на теле Ильи.

– Пить, – попросил он, я потянулась за бутылкой, которую держал Олег.

– Ты девушка чувствительная, – с усмешкой сказал он. – Только сочувствия он не заслуживает. Вспомни, что случилось с моими друзьями. Там были две женщины. Рассказать, что они сделали с ними? Твою подругу убил он. Из дома она выбралась, он перехватил ее возле калитки. Я подумал, тебе это будет интересно, вот и поинтересовался.

– Твоим друзьям не повезло, – сказала я. – Дружили не с тем человеком. И к нему у меня сочувствия нет. Просто любопытство.

Немного помедлив, он протянул мне бутылку, и я помогла Илье сделать несколько глотков.

– Расскажи мне о Геращенко. О Кассандре, которую ты убил.

– Мой первый заказ, – усмехнулся Илья, а потом хохотнул, то ли от попыток разум помутился, то ли он просто чокнутый.

– Ты был ее любовником? – пришла я ему на помощь, сообразив, что говорить ему нелегко.

– Ломал голову, как обстрять дело, и подумал, что проще с дамочкой познакомиться.

– А потом решил свалить убийство на работавших там парней?

– Это не должно было выглядеть как заказное убийство, – ответил он. – Вот я и постарался. А эти олухи решили спрятать тело и еще кого-то завалили.

– Ребят из нашего лагеря. Помнишь, парня с девушкой, что пропали?

– Надо же... О них я не подумал. Все сложилось отлично для клиента, а для меня стало боевым крещением. – Он вновь усмехнулся.

– Но потом Геращенко стали шантажировать, и он вновь обратился к тебе.

– Да, сказал, надо всех зачистить. Но так, чтобы подозрений не возникло. Я не стал отказываться, хоть у меня было дело поважнее.

– Охота на коллегу? – усмехнулась я.

– Ага. Но я дал маху. Тип, который был с тобой, сбил с толку, я стал следить за вами, а на вот этого внимания не обратил.

Сосед при этих словах усмехнулся. Илья закашлялся, я дала ему воды, отступив вправо и немного назад. Олег вряд ли обратил на это внимание. Пистолет притягивал взгляд, он был совсем рядом, стоило лишь протянуть руку. Я поспешила задать очередной вопрос:

– Ты следил за нами, что дальше?

– Сообщил Геращенко, что вы были на базе.

– Поэтому он решил с нами встретиться... Хотел понять, что мы затеяли.

– А потом узнал о трупах возле Клепиков и сказал, что с последним клиентом надо поторопиться.

– Значит, в Павла стрелял ты?

– Да...

Я чуть подалась к Олегу, он стоял, сложив руки на груди, судя по всему, считал, что я слишком увлечена разговором и не ожидал от меня никаких действий.

«Сейчас», – мысленно произнесла я, зная, что второго шанса не будет, ухватила за рукоять пистолета, выдернула его из-за ремня и попятилась. Олег повернулся и сказал:

– Плохая идея, детка.

А Илья закричал:

– Стреляй!

Я замерла, держа оружие в вытянутой руке.

– Попасть из этой штуки в человека довольно сложно, – зло усмехнулся Олег, в очередной раз, должно быть, с прискорбием отметив, что засыпаться проще всего на мелочах. Он был уверен: мне важно получить ответы, а я все это время думала о другом, дотянуться до пистолета и пристрелить к черту эту сволочь, потому что в противном случае он пристрелит меня. – Ты хоть представляешь, что я с тобой сделаю? – спросил он, шагнув навстречу, Илья вновь крикнул «Стреляй!», и я выстрелила.

Пуля ушла куда-то в сторону, Олег бросился ко мне, а я выстрелила во второй раз. Он отступил назад, как боксер под градом ударов, держа правую руку перед собой, словно защищаясь, покачнулся и упал на цементный пол. А я стояла и смотрела на кровь, которая растекалась вокруг его груди. Из ступора меня вывел голос Ильи.

– Молодец, – сказал он, вдруг обнаружив удивительную живость. –

Теперь развяжи меня.

– Это вряд ли, – ответила я.

– Что? – то ли не расслышал, то ли не пожелал понять он.

– Висишь высоко, – пожалала я плечами.

– Помоги мне, черт возьми! – разозлился он. – Найди, чем срезать веревку.

– Кстати, это ты в кладовке ерзал, когда я с ним кофе пила?

– Он застал меня врасплох.

– И где же?

– В твоей квартире. Я поставил там прослушку, надеялся, твой парень сболтнет лишнее, я ведь его подозревал, но не был уверен, что он тот, кто мне нужен. А сегодня решил прослушку убрать.

– После неудачного покушения?

– Да. Кто знает, как бы все обернулось, вдруг менты проверят твою квартиру...

– Ну да, кто-то мог задаться вопросом, как киллер узнал, где искать Павла...

– Я собрался уходить, а этот поджидал меня с электрошокером.

– Не повезло. Могу вызвать «Скорую» и полицию. Как тебе идея?

– Обойдусь без «Скорой». Попытайся развязать веревку.

– Я думаю, действительно обойдешься: и без «Скорой», и без полиции...

Я навела на него пистолет, и он забеспокоился.

– Послушай, там, в доме, я дал тебе уйти, потому что узнал тебя. Помнишь, как мы купались под луной?

– Я помню ванную и сваленные в ней трупы... А мне ты дал уйти в надежде добраться до киллера.

– Черт с тобой, вызывай полицию.

– Ну да, – кивнула я. – У тебя будет неплохой шанс выкрутиться. Какой-то маньяк тебя похитил, пытал и даже не потрудился объяснить, за что такая немилость. Определенно шансы есть...

– Звони, дура, пока я здесь не загнулся.

– А вот Ире ты шансов не оставил, – не обращая внимания на его слова, продолжила я.

И выстрелила. Он дернулся и затих, а я почувствовала: за спиной кто-то есть, резко повернулась и увидела Берсеньева. Он стоял всего в паре метров.

– Меня тоже пристрелишь? – спросил хмуро.

– Есть за что?

– Повод всегда найдется.

Он протянул руку, и я отдала ему пистолет. Сергей огляделся, насвистывая.

– Жестко, – кивнул вроде бы удовлетворенно и процитировал со смешком: – Обидеть Аллу может каждый, не каждый может убежать. Завалила двух мужиков и держишься молодцом.

– Это не мужики, – сказала я. – Упыри, которые убивают за деньги. Дай мобильный.

– Зачем? – как будто удивился Берсеньев.

– В полицию звонить.

– А вот с этим повременим.

Сунув пистолет за пояс, он достал из кармана латексные перчатки и стал их натягивать.

– Предусмотрительно, – сказала я, он кивнул.

– Никогда не знаешь, что в жизни пригодится.

Он обыскал труп Олега, протянул мне мобильный.

– Твой?

– Да.

Я взяла телефон и начала набирать номер, Берсеньев повторил:

– Не спеши. – Взял меня за руку и повел к пролому в стене, где в предутренних сумерках отчетливо была видна лестница.

– Ты как здесь оказался? – спросила я.

– Интуиция сработала. Хотя я и уверял себя, что ты в безопасности, но внутренний голос шептал: «Ничего подобного». Я тебе позвонил, мобильный оказался отключен. И я начал беспокоиться. Поехал к тебе. Во дворе подошел к парнишке и попросил подняться в твою квартиру, на тот случай, если мне открыть дверь ты не пожелаешь. Дома тебя не оказалось. Я занял позицию во дворе, в надежде, что здесь ты в конце концов появишься. Но ты не появилась. Зато в половине второго ночи показался дядя с инвалидной коляской, в которой сидел другой дядя. Оба в бейсболках, лиц не разглядишь. Но для прогулки было поздновато, и я отправился за ними. Тот, что в коляске, был без чувств, и его весьма неуважительно запихнули в багажник машины. Стало совсем уж интересно. Дядя вернулся в дом и вскоре появился вновь с пассажиром в коляске. Тот тоже был в бейсболке и закутан в плед, но любящее сердце не обманешь: стало ясно, почему ты не отвечаешь на звонки. С тобой обошлись куда мягче, положив на заднее сиденье.

– Где мы? – спросила я.

– Зброшенны заводуцкы цеха.

– Чего ж полицию не вызвал?

– Подумал, надежнее, если я сам возьмусь за твое спасение. Но ты, как выяснилось, не особо в этом нуждалась.

– Наверное, потому, что ты не особо торопился, – усмехнулась я.

– На самом деле я вас потерял, стараясь не попасться на глаза твоему соседу. В этих развалинах успеешь состариться, прежде чем начнешь ориентироваться. На счастье, пленник орал довольно громко. Когда я вас отыскал, вы вполне мирно беседовали, а пока я решал, как тебя спасти, ты обзавелась пушкой.

Мы вышли из здания, возле соседнего корпуса, такого же заброшенного, стояла машина Берсеньева.

– Надо звонить в полицию, – напомнила я.

– Не надо, – покачал он головой.

– Почему?

– Они, конечно, упыри, но от неприятностей тебя это не уберезет. Допустим, первого ты застрелила, защищаясь. Тут все более-менее ясно. Но второй был безоружным, к тому же связанным. У законников на этот счет свое мнение.

– Сейчас, когда ты это сказал, я в самом деле чувствую себя преступницей.

– Это пройдет. В любом случае калечить себе жизнь не стоит. Завтра позвоню из телефона-автомата, сообщу, что слышал здесь выстрелы... Почти наверняка следователи захотят с тобой встретиться, ведь один из убиенных – твой сосед. О том, что со вторым вы приятели, тоже, скорее всего, узнают. В общем, дабы не сболтнуть лишнего, лучше где-нибудь отдохнуть месяцок, а когда душевное равновесие вернется... – Он помог мне сесть в машину и весело подмигнул. А я заревела, стиснув рот рукой.

Мы ехали по городу, пустынному, серому в эти утренние часы, и я все не могла успокоиться, сама толком не зная, кого и что оплакиваю. Убить убийцу – это значит бороться со злом или самый простой способ его увеличить? Я не знала ответ на этот вопрос и сомневалась, что когда-нибудь смогу его найти.

Мы въехали во двор моего дома, я поспешно вытерла слезы и сказала:

– Спасибо, что довез. – Собралась выходить, но вместо этого потянулась к Берсеньеву.

Он обнял меня, уткнулся лицом в мои волосы, легонько поглаживая по спине.

– Ты меня бросишь? – собравшись с силами, спросила я.

– Когда-нибудь обязательно. Или ты меня. Пошли.

– Куда? – не поняла я.

– К тебе, естественно. Сделаем этот мир ненадолго прекрасным.

Я проснулась и сразу поняла, что его рядом нет. Его нет, и я никогда не узнаю, почему он вернулся, а потом ушел опять. Я вообще ничего не знаю о нем, а то, что знаю, меня пугает. Но от этого я не могу любить его меньше.

Он вернется. Надо лишь набраться терпения. Лежать, не открывая глаз, и тогда скрипнет дверь, он подойдет и, склонившись к моему лицу, тихо скажет: «Привет».

Я терпеливая. Я буду ждать. Сегодня, завтра, всегда. Все то время, что длится это «всегда». По сути, не так уж и долго – всю мою жизнь.

Я ушел, когда она крепко спала, точно ребенок, обхватив подушку руками. Ей здорово досталось, но она справится. Бабы живучие. Лучшие приспособляются. Если честно, мне не хотелось уходить. Впервые за все эти годы не хотелось. Вот и решил побыстрее смыться после того, как мы отыскали Павла. И не спешил помочь ей там, на заводе, все не мог определиться, хочу этого или нет. Желание к кому-то привязываться у меня отсутствует. Но она молодец, справилась сама. Не то чтобы я в ней нуждался, просто, чувствуя ее рядом, начинал беспричинно улыбаться. А еще на нее хотелось смотреть. И слушать, как она говорит и как смеется. Только это не имеет никакого значения.

Такой девчонке нужен мужчина, которому она будет верить. В мире которого все понятно и ясно: белое – белое, а черное – черное. Детка, так это не я! Туго у меня с ясностью, и про этот мир я знаю одно: его сотворил шутник, и до нас ему нет никакого дела.

Наверное, она в самом деле любит меня. Способность женщин влюбляться в самых неподходящих для них мужиков меня всегда удивляла. Как она назвала эту парочку? Упырями? В общем-то справедливо. Свою первую дюжину я долго помнил: лица, имена, обстоятельства, при которых они скончались. Никто из них никогда мне не снился и не тревожил мою дремлющую совесть. Но я думал, уж если лишил их жизни, то обязан им хотя бы этим. А потом мне стало все равно. И считать их я перестал. Заколачивал бабло, мечтая когда-нибудь уйти на покой. Сытая, беспечная жизнь... Лопухнулся с мечтой. Вот и умираю от скуки.

Может, Господь временами все же интересуется, что мы здесь творим, и это способ наказать особо зарвавшихся?

Время шло, а я все сидел в машине и думал об этой девчонке. Звонками донимать не станет, она гордая. Так что симку выбрасывать не

обязательно. Будет давиться слезами, забившись в угол дивана и сжавшись в комок от своего непомерного дурацкого горя...

Я зло чертыхнулся и сказал вслух:

– Спасибо, что не заплакал.

А еще сказал:

– Она мне не нужна.

Помнится, когда-то я думал так же. Рядом с другой женщиной, которая любила меня. А вышло хуже не бывает. Это я ей не нужен, да и забыть ее что-то хреново получается.

Может, действительно вернуться? Увидеть счастье в ее глазах и услышать, как она смеется, наврать с три короба и самому во все поверить. И радоваться, что в этом мире ты кому-то нужен. Вот сейчас, в эту минуту.

Аллилуйя!